

Мэвис Гибсон

HANNIBAL'S OATH

**THE LIFE AND WARS OF ROME'S
GREATEST ENEMY**

JOHN PREVAS

DA CAPO PRESS

КЛЯТВА ГАННИБАЛА

ЖИЗНЬ И ВОЙНЫ
ВЕЛИЧАЙШЕГО
ВРАГА РИМА
ДЖОН ПРЕВАС

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2019

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
ПЗ6

Переводчики Дарья Петушкова, Егор Поздняков
Научный редактор Мария Кириллова
Редактор Роза Пискотина

Превас Дж.

ПЗ6 Клятва Ганнибалы: Жизнь и войны величайшего врага Рима / Джон Превас ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2019. — 312 с.

ISBN 978-5-00139-001-5

В возрасте 63 лет, окруженный римскими легионерами в маленькой крепости на берегу Босфора, великий полководец Античности предпочел умереть от руки своего слуги, чтобы не попасть в плен. Ганнибал — поистине гомеровский трагический герой; согласно легенде, еще ребенком у алтаря богов Карфагена по настоянию отца он дал клятву вечно бороться с Римом и исполнил данное обещание. Развязав Вторую Пуническую войну — самую разрушительную в античном мире, он совершил то, что в ту эпоху считалось невозможным: героический переход через Альпы с войском и боевыми слонами, — и вторгся в Италию. Гениальный стратег и неутомимый воин, Ганнибал побеждал римские армии, вдвое превосходившие его войско по численности, и годами держал Рим на грани катастрофы.

Американский историк Джон Превас прошел весь путь по пятам Ганнибалы — от Северной Африки и Испании через Пиренеи и Альпы до Италии и Малой Азии, посетил каждое поле битвы, где он сражался, и побывал на месте каждого осажденного им древнего города. Дошедшие до нас античные источники представляли карфагенского полководца кровожадным и эгоистичным человеком, неспособным на милосердие. Но как убедительно показывает Превас, все выдающиеся люди, создающие историю и изменяющие ее ход, неизбежно творят зло.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-001-5 (рус.)
ISBN 978-0-306-82424-1 (англ.)

© 2017 by John Prevas
© Издание на русском языке,
перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ХРОНОЛОГИЯ	12
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	18
 ПРОЛОГ	
ВЫСШАЯ ЖЕРТВА ВО ИСПОЛНЕНИЕ КЛЯТВЫ	31
 ГЛАВА I	
ДОРОГА К ВЛАСТИ	36
 ГЛАВА II	
ПОХОД	66
 ГЛАВА III	
ЧЕРЕЗ ЛЕДЯНЫЕ ВЕРШИНЫ	95
 ГЛАВА IV	
СОКРУШАЯ РИМЛЯН	119

ГЛАВА V	
ЧЕРЕДА ОТСТУПЛЕНИЙ	166
ГЛАВА VI	
НЕСКОНЧАЕМАЯ ВОЙНА	204
ГЛАВА VII	
ВОЗВРАЩЕНИЕ В АФРИКУ	221
ГЛАВА VIII	
ИЗГНАНИЕ	255
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	284
БЛАГОДАРНОСТИ	291
ПРИМЕЧАНИЯ	293
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	305

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работая над этой книгой, я стремился написать увлекательную биографию Ганнибала для неспециалистов, которую можно читать, не обладая глубокими знаниями об историческом контексте. Она адресована не исследователям, а широкому читателю, интересующемуся историей и приключениями. Ее следует читать и получать удовольствие, а не штудировать. Пунические войны между Римом и Карфагеном сравнительно малоизвестный период античной истории, во всяком случае для обыкновенного человека, несмотря на то что в ходе этих конфликтов Рим из одной из республик на Апеннинском полуострове превратился в империю, которая растянулась от одного края античного мира до другого и задавала направление развитию всей западной цивилизации. Роль Ганнибала в этом превращении была определяющей.

Мой интерес к Ганнибалу возник более 25 лет назад, когда я преподавал латынь в пригороде Вашингтона, окру

Колумбия. Вместе с несколькими моими лучшими учениками мы переводили труды римского историка Тита Ливия и изначально сосредоточились на грамматике и лексике истории о переходе армии Ганнибала через Альпы. По мере того как слова переводились с латыни на английский и их грамматический контекст начал выходить на первый план, в аудитории стало происходить нечто прекрасное и совершенно неожиданное: история ожила. На страницах тетрадей моих учеников разворачивалась повесть о захватывающих приключениях, тяжелых испытаниях и свершениях. Чем глубже мы погружались в историю Ганнибала, тем больший интерес и воодушевление проявляли студенты, предвкушая новые открытия. Вскоре рутинное корпение над грамматическими конструкциями и зубрежка бесчисленных терминов сменились удивительной историей Древнего мира.

Студенты были заинтригованы этим африканским героем, предводителем, совершившим то, что в античном мире считалось невозможным. Поначалу мне казалось, что они намеренно преувеличивают свой интерес, желая сбить меня с толку, — у студентов такое водится. Но история Ганнибала открыла загадочный и гедонистический мир карфагенской Северной Африки, а затем перенесла нас в Испанию, через Пиренеи на юг Франции. Вместе с Ганнибалом мы пересекли Рону и следовали за ним через Альпы, сражаясь с природой и дикими горными племенами, встречающимися на нашем пути. Рассказ Тита Ливия оживал на глазах, часто в удивительных подробностях, повествуя о том, как Ганнибал со своими наемниками и слонами преодолевали тысячи миль, сражаясь с враждебными племенами иберов и галлов, переходили реки и взбирались по самым высоким, труднодоступным и коварным утесам Альпийских гор, чтобы добраться до Италии и начать большую войну. Студентам

хотелось узнать еще больше, и тогда мы даже принялись читать источники на древнегреческом.

Мои ученики узнали, что весной 1800 г. Наполеон прошел по следу Ганнибала, когда повел армию через Альпы, чтобы застать врасплох своих австрийских противников. Наполеон обвел всех вокруг пальца, не просто перейдя через Альпы, но построив в горах дорогу, которую используют и по сей день. Позже в изгнании он писал: «Ганнибал является наиболее удивительной личностью, судя по отваге, уверенности и величию, проявленным во всех его свершениях. В возрасте двадцати шести лет он постиг то, что было едва ли постижимым, и осуществил то, что, казалось, осуществить было нельзя [...] Он пересек Пиренеи и Альпы, что считалось невозможным, и спустился в Италию, пожертвовав половиной своей армии, чтобы всего лишь приобрести поле сражения, только ради самого сражения»*. Для моих студентов, молодых юношей и девушек, представителей цифровой эпохи, Ганнибал стал культовым героем из прошлого. Он был античным героем, которому удалось превозмочь силы природы, выжить вопреки всем ожиданиям, выиграть каждую битву против римских войск в Италии, чтобы в конце концов проиграть войну. «Почему, — спрашивали мои студенты, — мы столь очарованы этим трагическим персонажем?»

Чтобы написать эту книгу, я прошел весь путь по следам Ганнибала. Побывал во всех уголках мира, где в древние времена ступала его нога. Посетил каждое поле битвы, где он сражался, перешел каждую реку и каждую гору, которые он преодолел, побывал на месте каждого осажденного им древнего города. Начав свое путешествие в Тунисе, в Картаже (современное название города, в котором находятся остатки

* Чит. по: Граф Лас Каз. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: В 2 кн. — М.: Захаров, 2010. Кн. II, с. 504. — *Прим. пер.*

древнего Карфагена. — *Прим. пер.*), где родился Ганнибал, я завершил его в Анатолии, в маленьком портовом городишке, где ему было суждено умереть. В ходе своих странствий я отправился в Испанию, где Ганнибал учился быть воином и полководцем. Я побывал на руинах города Сагунта, с осады которого началась война Карфагена с Римом, и затем двинулся по следам Ганнибала через Францию, Альпы и всю Италию с севера на юг. Я посетил Эфес в Малой Азии, а затем Крит и руины Гортины, где Ганнибал прятался в изгнании. Этот опыт научил меня — и надеюсь, мне удалось отразить это в книге, — как важно для рассказчика пройти тот же путь, что и его герои, истории которых он пытается рассказать, будь то Ганнибал из Карфагена, персидский царь Кир, афинский Ксенофонт, Александр Македонский или римские Цезарь и Октавиан Август. Увидеть своими глазами то, что они видели, и хотя бы отчасти почувствовать то, что им пришлось испытать, оказалось крайне важным, чтобы оживить моих персонажей и подробно изложить читателям историю их успехов и неудач.

Что касается источников по изучению истории Ганнибала, то за несколько последних десятилетий не было найдено ничего нового. Все, кто пишет о Ганнибале, опираются на одни и те же латинские и древнегреческие источники, пытаясь немного по-разному расставлять в них акценты. В последнее время принято ставить под вопрос достоверность и даже практическую ценность античных источников. Похоже, их изучение пропитано стремлением соблюсти политкорректность. Историки скептически относятся к свидетельствам древнегреческих и древнеримских авторов, приписывая им предубежденное отношение к Карфагену и Ганнибалу. Считается, что те в силу своей ненависти к семитской цивилизации намеренно искажали факты и очерняли врагов или, напротив, сильно преувеличивали мощь противников, чтобы

подчеркнуть величие Рима. Таким образом, источники или чересчур критичны в отношении Ганнибала, или же излишне лестны, а потому любому историку трудно установить, что к чему, и добиться взвешенного подхода. Но позиция Рима, как и большая часть вещей на свете, со временем изменилась. Бесспорно, в III в. до н. э. Ганнибал внушал Риму ужас, являясь угрозой самому его существованию. Во время Второй Пунической войны и вскоре после нее римские авторы изображали его не заслуживающим доверия, коварным, алчным и безжалостным по натуре человеком, унаследовавшим жестокий характер и жившим ради единственной цели — разрушения. Но позднее их отношение изменилось, и во времена Империи мы находим у римских авторов позитивный образ Ганнибала. Он стал олицетворять благородного противника, наделенного добродетелями и чертами, прежде приписываемыми римским героям Античности. Именно этот образ прошел сквозь века и сохранился вплоть до наших дней. Но, как покажет эта книга, Ганнибал представлял собой сложную смесь самого хорошего и самого плохого, что есть в человеческой природе: он был невероятно уверен в себе, умен, наделен тактическим гением, великодушием и состраданием, в то же время оставаясь непостижимо жестоким, бессердечным и алчным.

ХРОНОЛОГИЯ

800 г. до н. э. — основание Карфагена.

753 г. до н. э. — основание Рима.

600 г. до н. э. — карфагенская колонизация Западной Сицилии и Сардинии.

275 г. до н. э. — Рим начинает укреплять свою мощь в Южной Италии. Пирр, царь Эпира и Македонии, вторгается в Южную Италию и объявляет войну Риму.

264 г. до н. э. — римские войска высаживаются на Сицилии. Начало Первой Пунической войны.

249 г. до н. э. — Гамилькар Барка, отец Ганнибала, принимает командование сухопутными войсками Карфагена на Сицилии и ведет успешную партизанскую войну против римлян.

247 г. до н. э. — в Карфагене на свет появляется Ганнибал — старший из трех сыновей Гамилькара Барки, которые впоследствии станут известны как «львиный выводок».

- 247–243 гг. до н. э. — Гамилькар успешно воюет с римлянами на Сицилии, но карфагенский сенат запрещает ему пересекать пролив и начинать боевые действия в Италии.
- 241 г. до н. э. — римские корабли уничтожают вспомогательный флот Карфагена, плывший на Сицилию. Не имеющий возможности пополнить армейские запасы на острове и изнуренный войной, Карфаген просит о мире. Конец Первой Пунической войны.
- 240 г. до н. э. — Гамилькар уводит свою сицилийскую армию в Северную Африку. Сенат отказывается платить наемникам жалованье, и начинается беспощадная война. Гамилькар берет под свое командование новую карфагенскую армию и разбивает силы наемников, служивших под его началом на Сицилии. Рим аннексирует принадлежавшие Карфагену острова Сардинию и Корсику.
- 237 г. до н. э. — Гамилькар начинает завоевание Испании с целью расширить владения Карфагена и установить правление своей династии на новых территориях. Пунийцы основывают на побережье Испании город Новый Карфаген, современная Картахена.
- 229 г. до н. э. — Гамилькар погибает. Его зять Гасдрубал Красивый принимает на себя командование войсками в Испании и становится наместником провинции. Ему удается упрочить господство Карфагена в регионе. Он обучает юного Ганнибала военному искусству и дипломатии.
- 221 г. до н. э. — Гасдрубал умирает от руки кельтского раба. 26-летний Ганнибал провозглашен главнокомандующим карфагенской армией в Испании.

220 г. до н.э. — начало конфликта между Римом и Карфагеном из-за притязаний на Сагунт — город, основанный греками на испанском побережье в нескольких милях от современной Валенсии.

219 г. до н.э. — Ганнибал осаждает Сагунт. Начало Второй Пунической войны.

218 г. до н.э. — Ганнибал выступает в поход на Северную Италию, совершив переход через Альпы, и наносит поражение римлянам в битвах при Тицине и Треббии.

217 г. до н.э. — Ганнибал попадает в Центральную Италию через Апеннинские горы и, загнав римскую армию в засаду у северного берега Тразименского озера, наголову разбивает ее.

216 г. до н.э. — в битве при Каннах на Адриатическом побережье Юго-Восточной Италии Ганнибал громит самую крупную в истории римскую армию и одерживает величайшую победу в своей карьере.

На волне военных успехов Ганнибал убеждает македонского царя Филиппа V вступить в войну против Рима. В ответ Рим направляет флот в Иллирию, чтобы сдерживать силы Филиппа, а также бросает новое подкрепление в Испанию.

211 г. до н.э. — братья Сципионы, лучшие римские полководцы, убиты, сражаясь в Испании с братьями Ганнибала.

210–208 гг. до н.э. — римский сенат посылает Публия Корнелия Сципиона, сына и племянника убитых в Испании военачальников, взять на себя командование их войсками. Гасдрубал выводит из Испании значительные силы и отправляется на подмогу Ганнибалу через Альпы.

- 207 г. до н. э. — перелом в ходе войны в пользу Рима. Ганнибалу не удается одержать еще одну победу над стойкими римскими армиями, а число сдавшихся ему греческих полисов недостаточно для победы в войне. В битве на реке Метавр, протекающей чуть севернее современного города-порта Анкона у побережья Адриатического моря, Гасдрубал гибнет, а его армия уничтожена. Ганнибал остается в Северной Италии, в то время как очаг боевых действий перемещается в Испанию и Северную Африку.
- 206 г. до н. э. — Сципион Африканский наносит поражение младшему брату Ганнибала Магону в Испании. Ганнибал по-прежнему отрезан от военных действий, находясь в северной части Италии.
- 205–204 гг. до н. э. — Сципион отправляется в Северную Африку, чтобы заручиться поддержкой нумидийских племен, затем следует на Сицилию, чтобы подготовить армию для вторжения в Карфаген. Магон с флотом покидает Испанию, предпринимая еще одну попытку присоединиться к войскам Ганнибала с новым подкреплением.
- 203 г. до н. э. — Сципион одерживает победу над армией Карфагена в Северной Африке. Сенат отзывает Магона и Ганнибала из Италии на родину.
- 202 г. до н. э. — попытка Ганнибала добиться перемирия у Сципиона Младшего терпит неудачу, он вынужден принять генеральное сражение в местности к югу от Карфагена. Сципион применяет против Ганнибала его же тактику и одерживает блистательную победу. Битва при Заме положила конец Второй Пунической войне.
- 201 г. до н. э. — по условиям мирного договора Карфаген теряет все свои заморские территории, большую часть

флота и боевых слонов и обязуется выплатить огромную контрибуцию Риму в течение 50 лет.

200 г. до н.э. — Рим идет войной на Филиппа Македонского за то, что тот оказал поддержку Ганнибалу.

196 г. до н.э. — народное собрание избирает Ганнибала высшим должностным лицом Карфагена. Он осуществляет реформы государственного управления.

195 г. до н.э. — Ганнибал спасается бегством из Карфагена, чтобы избежать ареста по обвинению в сговоре с целью развязать войну с Римом. Он находит убежище при дворе сирийского царя Селевкидов Антиоха.

193 г. до н.э. — Ганнибал советует Антиоху захватить Италию. Царь вторгается в Грецию.

191 г. до н.э. — потерпев поражение от римлян в битве при Фермопилах, Антиох вынужден отступить из Греции.

190 г. до н.э. — римляне наносят поражение армии Антиоха в битве при Магнесии в Малой Азии, Ганнибал бежит на остров Крит.

188 г. до н.э. — Ганнибал покидает Крит, чтобы найти убежище при дворе царя Армении Арташеса I.

187 г. до н.э. — на севере Малой Азии начинается война между пергамским царем Эвменом II, союзником Рима, и его соседом, царем Вифинии Прусием. Ганнибал присоединяется к Прусии в качестве военного советника.

184 г. до н.э. — Прусий проигрывает войну и по требованию Рима выдает местонахождение Ганнибала.

183 г. до н.э. — в Вифинии Ганнибал загнан в ловушку римскими войсками и решает покончить жизнь самоубийством. Рим начинает строительство империи, он

ХРОНОЛОГИЯ

распространяет свое присутствие на всю Грецию и Малую Азию.

149 г. до н.э. — начало Третьей Пунической войны между Карфагеном и Римом.

146 г. до н.э. — Карфаген, взятый в кольцо римской армией, разрушен. Все уцелевшие его жители проданы в рабство.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АНТИОХ III — Царь Сирии и потомок Селевка I, одного из военачальников и преемников Александра Македонского. Антиох принял Ганнибала при своем дворе в Эфесе в 195 г. до н. э.

АРТАКСИЙ (АРТАШЕС) I — Царь Армении, предоставивший Ганнибалу убежище после его побега с Крита.

Гай Клавдий НЕРОН — римский командующий в Испании и Италии, сыгравший решающую роль в победе над Гасдрубалом в битве на реке Метавр. Его дальновидность, инициатива и смелость у Метавра переломили ход сражения в пользу римлян.

Гай Теренций ВАРРОН — римский полководец, разбитый Ганнибалом в битве у Канн. Варрону удалось сбежать с поля боя, и, несмотря на свое поражение, он продолжил военную карьеру, а впоследствии стал послом Рима в Карфагене.

Гай ФЛАМИНИЙ НЕПОТ — римский полководец, погибший в битве у Тразименского озера.

ГАМИЛЬКАР Барка — отец Ганнибала, командовал карфагенскими войсками на Сицилии во время Второй Пунической войны. После войны Гамилькар установил господство Карфагена над значительной частью Пиренейского полуострова (Испании).

ГАННОН — племянник Ганнибала и один из его главных полководцев, часто ошибочно упоминается исследователями как четвертый сын Гамилькара.

ГАСДРУБАЛ — командующий конницей Ганнибала во всех крупных сражениях в Италии, а также во всех битвах на Юге.

ГАСДРУБАЛ — средний сын Гамилькара. Ганнибал оставил его командовать войсками в Испании и Северной Африке в начале Второй Пунической войны. Позднее он провел свои войска через Альпы, чтобы соединиться с братом, но был убит в битве на реке Метавр.

ГАСДРУБАЛ Гискон — карфагенский военачальник, считавшийся одним из лучших полководцев армии Ганнибала

ГАСДРУБАЛ Красивый — зять Ганнибала и муж одной из старших дочерей Гамилькара. После гибели Гамилькара стал его преемником в Испании и наставником юного Ганнибала.

Гней Корнелий СЦИПИОН — Дядя Сципиона Африканского и один из командующих римскими силами в Испании с 218 г. до н.э. вплоть до своей кончины в битве с пунийцами в 211 г. до н.э.

ИМИЛЬКА — испанская жена Ганнибала родом из Кастуло, одного из важнейших городов в Верхней Андалусии. Из-за влияния ее семьи многие историки предполагают, что их брак был частью политического соглашения.

Квинт Фабий Максим КУНКТАТОР — Один из самых уважаемых римских сенаторов, дважды назначался диктатором — это высший пост в республике. После поражения в битве у Тразименского озера он решил преследовать Ганнибала, не вступая с ним в прямой бой. Тактика была очень непопулярна среди нетерпеливых римлян, от которых он получил уничижительное прозвище Кунктатор, что значит «медлительный». Хотя время доказало его правоту.

Луций Корнелий СЦИПИОН АЗИАТСКИЙ — младший брат Африканского и командующий римскими войсками, которые нанесли поражение Антиоху в Греции и Малой Азии.

Луций Цинций АЛИМЕНТ — римский военнотружующий, взятый в плен Ганнибалом в Северной Италии. Алимпент провел несколько лет в карфагенском лагере, где, по всей видимости, Ганнибал рассказал ему много подробностей о переходе через Альпы и военной кампании в Италии. Впоследствии эти детали проникнут в хроники позднейших римских историков.

Луций Эмилиий ПАВЕЛ — один из военачальников римских войск в битве при Каннах, погиб в этом сражении.

МАГАРБАЛ — командующий нумидийской конницей, совершивший с Ганнибалом переход через Альпы, а также сражавшийся при Тицине, Треббии, Тразименском озере и у Канн. Получил известность, обругав Ганнибала за то, что после победы у Канн тот немедленно не начал осаду Рима.

МАГОН — младший сын Гамилькара и один из главных полководцев Ганнибала. Магон сопровождал брата при переходе через Альпы, а затем направил карфагенские войска для борьбы против римлян в Испании. Вторгся в Северную Италию, второй раз совершив неудачную попытку

отвлечь войска Рима от Ганнибала на юге полуострова. Магон скончался на корабле по пути домой в Карфаген.

МАГОН Самнит — один из старших офицеров армии Ганнибала и его близкий друг. С 212 по 203 г. до н.э. командовал армией в городе Бруттии. Упоминается источниками как столь же алчный до денег, как Ганнибал.

Марк Клавдий МАРЦЕЛЛ — римский военачальник в Сицилии, а затем Южной Италии, Марцелл захватил Сиракузы и был одним из лучших командиров Рима во Второй Пунической войне. Погиб в сражении против Ганнибала.

Марк Ливий САЛИНАТОР — командир, который помог Нерону разгромить Гасдрубала в битве на реке Метавр, лишив Ганнибала шансов на победу во Второй Пунической войне.

Марк Порций КАТОН — Римский сенатор, воевавший во Второй Пунической войне. Именно его ненависть и страх перед Карфагеном сыграли решающую роль в развязывании Третьей Пунической войны и уничтожении города.

МАСИНИССА — нумидийский принц, а позднее царь племени кочевников, живших на территории Северной Африки, сегодня включающей Алжир и восточную часть Марокко. Изначально Масинисса был союзником Ганнибала, но затем переметнулся на сторону Сципиона Африканского и помог римлянам одержать победу на реке Зама. В награду за это Рим признал его царем Нумидии.

ПОЛИБИЙ — древнегреческий историк II в. н.э.

ПРУССИЙ I — царь Вифинии, античного государства на северо-западе Малой Азии. Воспользовался тактическими знаниями Ганнибала в войне против царя Эвмена, а затем сдал Барку римлянам.

Публий Корнелий СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ Старший — в юном возрасте получил командование над римскими армиями в Испании после гибели его отца и дяди. Доказал, что не уступает Ганнибалу как полководец, и стал спасителем Рима.

Публий Корнелий СЦИПИОН — римский консул и отец Сципиона Африканского. Сражался против Ганнибала при Тицине и Треббии в 218 г. до н.э., затем вместе со своим братом командовал армией в Испании вплоть до своей смерти в бою в 211 г. до н.э.

Публий Корнелий СЦИПИОН ЭМИЛИАН (Африканский) — приемный сын Африканского, стал командующим римской армией, уничтожившей Карфаген во время Третьей Пунической войны.

СИЛЕН Калатинский — греческий историк с Сицилии, учитель и биограф Ганнибала. Силен сопровождал Барку при переходе через Альпы и написал историю этой экспедиции, на которую ссылаются все позднейшие авторы.

СИФАКС — царь нумидийского племени масайсилиев, сражавшийся на обеих сторонах. Был разгромлен Сципионом в Северной Африке и взят в качестве заложника в Рим.

СОСИЛ Лакедемонский — греческий историк родом из Спарты, который, так же как Силен, был учителем и биографом Ганнибала.

Тиберий СЕМПРОНИЙ ЛОНГ — римский военачальник, которого Ганнибал разбил в битве у реки Треббия, выманив из лагеря в засаду.

Тит Квинций ФЛАМИНИН — консул, командовавший римскими армиями в войне с Антиохом III. Гнался за Ганнибалом до Вифинии, вынудив его покончить с собой.

ТИТ ЛИВИЙ — римский историк I в. н. э., написавший историю города, включая детальный рассказ о войне с Ганнибалом. Один из основополагающих источников по истории Ганнибала.

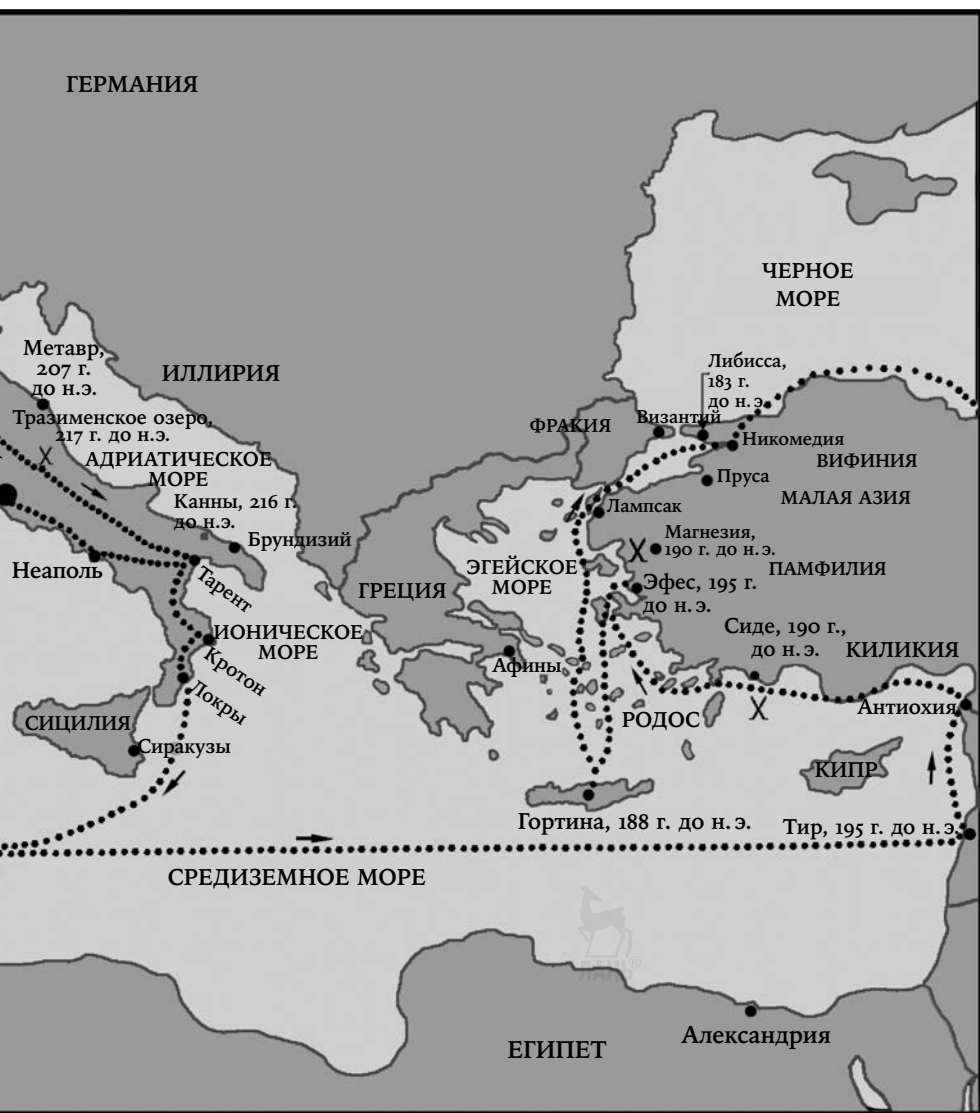
ФИЛИПП V Македонский — царь Македонии. После победы Ганнибала у Канн согласился оказать ему помощь в Италии, рассчитывая заполучить территории в Греции и на Апеннинах. Был разбит римлянами в битве при Кynoskephalaх в Фессалии в 197 г. до н. э.

ЭВМЕН II — царь Пергама, древнего государства в Малой Азии, и союзник Рима. Эвмен помог римлянам одержать победу над войсками Антиоха в 190 г. до н. э. и позднее сражался в Мраморном море против флота Ганнибала и вифинского царя Прусия.

Перемещения Ганнибала по античному Средиземноморью

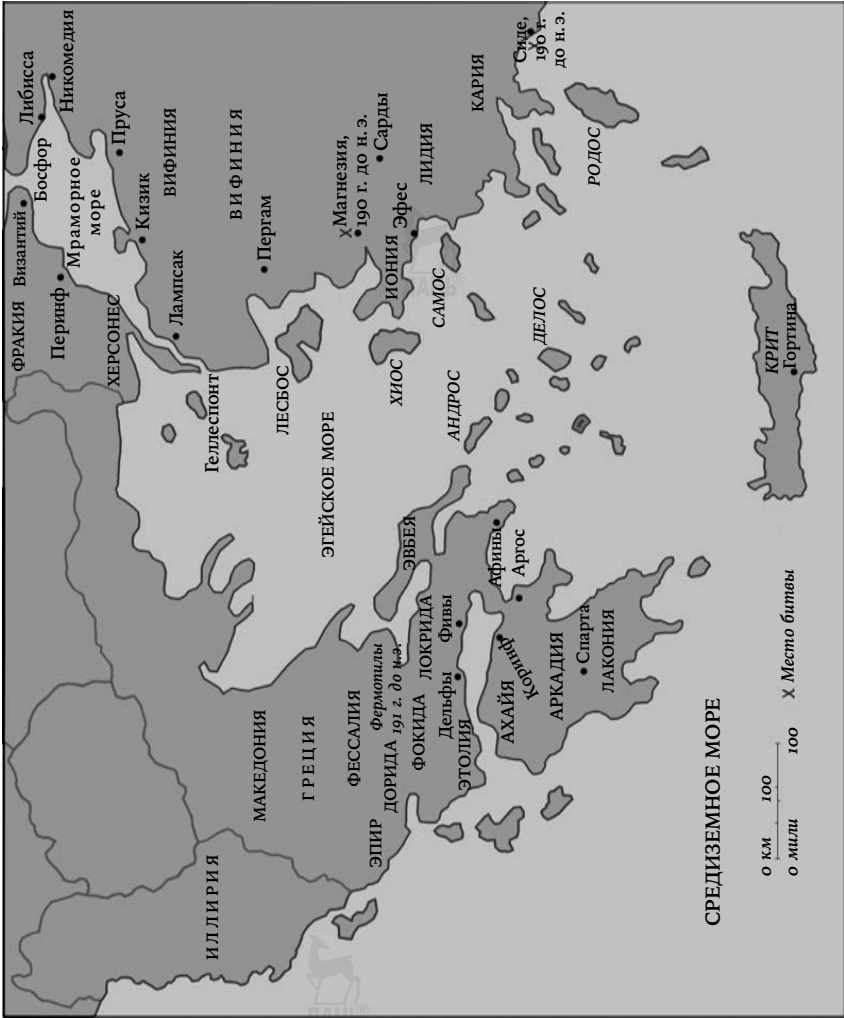

Театр боевых действий армии Ганнибала в Южной Италии 216–203 гг. до н. э.

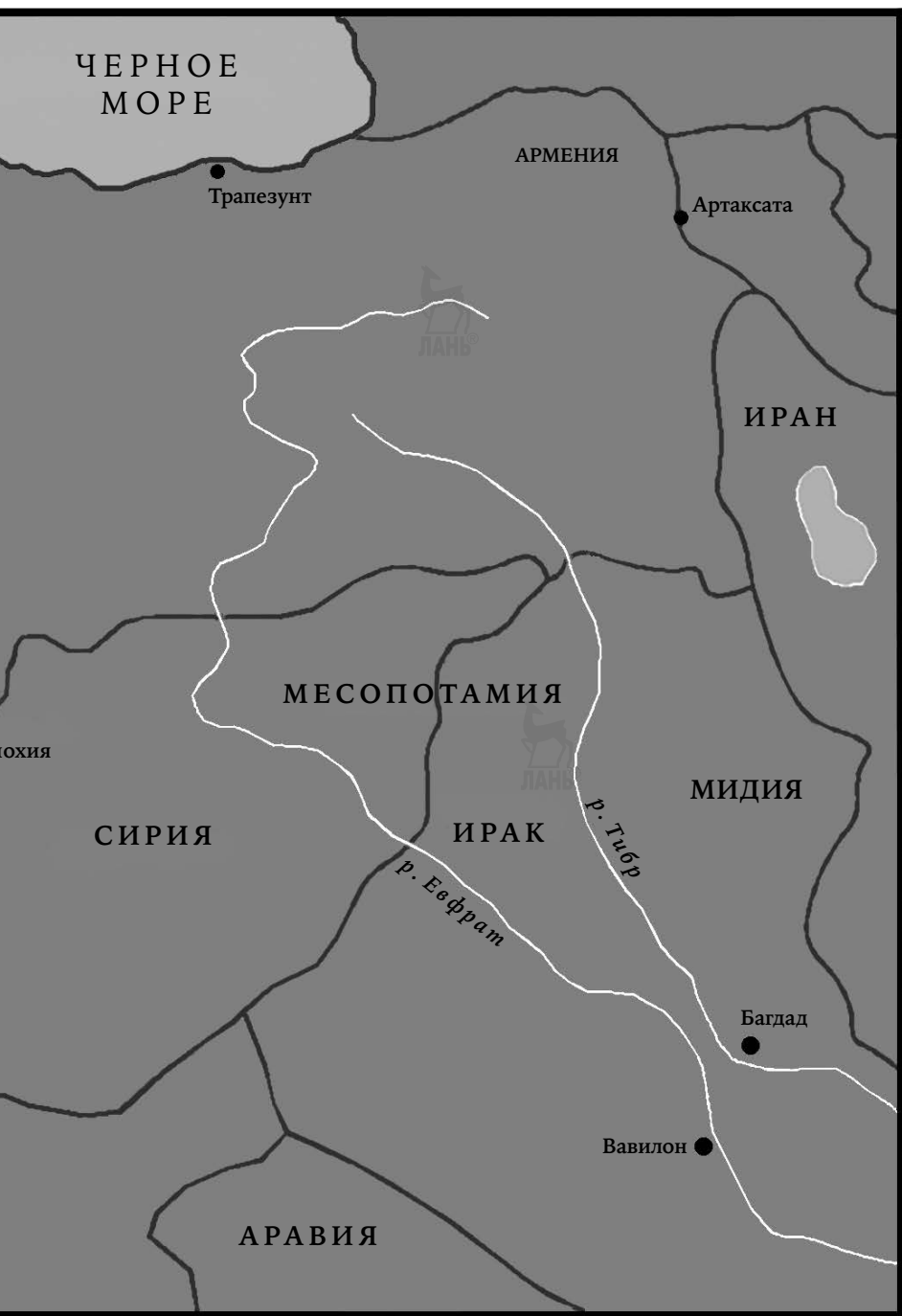

Классическая Греция и Западная Малая Азия

Малая Азия

Взвесь Ганнибала: в вожде величайшем найдешь ли ты много
Фунтов? И это ли тот, кого Африка еле вмещала,
От берегов океана Маврийского к теплему Нилу
Льнущая, к странам слонов, к племенам эфиопов далеких.
Взята Испания им, хребет Пиренеев им пройден;
Против него выдвигает природа покрытые снегом
Альпы — он скалы дробит и уксусом горы взрывает;
Вот уж Италию взял, но все дальше стремится проникнуть.
«Если, — сказал он, — солдат карфагенский не сломит ворота,
Не водружу я знамен посредине Субуры, — мне мало».
О, что за образ, достойный картины, когда гетулийский
Слон был оседлан вождем, на один уже глаз окривевшим!
Ну, а какой же конец? О, слава! его победили.
Ясно, в изгнание стремглав он бежит, и там, как великий,
Всех изумлявший клиент, он сидит возле царской палатки,
Ждет, пока будет угодно проснуться тирану-вифинцу.
Жизни его, потрясавшей когда-то дела все людские,
Что положило конец? Не мечи, не каменья, не копья,
Но незаметный отмститель за Канны, за кровь пролитую —
Перстень. Безумец, ступай, беги чрез суровые Альпы,
Чтобы ребят восхищать и стать декламации темой!

ЮВЕНАЛ. САТИРЫ. САТИРА ДЕСЯТАЯ.

ПЕРЕВОД Ф. А. ПЕТРОВСКОГО

ПРОЛОГ

ВЫСШАЯ ЖЕРТВА ВО ИСПОЛНЕНИЕ КЛЯТВЫ

Когда первые рассветные лучи осветили восточную сторону маленькой крепости, на берег под ее стенами бесшумно высадился отряд. То были воины вифинской царской гвардии, возглавляемые римскими командующими. Всю ночь они плыли на запад вдоль Измитского залива Мраморного моря, пока не достигли местечка на азиатском берегу Босфора, где сегодня расположен маленький турецкий порт Эскихисар. Лето 183 г. до н. э. приближалось к концу, и царь Вифинии Прусий под давлением римских легатов нехотя отправил своих солдат из столицы — Никомедии в эту крепость с приказом пленить или убить Ганнибала. 12 лет назад Ганнибал бежал из Карфагена, ища убежища и службы у эллинистических государей восточного Средиземноморья.

Почти сорок лет он был для Рима врагом номер один, сражаясь против его легионов в Испании, Италии и Северной Африке. Теперь же он служил у этих царей военным советником и экспертом по ведению войны против римлян. Пока Ганнибал был жив, то представлял для римлян угрозу, где бы ни находился, поэтому и они не могли успокоиться, пока не схватят или не убьют его.

Многие годы Ганнибал скитался по восточному Средиземноморью от одного царя к другому, беспрестанно оглядываясь назад и на один шаг опережая римлян. Наконец он посчитал, что нашел прибежище в Вифинии, небольшом царстве в Малой Азии, которым правил мелкий тиран, нуждавшийся в его советах. Но римляне неустанно искали своего врага и, узнав, где скрывается Ганнибал, отправили посланников к Прусию с требованием выдать его. Поначалу тот колебался, прося не заставлять его нарушать законы гостеприимства и не предавать гостя. Но римскую делегацию возглавлял Фламинин, бывший консул, который намеревался войти в историю как человек, избавивший Рим от его самого страшного врага. Римляне наращивали военное присутствие в Малой Азии, и Прусий уже слышал зловещую поступь судьбы. Он боялся Рима и нуждался в его благосклонности, и потому законы гостеприимства отступили перед осязаемыми благами, которых можно было добиться сотрудничеством и потворством. Прусий выдал местонахождение Ганнибала, и римляне отправились за его головой.

После высадки на берег римским легионерам оставалось лишь подняться вдоль холма к крепости, в которой почти в полном уединении жил Ганнибал. Столицей и экономическим и культурным центром царства Пруссия была Никомедия, но карфагенянин предпочел остаться в тени и уединиться в глухой прибрежной деревушке. Здесь, хоть и ненадолго, стареющий полководец шестидесяти четырех

лет обрел подобие мира. Но он знал, что этот день настанет, и основательно подготовился. Он никогда не доверял Прусию, считая того слабым и вероломным, и не удивился предательству. Ганнибалу не было свойственно полагаться на удачу и ждать, пока его судьбу решит слепой рок. За несколько месяцев до этого дня он приказал вырыть семь секретных туннелей, лучами расходящихся за пределы крепости. Прусий знал об их существовании и сообщил о них римлянам. Небольшими группами легионеры быстро нашли и заблокировали все выходы, пока основной отряд готовился ворваться в крепость.

Фламинин был крайне влиятельной фигурой тогдашнего Рима. Будучи слишком юным, чтобы сыграть заметную роль в сражениях с Ганнибалом в Южной Италии и Северной Африке, он прославился позднее как командующий римскими армиями, «освобождавшими» Грецию от гнета Филиппа Македонского. В 189 г. до н. э. Фламинин с триумфом вернулся в Рим, где был избран цензором, что являлось венцом карьеры любого политика. Но годы шли, возможностей снискать новую славу становилось все меньше, и тогда Фламинин вознамерился увенчать свою карьеру поимкой самого страшного врага Рима — Ганнибала. Он узнал, что карфагенянин прячется в Вифинии, от послов Прусия, прибывших в Рим для разъяснения позиции своего царя в конфликте с Эвменом, правителем Пергама и союзником римлян. На праздничном ужине, устроенном Фламинином, один из вифинцев нечаянно проговорился, что Прусий укрывает Ганнибала у себя при дворе. На следующее утро Фламинин направился в сенат и запросил разрешение отправиться в Вифинию и захватить карфагенянина. Вопрос вызвал жаркие споры. Некоторые сенаторы скептически вопрошали, стоит ли тратить усилия, выслеживая врага, который в силу обстоятельств и прожитых лет и так уже стар и немощен. Ганнибал подобен старой

птице, растерявшей оперенье и не способной летать — до-казывал один из сенаторов. Пусть доживает оставшиеся ему годы на Востоке, вдали от Рима, одинокий и безобидный.

Но Фламинин знал, на каких чувствах сенаторов нужно сыграть, чтобы заглушить эти призывы оставить Ганнибала в покое. Он предостерегал сенат, что, покуда Ганнибал жив, он остается угрозой. Фламинин напомнил сенаторам, что Ганнибал был на стороне Антиоха и что своими советами помог Прусию победить Эвмена. Подвизаясь у очередного восточного царька, мечтающего о завоеваниях, Ганнибал мог внезапно появиться на берегах Италии с армией и вновь угрожать спокойствию Республики. Фламинин охотно признавал, что Ганнибал, по крайней мере по античным меркам, старик и, вероятно, уже лишился былой физической силы, но к своим годам он приобрел значительный опыт тактика и стратега, а потому стал для Рима еще опаснее, чем во времена своей молодости. В сенате были те, кто, как и Фламинин, хотел, чтобы Ганнибала привезли в Рим в цепях, с позором провели по улицам и казнили. Фламинин добился их расположения, и эта партия возобладала. Он получил желанную санкцию сената, и в качестве посла к Прусию с ним вместе отправили Луция Корнелия Сципиона, младшего брата Сципиона Африканского. Вместе с Фламинием Луций воевал против Филиппа Македонского, а затем против Антиоха в Греции. В ознаменование его успехов сенат дал ему прозвище Азиатский. Миссией двух римлян было, по-видимому, достичь взаимопонимания с Прусием и затем или доставить Ганнибала в столицу, или убить на месте.

Один из рабов увидел со стены, как римский отряд продвигается к крепости, и разбудил хозяина. Ганнибал приказал ему обойти стену, и, вернувшись, раб доложил, что крепость окружена. Сопrotивляться было бессмысленно, поскольку с Ганнибалом была лишь горстка рабов, не способных

противостоять тяжеловооруженным легионерам, штурмующим крепость. Он пытался воспользоваться потайными проходами, но каждый раз обнаруживал, что туннель заблокирован, и был вынужден вернуться обратно. Он верил, что ему не суждено умереть в Вифинии, поскольку полагался на пророчество оракула о том, что смерть настигнет его в Северной Африке, когда «либисский дерн покроет тело Ганнибала». Он думал, что речь шла о Ливии — так в античную эпоху называли Северную Африку. Ему не суждено было узнать, что неподалеку от крепости в море впадает река Либисса, предопределившая его печальный конец.

Когда воины ворвались в крепость, Ганнибал с верным рабом забаррикадировался в одной из комнат. Обернувшись к нему, он сказал: «Утолим же теперь нетерпение этих римлян, для которых слишком долго и утомительно ждать, пока ненавистный им старик умрет своей смертью». С этими словами он завязал вокруг горла плащ и приказал рабу упереться коленом ему в спину и, скрутив плащ, задушить. Так на холодном каменном полу бесславно и унижительно закончил свои дни один из самых известных, почитаемых и грозных полководцев античного мира¹.

ГЛАВА I

ДОРОГА К ВЛАСТИ

Ганнибал родился в 247 г. до н. э. в семье Баркидов, известных карфагенских аристократов, когда Первая Пуническая война между Карфагеном и Римом перешла в завершающую стадию. Его отцом был Гамилькар Барка — колоссальная фигура, человек действия, бесспорно сыгравший наиболее значительную роль в судьбе своего сына. Именно он задаст направление жизни Ганнибала и определит ее конец. Гамилькар командовал карфагенскими войсками на Сицилии, где в течение неполных трех лет, с 244 по 241 г. до н. э., вел успешную партизанскую войну против римлян в северо-восточной части острова. Обосновавшись на горе Эрикс (сегодня известной как Монте-Сан-Джулиано), Барка совершал нападения на римские отряды, стараясь нанести противнику максимальный урон. Пересекая Мессинский пролив, он устраивал набеги на города юго-западного побережья Италии, но, как только сражения на Сицилии становились слишком жаркими или возникал риск потерпеть поражение, он возвращался

в свое горное укрытие, ожидая новой возможности для вылазки. Стратегия набегов и поспешных отступлений, избегая генерального сражения, отрезала римлянам пути подвоза продовольствия, заставляя их постоянно нести людские и финансовые потери. Ни один римский полководец на Сицилии не мог соперничать с Гамилькаром в тактическом мастерстве, что лишь затягивало безрезультатную войну.

Но ахиллесовой пятой полководца стал карфагенский флот, обеспечивавший провизией его войска. Командование флотом осуществлял Ганнон, чьей задачей было снабжать Гамилькара подкреплением, оружием и, главное, деньгами для уплаты наемникам. В 241 г. до н.э. около тысячи судов под командованием Ганнона вышли из Карфагена, чтобы присоединиться к Гамилькару в порту Трапани на западном побережье Сицилии. Не успев достичь берегов острова, карфагенские корабли попали в ловушку римского флота, отрезавшего им путь. Те из них, что не были потоплены или захвачены, с позором возвратились в Карфаген, где Ганнон был осужден и распят за свое поражение. В сенате поддержка дорогостоящей войны, длившейся без малого четверть века, стремительно ослабевала, и Гамилькару было приказано прекратить военные действия и достичь соглашения с римским консулом, управлявшим Сицилией.

Гамилькар ненавидел римлян. Он считал, что его армия достаточно сильна, чтобы продолжать войну, а потому сначала воспротивился приказу. Но у земельной аристократии, которая в тот момент контролировала карфагенский сенат, были свои планы. Они желали завершить то, что считали бесполезным, затратным и безуспешным конфликтом, и направить ресурсы полиса на развитие сельскохозяйственной империи в Северной Африке. Гамилькару было более свойственно делать то, что он считал правильным, чем повиноваться приказам сената. Многие сенаторы Карфагена

подозревали, что он мог отказаться следовать их указанию, и были готовы прекратить снабжение его армии и заключить мир с Римом, оставив полководца на Сицилии продолжать войну в одиночку на свой страх и риск. В свете этой перспективы Гамилькар отступил и начал переговоры о мире.

Рим тоже устал от затянувшейся войны, опустошавшей казну и уничтожавшей людские ресурсы. Командовавший римскими войсками на Сицилии консул договорился с Гамилькаром о перемирии, военные действия прекратились. Карфагеняне обещали очистить Сицилию, вернуть всех римских военнопленных без выкупа и заплатить контрибуцию в размере 2000 талантов¹ серебром в течение 20 лет. Соглашение между двумя командующими зависело от ратификации со стороны сенатов обоих государств, и римские сенаторы сочли условия чересчур мягкими. В итоге размер контрибуции был существенно увеличен, период выплаты урезан, а карфагенским торговцам было запрещено держать корабли вблизи Апеннинского полуострова. В то время как Первая Пуническая война лишь слегка изменила баланс сил в западном Средиземноморье, она подготовила почву для менее затяжного, но гораздо более разрушительного конфликта, начавшегося двадцатилетием позже.

К своей семье в Карфаген Гамилькар возвратился злым и ожесточенным. Он считал, что аристократы предали его, заставили закончить войну, руководствуясь корыстными интересами, а не мыслями о благе полиса. Историк Тит Ливий описывал его как *ingentis spiritus virum*, чрезвычайно горделивого человека, убежденного в том, что он был близок к победе над римлянами на Сицилии и мог если не выиграть войну, то хотя бы сравнять счет². Свою родословную Гамилькар Барка вел от самого основания Карфагена. Потомственный аристократ, наделенный богатством и влиянием, он мог

наслаждаться праздной жизнью в поместьях к югу от города или посвятить себя прибыльной коммерческой деятельности в империи, как поступало множество его современников. Но вместо этого Гамилькар выбрал военную службу, требовавшую от него надолго разлучаться с семьей. Полководец считал, что его предали не римляне в Сицилии, а собственный народ, отказавшийся поддержать в решающий для победы момент в последние месяцы войны.

В течение нескольких недель после перемирия из Сицилии в Карфаген вернулось около 20 000 наемников. Обычно их высаживали небольшими группами вдоль побережья, чтобы обезопасить город. Предполагалось быстро выплатить каждой группе минимальную сумму денег, а затем отправить солдат обратно на родину или на новое задание прежде, чем на берег высадится новая партия наемников. В сенате многие высказывали недовольство огромными размерами контрибуции, причитающейся Риму, а также сокращались об уже потраченных на проигранную войну состояниях. Их не радовала перспектива увеличения налогов с целью выплаты наемникам полной компенсации за службу, и тогда сенаторы заговорили о том, что казни будут более желательной и дешевой альтернативой. И пока сенат задерживал выплаты, увязнув в бесконечных дискуссиях и спорах, раздраженные солдаты продолжали скапливаться в пригороде Карфагена, а день ото дня прибывали все новые корабли с наемниками. Беспокойная толпа иберов, галлов, лигуров, выходцев с Балеарских островов, греков и африканцев начала стекаться под стены города, требуя свои деньги. Жители Карфагена глумились над толпой, бросая ей черствый хлеб с высоты защищавших их городских стен. Атмосфера угрожающе накалялась с каждым днем.

В конце концов наемники восстали: придя в ярость, они нападали на виллы и плантации, грабя, насилуя и убивая

богатых и бедных без разбора. Охваченные ужасом, аристократы в Карфагене наблюдали с крепостных стен, как дым от их горящих вилл и полей застилал небо. Началась война, которая, перефразируя слова древнегреческого историка Полибия, перешла границы «человеческой злобы» и затмила «свирепостью самых диких зверей». К бесчинствующим наемникам присоединились представители местных племен, и тогда жестокость вылилась в «месть обезумевшей толпы». Такое единодушие наемных солдат и африканских земледельцев объяснялось их обоюдной ненавистью к Карфагену и его вероломным правителям.

На этот раз Карфагену негде было набрать новых наемников. Пунийцам пришлось покинуть безопасное укрытие городских стен и подавлять восстание собственными силами. Командовать войском наспех мобилизованных граждан поручили видному сенатору Ганнону Великому, опытному политику, который занимал враждебную позицию в отношении Баркидов. И, хотя он был лидером сенатской группировки, которая вела переговоры о мире с Римом, Ганнон не был полководцем и на поле боя оказался не способен противостоять мятежникам. Ситуация становилась все более тревожной, в особенности для крупных землевладельцев, чьи владения подвергались грабежу и поджогам.

В отчаянии сенаторы обратились к Гамилькару и уговорили его принять командование армией. Всегда отличавшийся находчивостью, он смог привлечь некоторое количество наемников из Италии, нанять перебежчиков из своей бывшей армии на Сицилии и купить продовольствие у римлян. Соединив новых наемников с карфагенскими солдатами, Гамилькар отправился в пустынные земли Северной Африки, чтобы сражаться против воинов, которыми он на протяжении многих лет командовал. Война длилась три года (с 241 по 238 г. до н.э.), пока Гамилькар не положил конец этой

бойне, заманив большую часть сил мятежников в ущелье Пилы, находившееся в пустыне близ Карфагена. Здесь составших наемников, загнанных в ловушку, изможденных и мучимых жаждой и голодом, затоптали слоны армии Гамилькара. Те немногие, кому удалось уцелеть, были доставлены в столицу и распяты под стенами города.

Во время Ливийской войны* Рим преимущественно соблюдал нейтралитет, очевидно чтобы продолжать получать от Карфагена контрибуцию. Гамилькару позволили набрать наемников в Италии, а римские торговцы получили немалые барыши от торговли с Карфагеном — в прежние времена так поступали пунийцы, многие годы извлекая свою выгоду из региональных конфликтов. Но внезапно Рим без предупреждения захватил принадлежавшие Карфагену Сардинию и Корсику, вероломно нарушив условия мирного договора, положившего конец Первой Пунической войне. Изнуренный годами сражений и сохранивший всего несколько кораблей, Карфаген не был в состоянии призвать римлян к ответу, несмотря на то что в его сенате раздавались голоса, требовавшие новой войны. Не имея другого выхода, Карфаген смирился с унижительной реальностью, в которой Сицилия, Сардиния и Корсика стали первыми провинциями государства, которое войдет в историю как величайшая империя античного мира. Гамилькар пришел в бешенство от предательства римлян, но, не имея возможности изменить ситуацию, решил затаиться и найти другой способ взять над врагом реванш.

На случай, когда речь шла о воспитании детей, у древних греков существовала поговорка: «Куда веточку склонить, туда дерево и вырастет». Гамилькар растил трех своих сыновей — Ганнибала, Гасдрубала и Магона — в ненависти к Риму

* Как это восстание наемников называет Полибий. — *Прим. пер.*

и недоверии к тем, кто правит Карфагеном. Ганнибал, старший из всех, перенял от отца не только внешность, но и темперамент, характер и врожденное чувство превосходства. Как Александр Великий был творением своего отца Филиппа II Македонского, так и Ганнибал был произведением Гамилькара Барки. Филипп предназначал Александра для борьбы против персов, Гамилькар же готовил сыновей для беспощадной войны против Рима. Гамилькар желал восстановить свою, как он считал, «поруганную честь» и жаждал отомстить римлянам за потерянные Карфагеном Сицилию, Сардинию и Корсику.

Он женился в Карфагене, однако нам ничего не известно о его супруге, кроме того что она подарила ему шестерых детей: сперва трех девочек, а затем трех мальчиков. Мы даже не знаем ее имени. Девочек в определенном возрасте выдавали замуж для сохранения политических и военных союзов, выгодных роду Баркидов, — такова была обычная практика в античном мире, особенно в Древней Греции, Риме и Карфагене. Старшая вышла замуж за аристократа, который впоследствии командовал карфагенским флотом во время Второй Пунической войны. Плодом их союза был Ганнон, ставший одним из военачальников армии Ганнибала и сыгравший ключевую роль в битве у Канн в 216 г. до н.э., закончившейся полным поражением римлян. Именно этого Ганнона исследователи по понятным причинам, но все же ошибочно, зачастую называли четвертым сыном Гамилькара.

Брак второй дочери также был заключен по политическим соображениям где-то между 241 и 237 гг. до н.э. Супругом стал влиятельный сторонник ее отца в сенате, известный как Гасдрубал Красивый. Гасдрубал и его семья имели значительный политический вес в Карфагене, и древнеримские комментаторы, как известно точившие зуб на Карфаген, описывали его как *adulescens illustris et formosus* (молодой человек,

в высшей степени выдающийся и красивый)³. Настолько привлекательный, что, по всей видимости, Гамилькар «любил его более грешно, чем подобает». Римский историк Корнелий Непот писал, что, будучи великим человеком, Гамилькар часто становился объектом клеветы для своих противников, но продолжал мысль намеком, что здесь могло быть что-то большее, чем заурядные сплетни. Из-за этих обвинений государственное лицо — блюститель нравов*, указом запретил Гамилькару находиться подле Гасдрубала. Но тот обошел запрет, выдав за юношу свою дочь, и тогда по карфагенским законам нельзя было запретить тестю общаться с зятем.

Рассказы о бисексуальных связях между великими вождями сплошь и рядом встречаются в античной литературе. Мы находим их в упоминаниях об Александре Македонском и Юлии Цезаре. Политические противники Цезаря и даже его солдаты часто злословили, что тот был «мужем всех жен и женой всех мужей». Но история отношений Гамилькара и Гасдрубала принимает иной оборот в свете того, что, согласно римским источникам, после смерти тестя Гасдрубал соблазнил своего племянника — Ганнибала Барку. Тем не менее некоторые современные исследователи склонны игнорировать эти обвинения или считать их «притянутыми за уши»⁴.

Третья дочь Гамилькара вышла замуж за нумидийского полководца Нараваса. Из всех трех браков этот был заключен с целью укрепления военного союза, обеспечивавшего Гамилькару поддержку бедуинской конницы, которая впоследствии столь успешно проявит себя во Второй Пунической войне против римской армии. Эта дочь станет прообразом обольстительной Саламбо в одноименном романе XIX века, написанного Гюставом Флобером.

* Praefectus morum — некая карфагенская магистратура, о существовании которой упоминает Корнелий Непот. — *Прим. науч. ред.*

Пользуясь поддержкой семьи Гасдрубала, Гамилькара склонил сенат назначить его военным правителем Испании. В условиях недавней потери трех наиболее ценных заморских владений — Сицилии, Сардинии и Корсики, а также разрушения значительной части предместий Карфагена в результате войны с наемниками город нуждался в освоении новых территорий, чтобы процветать и выплачивать римлянам военные долги. Гамилькара выступал против того, чтобы тратить средства Карфагена на развитие земледельческой империи в Африке, и усиливал продолжительное и даже экспансионистское присутствие своего флота в западном Средиземноморье, удерживая римлян у берегов. Назначение Гамилькара в Испании могло быть составной частью плана по возобновлению войны с Римом. Испания с ее многочисленным населением и нетронутыми природными ресурсами была идеальным плацдармом для начала новой кампании против римлян.

В 238 г. до н. э. сенат уполномочил Гамилькара направить в Испанию большой экспедиционный корпус, и, следуя карфагенским религиозным обычаям, ради успеха своей миссии Гамилькара принес жертву богу Ваалу. Когда ритуал был почти завершен, он приказал девятилетнему Ганнибалу присоединиться к нему подле алтаря. Там мальчик умолял отца взять его с собой в Испанию, и Гамилькара согласился при одном условии — если сын поклянется перед божеством всегда быть врагом Рима и каждого, кто стоит на его стороне.

Детские и реже взрослые жертвоприношения для умиротворения богов у пунийцев были систематической и институционализированной практикой, которая, по всей видимости, являлась частью их культуры от начала основания города и корнями уходила в семитскую традицию библейской земли Ханаан. Этот обряд назывался молк (молх), и среди современных исследователей ведутся споры, приносили в жертву

живых детей или только умерших во младенчестве. Ни один из древнегреческих или древнеримских источников, описывающих эту практику, не делает подобного разграничения, однако Плутарх писал, что детей покупали у бедняков или на невольничьих рынках специально для этой цели. Случай самого массового жертвоприношения был засвидетельствован древнеримским писателем Диодором Сицилийским, по словам которого оно произошло в 310 г. до н.э. во время осады Карфагена войсками тирана Сиракуз Агафокла.

По велению жрецов знатные семьи были вынуждены принести в жертву пятьсот своих детей, чтобы умиротворить Ваала, поскольку, как утверждали служители культа, бог был разгневан из-за того, что ранее аристократия пыталась «обмануть» его, принося в жертву детей рабов вместо собственных⁵. Ни в одном другом обществе Древнего мира человеческие жертвоприношения не практиковались в таких масштабах и с такой частотой, как в Карфагене, и ни один другой случай не вызывает у современных историков большего интереса и более жарких споров. Древнегреческие и древнеримские историки приводят сведения о детских жертвоприношениях у пунийцев, и, хотя они единодушны в осуждении этой практики, время от времени и в греческой, и в римской культурах совершались человеческие жертвоприношения в критических обстоятельствах⁶.

В источниках нигде не упоминается, что в этом случае детей или взрослых приносили в жертву божеству. Тем не менее сама атмосфера должна была быть ужасающей, особенно для девятилетнего ребенка, поскольку внутри храма страшный бог Ваал возвышался в виде огромной железной печи, отлитой в форме статуи, внутри которой жертв сжигали заживо.

В те времена Испания была известна как Иберия, и в течение нескольких последующих десятилетий Гамилькар

удалось завоевать большую часть ее южных территорий вдоль Средиземноморского побережья. Он установил свою власть над землями племенных сообществ, которых пунийцы, как и древние греки, считали варварами. Существовали две основные группы племен — кельты и иберы, во многих частях Испании смешавшихся в единый воинственный народ, известный как кельтиберы. Это были сильные, храбрые и импульсивные люди, но им не хватало дисциплины и согласованности действий. Они яростно защищали свои дома, но были не способны объединиться с соплеменниками и победить организованную и более опытную захватническую армию вроде карфагенской. У местных воинов были превосходно выкованные мечи — самые совершенные в античном мире, и по сей день испанские клинки продолжают служить эталоном непревзойденного качества.

Гамилькар использовал эти племена для любых нужд — и как рабочую силу, и с целью пополнения своих африканских армий и отрядов наемников. На территориях, находившихся под не посредственным управлением Карфагена, членов этих племен напрямую рекрутировали в армию Гамилькара, тогда как в неподконтрольных ему землях люди Гамилькара завлекали варваров обещаниями огромных богатств и воинской славы. Усилиями карфагенских полководцев многие представители этих диких племен превратились в дисциплинированные отряды конницы и пехоты.

Подчинив большую часть варваров на юге и востоке Испании, Гамилькар приступил к освоению природных богатств этого региона. Лишь северные земли остались ему неподвластны, и за последующие 20 лет, с 238 по 218 г. до н. э., сначала сам Гамилькар, а затем его наследники — Гасдрубал и Ганнибал, построили в Испании империю, более обширную и богатую, чем та, которой раньше располагал Карфаген на Сицилии, Сардинии и Корсике. Испания фактически

становилась вотчиной Баркидов по мере того, как они основывали новые города на восточном побережье: Картахену, или Новый Карфаген, Барселону, «лагерь Баркидов», а также Гадес (Кадис) на юге. Как и задумывал Гамилькара, империя развивалась в экономический и военный плацдарм для новой войны против Рима.

Серебряные и золотые прииски Испании послужили гарантией успеха своим новым африканским хозяевам. Власть и богатство Гамилькара настолько усилили его влияние в Карфагене, что лишь немногие сенаторы осмеливались открыто критиковать или оспаривать его решения. Значительная часть испанских богатств потекла в Карфаген, что лишь упрочило поддержку Гамилькара в народных массах и заглушило голоса его оппонентов в сенате. Гамилькара Барка был не просто богат — он обладал большей властью, чем кто-либо за всю историю Карфагена. Он фактически стал царем.

Во многом благодаря усилиям Гамилькара в освоении испанских ресурсов финансовое положение Карфагена улучшилось, и уже через одно поколение город вернул себе бо́льшую часть бывшего богатства и престижа в античном мире — что не могло не привлечь внимания римлян, которые только приступили к созданию империи и быстро разглядели ее преимущества. Новоприобретенные за счет Карфагена Сицилия, Сардиния и Корсика лишь подогрели их аппетит. Рим заключил союз с процветающим греческим полисом Массилия (современный Марсель), контролирующим небольшие фактории и торговые пути вдоль Средиземноморского побережья Франции и Северной Испании. Одной из таких торговых факторий был Сагунт, современный Сагунто, остатки крепостных стен которого сегодня можно увидеть всего в нескольких километрах к северу от Валенсии, на вершине холма, возвышающегося над морем.

Среди жителей Сагунта была небольшая группа, активно выступавшая за установление более тесных связей с Гамилькаром и Карфагеном. Это так беспокоило правителей города, что они обратились к римлянам с просьбой отправить к Гамилькару делегацию и узнать о его намерениях в отношении Сагунта. Тот принял посланников и поспешно успокоил их, уверяя, что ему вполне достаточно южной части Испании и он не намерен продвигаться на север. Вернувшись в Рим, послы доложили сенату, что хотя бы на какое-то время им удалось заручиться обещанием Гамилькара оставить Сагунт в покое. Теперь сенат мог заняться более насущными для Рима проблемами, а именно управлением новыми провинциями (Сицилией, Сардинией и Корсикой) и нарастающей угрозой со стороны галльских племен на севере Италии.

Галлы, населявшие долину реки По на севере полуострова, были причиной головной боли для римлян с 390 г. до н.э., когда они пошли на юг и опустошили столицу Республики. В стремлении во что бы то ни стало удержать галлов на севере Италии римляне основали два крупных укрепленных пункта — Кремону и Плацентию (современная Пьяченца). В 225 г. до н.э. между римскими поселенцами и галлами вспыхнул яростный конфликт, завершившийся к 222 г. до н.э. без успехов для какой-либо из сторон. Риму с трудом удалось установить временное перемирие, которое продлится ровно до того момента, как Ганнибал перейдет Альпы и вторгнется в Северную Италию. Другой заботой Рима в те времена были пираты из Иллирии (Албании), совершавшие рейды вдоль Адриатического побережья. Римский флот был вынужден постоянно пресекать их набеги, в то время как сухопутные войска настороженно наблюдали за Македонией, становящейся все более опасной под руководством молодого и агрессивно настроенного царя Филиппа V. Позднее галлам

и Филиппу предстоит сыграть свою роль в борьбе Ганнибала против Рима.

Вторым после Гамилькара главнокомандующим в Испании был его зять Гасдрубал Красивый. Годы тесного сотрудничества позволили им установить прочную политическую и административную систему, просуществовавшую с 238 по 221 г. до н.э. По всей видимости, они действовали независимо от Карфагена и сосредоточили усилия на подчинении местных племен и эксплуатации природных ресурсов. Свое господство они обеспечивали за счет опоры на армию, пользуясь безоговорочным авторитетом благодаря своим лидерским качествам и харизме. Солдаты Гамилькара были преданы не сенату Карфагена, а семье Баркидов, которая содержала их и платила им жалованье. Такая прочная и стабильная система принесла свои плоды. Когда в 229 г. до н.э. Гамилькар был убит, передача власти прошла без помех. Гасдрубал беспрепятственно принял бразды правления, а после его смерти в 211 г. до н.э. Ганнибал стал новым главнокомандующим и правителем Испании, опять же без каких-либо препятствий или серьезных изменений политического и административного характера.

Гамилькар и затем Гасдрубал подчинили множество племен, при необходимости прибегая к тактике устрашения — ослепляли, калечили и распинали на крестах тех, кто пытался сопротивляться, в то же время одаривали тех, кто был готов к сотрудничеству. Это была политика, чередующая применение силы с дипломатией и щедрой платой за добровольное присоединение. Влияние Баркидов распространилось даже за пределы побережья Испании, на Балеарские острова. Местные солдаты стали частью экспедиционного корпуса, с которым Ганнибал отправился в Италию. Своей политикой Гамилькар и Гасдрубал обеспечили поддержку местного населения и создали систему союзов, которые впоследствии

Ганнибал использует в борьбе против римлян. До тех пор пока Баркиды снабжали деньгами Карфаген, народ и сенат были готовы закрывать глаза на тот факт, что эта семья установила в Испании систему личного правления.

Гамилькар был убит зимой 229–228 г. до н. э., и существует три версии его смерти, схожие между собой в общих чертах. По самой распространенной, он был убит во время осады укрепленного города на территории Испании. На помощь осажденным прибыло подкрепление во главе с вождем оретанов — племени, населявшего плато Ла-Манча, и Гамилькар был вынужден снять осаду. В спешке отступления Гамилькар вместе с двумя молодыми сыновьями, Ганнибалом и Гасдрубалом, оказались отрезаны от своих армий, преследуемые конницей неприятеля. Обнаружив единственный безопасный путь отхода, Гамилькар приказал сыновьям уходить и отвлек на себя войска оретанов, приведя их к реке с бурным потоком. Попав в водоворот, он утонул. Во всяком случае, так рассказывает один из античных историков⁷. Согласно второй версии, Гамилькар погиб на безымянном поле боя в Испании, тогда как третья утверждает, что умер он к западу от современного Толедо в сражении с местным племенем⁸.

В этой последней версии Гамилькар погиб во время битвы, когда воины противника пустили на карфагенскую армию повозки с сеном, запряженные быками, и затем подожгли их. Этот маневр застал пунийцев врасплох, и Гамилькар погиб в хаосе битвы. И хотя подробности гибели Гамилькара остаются расплывчатыми, ясно одно — его сыновья были слишком юны, чтобы занять его место. Главкомандующим армией стал его зять, Гасдрубал Красивый, и это назначение одобрил карфагенский сенат. Первым делом тот решил отомстить оретанам за своего тестя и наставника. Карфагеняне безжалостно расправились с теми, кого считали повинными в смерти Гамилькара, не пощадив даже женщин и детей.

То было чистое возмездие — равнодушное к невинным жизням и человеческим страданиям. Многие были распяты в наказание другим племенам, которые могли помышлять о сопротивлении власти Баркидов. Вместе с тем, осуществляя свою месть, Гасдрубал присоединил к карфагенским владениям в Испании значительные новые территории.

Следующие три года Гасдрубал посвятил укреплению власти Баркидов в Испании. Если Гамилькар был завоевателем, Гасдрубал же занялся управлением и упрочнением империи. Продолжив политику эксплуатации рабочей силы и ресурсов, из завоевателя он превратился в наместника. При нем Новый Карфаген стал процветающим городом, и новый правитель построил там роскошный дворец. Из порта можно было легко и быстро добраться до Карфагена, и само расположение города идеально подходило для создания административного центра карфагенской испанской империи. Гасдрубал стал царем в прямом смысле этого слова: жил в королевской роскоши, женился на дочери одного из иберских вождей, дабы укрепить с ними союз, а также начал чеканить золотую и серебряную монету со своим изображением.

При Гасдрубале карфагенские владения в Иберии расширились. На золотых и серебряных рудниках, зачастую в ужасных условиях, трудилось множество людей, включая членов местных племен и рабов, привезенных из Африки, гарантируя непрерывный приток драгоценных металлов в Новый Карфаген и обеспечивая стабильность и процветание правящей династии. И хотя среди кельтов и иберов было множество недовольных, дисциплина и организация, установленная Гасдрубалом на этих территориях при помощи армии и умелой дипломатии, держали их в узде. Племенные вожди платили Гасдрубалу дань, как некогда его тестю, и зачастую отдавали своих детей в качестве заложников, что гарантировало их преданность. Эту тактику по достоинству оценил

Рим и впоследствии стал успешно использовать на территориях своей империи.

Усмирив галлов на севере Италии и пиратов в Адриатике, римляне стали проявлять активный интерес к Испании. Царь Македонии Филипп V по-прежнему вызывал опасения из-за своих намерений присоединить Грецию, но фокус внимания римлян переместился на Гасдрубала. В 226 г. до н.э. Рим отправил в Новый Карфаген послов, чтобы обсудить соглашение, ограничивающее экспансию карфагенян на север от их испанской столицы. Гасдрубал радушно принял легатов и согласился признать римской сферой влияния, как считают некоторые исследователи, все территории севернее реки Эбро. В историографии нет единого мнения о том, была ли Эбро той самой демаркационной линией, поскольку это оставляло бы Гасдрубалу большое количество новых территорий для экспансии, и при этом Сагунт, имевший тесные связи с Римом, оказывался бы отрезанным от него в глубине карфагенских владений.

Более вероятный вариант границы — река Хукар, впадающая в море к югу от Валенсии. Если бы в качестве северной границы карфагенских территорий была взята Хукар, римлянам удалось бы ограничить территорию Испании, контролируемую Гасдрубалом, и защитить Сагунт. Споры между современными исследователями о том, какая именно река в Северной Испании являлась такой границей, не просто академический диспут. Они имеют значение, поскольку расположение реки напрямую влияет на решение вопроса о том, какая из сторон виновата в развязывании Второй Пунической войны⁹. Гасдрубал мог согласиться провести границу по Хукару, чтобы успокоить римлян, поскольку сам он, очевидно, больше хотел упрочить свою власть на юге и западе испанских территорий, чем рисковать, ввязываясь в войну с Римом. Вероятно, Гамилькар и Гасдрубал были осмотрительны

в отношениях с римлянами в этот период и всячески старались не дать им повода вторгнуться в Испанию. Однако Ганнибал быстро все изменил.

Когда именно Ганнибал прибыл в Испанию, остается неясным. Нам известно, что он с самого начала сопровождал Гамилькара и был с ним в день его смерти. После кончины отца он вернулся в Карфаген, и немногим позже его вызвал к себе Гасдрубал, вероятно чтобы начать готовить его к командной должности. Вопрос об отъезде Ганнибала в Испанию вызвал серьезные споры в карфагенском сенате. Фракция Баркидов, видя в нем наследника Гасдрубала, ратовала за то, чтобы отправить его в Испанию, дабы он «обучался военному делу и шел по стопам отца». Оппозиционное крыло во главе с Ганноном было категорически против его возвращения. Главные аргументы Ганнона касались темы распутства: в Испании Гасдрубал совратит юношу, как когда-то поступил с ним его тесть. По его мнению, «нет ничего более недостойного», чем посылать молодых карфагенян удовлетворять похоть своих генералов¹⁰. Ганнон настаивал, что Ганнибал должен остаться в Карфагене, чтобы «он был воспитан в повиновении закону и его служителям», а также «на равных основаниях с другими юношами». Нельзя позволить ему быть испорченным «чрезмерной властью и царской роскошью», в которых погрязли его отец и дядя. Зная о ненависти Баркидов к Риму, Ганнон опасался, что, если Ганнибалу позволить вернуться в Испанию, из этой «маленькой искры», как он называл его, однажды может разгореться большой пожар. И хотя многих в сенате убедили слова Ганнона, фракция, благоволившая Баркидам, была в большинстве и Ганнибалу позволили отбыть в Испанию.

Солдаты радостно приветствовали его возвращение. Опытные воины видели в нем воплощение Гамилькара, а более молодые были околдованы его харизмой. Его назначили

командующим кавалерией — тактическое мастерство он отработывал на испанских равнинах, а в королевском дворце Нового Карфагена Гасдрубал учил Ганнибала искусству политики и дипломатии. Источники прямо говорят, что Гасдрубал выше всех своих командиров ценил племянника не столько из-за кровных уз, сколько за его способности. Ганнибал быстро учился, наблюдая, как дяде удастся добиваться целей дипломатией в большей степени, чем оружием, разрешая конфликты между кельтиберскими племенами. А если нужно было подавить беспорядки, Ганнибал делал для Гасдрубала грязную работу.

Как военачальник Ганнибал научился вдохновлять своих солдат личным примером. В походах он показывал готовность переносить самые трудные погодные условия и требовал от своих солдат не больше, чем мог дать сам, — вполне в духе Александра Великого и позже Юлия Цезаря. В еде и питье он был умерен, потребляя ровно столько, сколько необходимо для поддержания сил. Он всегда предпочитал спать на голой земле рядом со своими солдатами, а не наслаждаться удобствами шатра в окружении слуг, и ложился лишь после того, как выполнял все свои обязанности. Он ел из одного котла со своими воинами и стоял в ночном дозоре. Его одежда и вооружение были скромны для человека с его званием и родословной. Командиры армии и особенно простые солдаты любили Ганнибала за то, что он жил среди них в палаточных лагерях и заслужил их доверие во время военных операций, снова и снова проявляя свои способности и лидерские качества.

В 221 г. до н. э. Гасдрубал был убит кельтским рабом в собственном дворце. Скорее всего, это была месть. Гасдрубал приказал распать одного из родственников этого раба по подозрению в заговоре, и кельт решил отомстить. Когда Гасдрубал был убит, Ганнибалу было 26 лет, и он незамедлительно

взял под контроль армию и управление территорией. Солдаты провозгласили его лидером и отправили весть о своем решении в карфагенский сенат. Последний не высказал возражений.

Приняв бразды правления, первым делом Ганнибал возглавил карательную экспедицию против взбунтовавшихся иберов. Он быстро подчинил племена, населявшие территорию Испании, сегодня известную как Ла-Манча. Обложив их данью, он отвел войска в Новый Карфаген, чтобы переждать зиму в подходящих казармах и начать новую кампанию с наступлением весны. Летом 220 г. до н. э. Ганнибал разбил крупные силы враждебных племен, сосредоточенные на территории современной Саламанки. Он опробовал тактику, которую впоследствии применит против римлян, повернув назад прямо перед лицом врага. Сбитые с толку столь необычным ходом, враги решили, что он обратился в бегство, и стали преследовать его. Это был блестящий тактический маневр. Ганнибал заманил врага в ловушку, искусно устроенную на переправе реки Тахо, где заранее расположил на берегу большой отряд африканской кавалерии.

Как только противники перешли реку — большая часть без лошадей, — африканская кавалерия Ганнибала атаковала их с фланга, оттесняя их на глубину реки. Среди воинов, застигнутых врасплох и оказавшихся в воде с тяжелым оружием, началась паника. Не справившись с быстрым речным потоком, многие погибли на месте, а тех немногих, кому удалось выбраться из воды на удаленном берегу, затоптали слоны Ганнибала.

В тот день на реке Тахо Ганнибал продемонстрировал способность использовать эффект неожиданности и преимущества расположения. Самой яркой чертой его военной карьеры было умение удерживать инициативу и самому определять когда, где и как он будет сражаться. Будь то холод или жара,

ветер или дождь, лед или снег — все природные стихии он использовал к своей выгоде. После его блестящей победы на реке Тахо мало кто из племен Центральной и Южной Испании рискнул бы вступить с ним в бой, и за следующие несколько лет Ганнибал расширил границы своего влияния на север от реки Эбро, оставив за их пределами только Сагунт.

Кроме нескольких разрозненных отсылок в античных источниках, о личной жизни Ганнибала практически ничего не известно. Очевидно, в юности он получил хорошее образование в Карфагене, его вторым языком был греческий — *lingua franca* античного мира. Мы также знаем, что в Испании Ганнибал окружил себя греческими учеными мужами, а чтобы лучше понимать народ, борьбе против которого он посвятил свою жизнь, он начал учить латинский язык. В жены он взял дочь вождя одного из иберских племен из города Кастуло на реке Гвадалквивир к западу от Картахены¹¹. Эта территория привлекала Карфаген богатством полезных ископаемых, и потому мотивом женитьбы Ганнибала могла быть не только любовь, но и политические соображения. Вскоре после смерти тестя Гасдрубал взял в жены испанскую принцессу, чтобы упрочить связи с местными кельтскими элитами, хотя уже был женат. Историки доподлинно так и не установили, практиковали ли карфагеняне моногамию подобно грекам и римлянам.

В эпической поэме «Пуника» римского поэта Силия Италика говорится, что жену Ганнибала звали Имилька и она родила ему сына в то время, когда тот осаждал Сагунт. Вероятно, это был единственный его ребенок. Но на Италика, писавшего для императора Нерона через 200 лет после смерти Ганнибала, в I в. н. э., и любившего преувеличить и приврать ради большей художественной выразительности, полагаться нельзя. О жене полководца упоминают только два источника — Италик и Ливий.

Согласно драматическому повествованию Силия Италика, прежде чем отправиться в Италию, Ганнибал отвез жену и сына подальше от войны — в Гадес, на юг Испании, чтобы посадить на корабль до Карфагена. Имилька умоляла мужа взять ее с собой, уверяя, что сможет справиться со всеми невзгодами не хуже мужчины, но Ганнибал был непреклонен. Далее в поэме Италик рассказывает, как политические враги Ганнибала сговорились заставить Имилька принести сына в жертву богу Баалу. Но она яростно сопротивлялась, и сенат позволил ей отложить жертвоприношение до тех пор, пока не будет получено одобрение Ганнибала. Тот же, прознав об этом в Италии, предложил взамен принести в жертву тысячи римских воинов.

Жители Сагунта устали от постоянных притязаний со стороны Карфагена и очень боялись Ганнибала. В поисках защиты они полагались на союзы с греческими городами-полисами в Южной Франции, которые, в свою очередь, находились под протекцией Рима. В ответ на усилившуюся активность Ганнибала в регионе греки послали в Рим делегацию, чтобы обеспечить Сагунту защиту в случае атаки карфагенян. Тогда римляне отправили к Ганнибалу послов, чтобы напомнить о соглашении, запрещающем Карфагену торговаться в Северную Испанию.

Ганнибалу было 26 лет, и, вероятно, он впервые столкнулся с римлянами лицом к лицу. Источники расходятся в описании места этой встречи: по одной версии, римляне приплыли в Новый Карфаген, где их приняли Ганнибал и Гасдрубал, тогда как более поздний источник утверждает, что встреча произошла севернее вдоль побережья, откуда Ганнибал готовился напасть на Сагунт.

Послов он принял в жесткой и сдержанной манере, в отличие от более дипломатичного Гасдрубала. Римляне потребовали от него гарантировать независимость Сагунта

и подтвердить обязательства не пересекать границу по реке Хукар. В ответ Ганнибал заявил, что население Сагунта и окрестностей, поддерживающее тесные связи с Карфагеном, подвергается гонениям, а Карфаген испокон веков брал под защиту несправедливо угнетенных и преследуемых. Договор с Римом, предупредил Ганнибал послов, дает жителям Сагунта лишь ложное чувство безопасности, а он заставит их отвечать за свои действия. Именно «ущемление интересов и преследование» прокарфагенски настроенных жителей Сагунта и станет официальным предлогом для нападения на город. В действительности же Ганнибалу были нужны богатства Сагунта, чтобы подготовить армию к предстоящей войне с Римом. Стратегически захват города послужил бы предостережением остальным иберским племенам на случай мятежа. И не менее важной причиной было то, что Ганнибал не мог оставить врагу столь хорошо укрепленный город, куда легко было добраться по морю. Римляне могли занять его и использовать в качестве базы для ведения военных действий в Испании. Сагунт должен был быть взят.

Легаты покинули Новый Карфаген, нисколько не сомневаясь, что Ганнибал планирует осадить город. Они поспешно известили сенат о том, что Ганнибал опьянен ненавистью к Риму и впал в «безрассудную ярость»¹², и утверждали, что заявления о притеснениях дружественного Карфагену населения были не более чем предлогом для атаки. Из Испании римская делегация направилась прямоком в Карфагенский сенат, а Ганнибал — под стены Сагунта. И пока римляне требовали от сенаторов заставить Ганнибала уважать договор, его тараны и осадные орудия днем и ночью неумолимо работали, чтобы разрушить стены обреченного города.

Поначалу карфагенские сенаторы внимательно выслушали посланцев. Фракция Баркидов полностью поддерживала Ганнибала, наслаждаясь вкусом мести за поражение

в Первой Пунической войне. Они заявили, что протест Рима вызван не беспокойством за судьбу Сагунта, а страхом перед Карфагеном, усилиями Баркидов завоевывающим свое первенство на мировой арене. Некоторые сенаторы полагали, что новая война может вернуть Карфагену утраченные колонии. Они прямо заявили римлянам, что прошли времена, когда те могли диктовать им свои условия, — Карфаген восстановился после поражения в последней войне, наступала новая эра. Другие сенаторы разыграли юридический козырь: ведь договор, подписанный Гасдрубалом, не был ратифицирован сенатом и потому не имел силы — это соглашение умерло вместе с Гасдрубалом. Легаты же требовали немедленно прекратить осаду Сагунта и передать им Ганнибала для осуществления правосудия¹³.

Но не все сенаторы одобряли действия Ганнибала и приветствовали начало войны. «Партию мира» возглавлял Ганнон — давний противник политики Гамилькара, тот самый сенатор, что был резко против назначения Ганнибала в Испанию. В силу почтенного возраста и влияния он пользовался большим уважением, и все притихли, когда он взял слово. И хотя было ясно, что большинство одобряет штурм Сагунта, его выслушали. Он напомнил, как много лет назад предостерегал сенат не отправлять молодого Ганнибала в Испанию. И вот этот день настал — развращенный властью и движимый непомерным самолюбием, он атакует Сагунт вопреки договору, и не ровен час Карфаген будет осажден римскими легионами. Посланники Рима, продолжал он, прибыли с целью урегулировать конфликт, тогда как сенат, на котором лежит ответственность за судьбу города, не осознает в полной мере опасность положения, в которое их поставил Ганнибал своими действиями. Ганнон напомнил всем о страданиях, что претерпел Карфаген во время Первой Пунической войны и восстания наемников: «Развалины Сагунта обращаются нам на головы!» — заключил он.

Ганнон ненавидел Гамилькара, а теперь боялся его сына, который, «подобно фурии, разжег эту войну» и одержим духом своего отца¹⁴. Если не передать Ганнибала римлянам, настаивал Ганнон, то его следует «увести куда-нибудь за крайние пределы земель и морей, заточить в таком месте, откуда бы ни имя его, ни весть о нем не могли дойти до нас, где бы он не имел никакой возможности тревожить наш мирный город». По меньшей мере сенат должен приказать Ганнибалу отвести войска от Сагунта, выплатить компенсацию за причиненный ущерб и людские потери, а затем тотчас же отправить посольство в Рим, чтобы принести извинения и восстановить отношения. Когда Ганнон кончил свою речь, весь сенат, за редкими исключениями, остался целиком на стороне Ганнибала. Все сошлись на том, что сагунтийцы сами развязали войну и им некого винить в своих бедах, кроме самих себя. Сенаторы предостерегли римских послов, что те рискуют совершить серьезную ошибку, пожертвовав ради Сагунта своим старинным союзником — Карфагеном. Сенат решил спор в пользу Ганнибала, и легаты вернулись в Рим.

Сагунт пал после восьми месяцев осады. Сагунтийцы использовали всевозможные способы для отражения атаки. Они выливали горящее масло, бросали смоляную паклю на головы пунийцам, поджигая солдат и осадные орудия. Но армия Ганнибала неумолимо продолжала наступать. В один из решающих моментов осады Ганнибал, желая вселить в солдат отвагу, повел их в безрассудную и яростную атаку на хорошо укрепленном участке городской стены. В результате он был сильно ранен копьем в бедро и упал. Вероятно, в него попали фаларикой — тяжелым копьем с длинным древком и железным наконечником, длиной около 90 см. Зачастую копье посередине обматывали паклей, пропитанной смолой или серой, и поджигали, а копья большего размера метали с помощью машины, напоминавшей здоровенный арбалет.

Зрелище падающего во время битвы Ганнибала вызвало панику среди воинов. Быстро прознав о случившемся, солдаты впали в «смятение и ужас», Ганнибала оттащили с поля боя, и наступление прекратилось. Следующие несколько недель пунийцы не решались атаковать крепость, ожидая выздоровления своего главнокомандующего. Руководство осадой было поручено одному из командиров, Магарбалу, который впоследствии сыграет решающую роль в битве при Каннах, произошедшей во время похода Ганнибала в Италию, и станет одним из его ярых критиков.

Во время осады Сагунта Ганнибал выступил в роли классического героя гомеровского эпоса. Сама эта фигура отсылает к эпохе Микенской цивилизации XI в. до н. э. и войне между греческими полисами против Трои. То было время царей-воителей и легендарных подвигов таких героев, как Ахиллес, Одиссей, Аякс, Агамемнон и Менелай. То были цари, правившие благодаря своей отваге. Во время войны они вступали в схватку с противником один на один, воодушевляя тем самым своих воинов. Цари-воители превыше всего ценили честь и храбрость во время боя, не боясь смерти, так как верили, что обретут бессмертие в памяти своего народа. Как победа, так и поражение зависели от действий этих людей, которые, прежде всего, искали славы и воплощали воинский идеал, чтимый греками от классической эпохи до времен Александра Македонского.

Из царей-воителей вышли бы эффектные герои боевиков, но никак не эффективные полководцы. По ходу своей карьеры Ганнибалу удастся превратиться из первого во второго. Вместо того чтобы командовать своими войсками и направлять их, царь-воитель ввязывается в самую гущу битвы. Под Сагунтом Ганнибал, повинувшись импульсу, атаковал надежно укрепленные позиции врага, и это чуть не стоило ему жизни. Вместо того чтобы руководить боевыми действиями

с относительно безопасной командной позиции, он поставил под удар себя и всю операцию, поведя воинов за собой. Умри Ганнибал в тот день, и осада Сагунта могла бы изменить ход войны и всей истории. А он был на волосок от смерти.

Оправившись от полученного ранения, Ганнибал оставил Сагунт и с небольшим отрядом отправился подавлять мятеж иберских племен в область Кастилья-ла-Нуэва, регион в Центральной Испании, который сегодня составляют провинции Ла-Манча и Мадрид. Эти племена отказались предоставить своих воинов на службу Ганнибалу и напали на его посланников, прибывших собрать отряды. Ганнибал хотел преподать всем урок. Задушив мятеж, он вернулся в Сагунт, по словам Силия Италика, неся прекрасный, сделанный галисийским мастером бронзовый щит с рельефным изображением всей истории Карфагена. Орнаментом и мастерством исполнения щит напоминал те, что ранее принадлежали эпическим героям вроде Ахиллеса и Александра¹⁵.

Вернувшись в Сагунт, Ганнибал обнаружил, что под руководством Маграбала его войскам удалось ослабить укрепления одной из стен. Когда под напором 500 африканцев, прорывших туннели под стеной и таранивших ее с земли, а также катапульт и баллист один из участков стены наконец обрушился, Ганнибал повел войска через брешь прямо на город, а сагунтийцы пытались дать ему отпор. Во время краткого затишья после битвы к Ганнибалу отправили двух представителей для переговоров об условиях заключения мира. После восьми месяцев осады те жители города, которым удалось спастись, находились в ужасающем состоянии и вынуждены были даже употреблять в пищу тела умерших¹⁶. Посланцы умоляли Ганнибала пощадить женщин и детей, и он отказал им с безжалостностью, давшей основания античным историкам говорить, что в военное время он был способен на «нечеловеческую жестокость». Он потребовал,

чтобы все золото и серебро в городе было отдано ему, а взамен он позволит выжившим покинуть город безоружными и взяв лишь по одной одежде на человека. Заняв Сагунт, он укажет им место, куда они отправятся в изгнание. Ни о каких переговорах не могло быть и речи. Услышав это, один из сагунтийцев пришел в такой ужас, что немедленно сдался на милость Ганнибалу, тогда как второй вернулся в город передать условия врага.

По прошествии месяцев стало очевидно, что военная помощь из Рима Сагунту не придет и что с разрушенной стеной городу долго не продержаться. Когда переговорщик объявил требования Ганнибала, толпа пришла в негодование. Жители соорудили гигантский костер на центральной рыночной площади, стали спешно собирать все свое золото и серебро и, как только пожар разгорелся, принялись бросать все в огонь. Когда те стали плавиться, в огонь начали кидать неблагородные металлы, чтобы испортить золото и серебро и не дать Ганнибалу ими воспользоваться. Паника в предчувствии скорого конца охватила город, и, когда под напором вражеских армий обрушилась другая часть главной стены, образовав пролом, многие жители вместе с детьми стали бросаться в пылающий костер.

Сагунт пал, и воины Ганнибала обрушили всю свою ярость на уцелевших сагунтийцев, устроив вакханалию грабежа, насилия и убийства. Ганнибал приказал предавать смерти всех мужчин подряд, а женщин и детей поделить между солдатами как военную добычу. Несметные сокровища были собраны, упакованы и вывезены в Карфаген: среди них — дорогая одежда и украшения, ткани, предметы мебели и произведения искусства. Несмотря на попытки испортить драгоценные металлы, многое уцелело. Часть богатств Ганнибал оставил для покрытия расходов на грядущую войну с Римом, а остальное было переправлено в Карфаген.

Захваченная в Сагунте добыча заставила умолкнуть противников Ганнибала и придала смелости его сторонникам. Сыграв на самом низменном чувстве — жадности, он сплотил вокруг себя правительство и народ Карфагена. Верно предположив, что Рим не рискнет ввязываться в войну в Испании ради спасения Сагунта, Ганнибал был готов начать свою войну в Италии при полной поддержке Карфагена.

После захвата города вся Испания оказалась под контролем Ганнибала, и тем самым он обеспечил базу, необходимую ему для начала войны, о которой так долго мечтал его отец. Теперь война была неизбежна, и ужасы, творившиеся в Сагунте, были всего лишь скромной репетицией кошмара, который будет повторяться во многих малых и больших городах Италии в последующие годы.

Когда вести о разгроме Сагунта достигли Рима, сенат решил отправить новую делегацию в Карфаген с целью предотвратить войну. Обращаясь к карфагенским сенаторам, самый почтенный из римских посланников подобрал полы своей тоги, прижимая их к груди руками. Он просил о мире между Римом и Карфагеном, но требовал выдать Ганнибала и его командиров, чтобы судить их за нарушение договора. «В одной руке я держу мир, а в другой — войну, — сказал он сенату. — Что выпадет — выбор за вами»¹⁷. В ответ слышались глумливые крики, передразнивавшие его: «Выбор за вами», — и тогда он разжал кулак и произнес: «Выпала война». Сенат отреагировал одобрительными возгласами, и в этой легкомысленной праздничной атмосфере началась величайшая и самая разрушительная из всех войн, известных античному миру.

Узнав о том, что Рим и Карфаген находятся в состоянии войны, Ганнибал незамедлительно занялся укреплением безопасности морских путей между Испанией и Северной Африкой. Он отправил второй флот патрулировать воды между

Сицилией и Ливией. Старшее поколение карфагенян, которое помнило Первую Пуническую войну, особенно пугала возможность вторжения римских легионов на побережье и нападения на город. Ганнибал успокоил их тем, что послал в гарнизон Карфагена внушительную армию испанцев, а своих африканских солдат переправил в Испанию, чтобы усилить местную армию. Отправка воинов в гарнизоны, находящиеся вдалеке от дома, сильно снижала риск мятежа и дезертирства среди них. Позднее эту тактику воспримут римляне и будут с успехом применять ее по всей империи — от Британии до Палестины. Командовать африканскими войсками в Испании Ганнибал оставил своего младшего брата Гасдрубала, который будет управлять этими землями в его отсутствие и защищать их от любых попыток римского вторжения¹⁸. Обеспечив тылы и приняв меры на случай непредвиденных обстоятельств, Ганнибал подготовился к вторжению в Италию. Теперь перед ним лежал путь на север длиной около 1600 км, вдоль испанского побережья Средиземного моря, через Пиренеи и Южную Францию, а затем через Альпы в Италию.

ГЛАВА II

ПОХОД

План перенести войну на территорию Италии был радикальным. В Риме и Карфагене традиционно считали, что ареной войны между двумя городами-государствами станет главным образом Испания, тогда как решающее сражение произойдет в Северной Африке. Ганнибал рассуждал, что нападать на Италию с моря слишком рискованно. При таком расстоянии до конечной цели море не пощадит корабли, управляемые лишь усилиями гребцов. Римляне же после победы в Первой Пунической войне построили великолепный флот и активно патрулировали воды, окружавшие Италию и Сицилию. Карфаген уже не был морской державой, как когда-то, и, стоило римлянам устроить засаду медленным, доверху перегруженным транспортным кораблям карфагенян или шторму застать их врасплох, весь флот Карфагена был бы уничтожен, а война проиграна без единого сухопутного сражения.

Кому именно пришла в голову идея вторгнуться в Италию через Альпы — Гамилькару, Гасдрубалу или

Ганнибалу, — остается неясным. И хотя источники нигде прямо не сообщают об этом, план вполне мог быть придуман Гамилькаром, а Ганнибал осуществлял его, как столетие назад Александр осуществил план своего отца Филиппа объединить греков и вторгнуться в Персию. Кому бы из семейства Баркидов ни пришла эта идея в голову, в основе ее была убежденность в том, что следующая война с Римом не может вестись тем же образом, что предыдущая на Сицилии. В этой войне нужно было сделать оригинальный, неожиданный ход и перехватить у Рима инициативу.

План основывался на том, что в тот период не вся Италия находилась под властью Рима — это случится лишь после завершения Третьей Пунической войны. Ее территорию занимали полуавтономные города-государства и местные племена: галлы на севере, италики в центральной части и греки на юге, свободно сосуществующие под непрочным, но все возрастающим римским господством. Полудикие племена галлов на севере нарушали покой римлян с тех самых пор, как впервые напали на Рим в 390 г. до н. э. Будучи независимым народом, они высоко ценили свободу и рассматривали любое продвижение римлян на север как угрозу. Как правило, Рим старался их не трогать. Населявшие центральную и некоторые из южных частей полуострова италики были в основном земледельцами, и их небольшие сообщества были связаны с Римом договорами, по которым они платили налоги и отправляли своих сыновей на службу в римскую армию. То были автохтонные племена — сабины, вольски и самниты, подчиненные Римом в ходе коротких, но жестоких войн в IV–III вв. до н. э.

На юге Италии и на Сицилии греки основали прочные и процветающие колонии еще в VIII в. до н. э. Многие из них успешно соперничали с метрополией как по уровню культурного развития, так и в богатстве. Греки попали под

ограниченное управление со стороны Рима в результате войны, вспыхнувшей в III в. до н. э. К началу Второй Пунической войны римляне контролировали центральную и южную часть Апеннинского полуострова, а также частично Сицилию, Сардинию и Корсику. Северная Италия — к северу и западу от Кремоны — оставалась территорией галлов.

Ганнибал был уверен, что Италийский союз внутренне неустойчив и развалится перед лицом прямой угрозы римскому могуществу. Он твердо верил, что италики и греки настолько ненавидели римлян, которым платили налоги и поставляли ресурсы и людей для службы, что многие разорвут с Римом отношения и перейдут на сторону Ганнибала в случае провозглашения освободительной войны. В результате Рим будет вынужден сосредоточить все силы на полуострове, подавляя восстания то в одной, то в другой его части. Видимо, Ганнибал не ставил себе целью уничтожить Рим, а хотел подорвать его влияние в Италии, ослабить растущую мощь в Средиземноморье и насколько возможно ограничить его власть границами Апеннинского полуострова. Удерживая римлян подальше от Испании и Северной Африки, можно было защитить торговые интересы Карфагена.

Наземный путь из Испании в Италию позволил бы Ганнибалу избежать проблем со снабжением, которые, как он думал, сыграли свою роль в поражении его отца на Сицилии. Гамилькар был заблокирован на острове и нуждался в поставках продовольствия и подкреплений из Карфагена. В условиях, когда карфагенский флот раз за разом терпел неудачи то из-за природных катастроф и стратегических ошибок, то из-за римских кораблей, у Гамилькара не оставалось иного выбора, кроме как прекратить войну. Ганнибал же был намерен действовать автономно, по возможности сохраняя небольшие поставки из Испании, поддерживая с ней связь и обеспечивая армию всем необходимым непосредственно

на местах, как на пути в Италию, так и уже оказавшись там. Он планировал взять инициативу в свои руки и сразу же поставить Рим в позицию обороны. Во время Первой Пунической войны так поступили римляне, вторгшись на Сицилию, и карфагенянам оставалось только защищаться. Это война будет другой, был уверен Ганнибал, поскольку он перенесет боевые действия на римскую территорию, напад оттуда, откуда они меньше всего ожидают, — со стороны современных Французских Альп. Он намеревался двигаться из Северной Италии на юг, добывать пропитание на местной земле и заставить римлян вести войну по его правилам.

Численный перевес римской армии Ганнибал собирался компенсировать за счет вербовки галльских племен. Он предполагал, что после нескольких эффектных побед в первых сражениях члены шаткой римской конфедерации, в особенности греки, присоединятся к нему и тогда баланс сил в Италии будет пересмотрен в его пользу. Когда италийские племена и греческие полисы переметнутся на его сторону, людские ресурсы Рима истощатся и шансы будут уравнены. Ганнибал рассчитывал, что, когда конфедерация даст трещину, римские легионы будут слишком рассредоточены и заняты подавлением многочисленных восстаний на разных концах полуострова. Они будут слишком озабочены сохранением порядка в собственном доме, чтобы вмешиваться в дела Карфагена в Северной Африке и Испании.

Чтобы разрушить римскую конфедерацию, Ганнибалу требовалось убедить галлов, италиков и греков в том, что эта кампания не просто в их экономических интересах, но призвана освободить их от культурного доминирования Рима. Война будет преподноситься как крестовый поход за освобождение Италии от римской тирании, а ее истинные цели — защита экономических интересов Карфагена и родовая месть Баркидов — будут скрываться.

По всей видимости, римляне и представить себе не могли, что Ганнибал вторгнется в Италию с севера. Они верно полагали, что он не рискнет напасть с моря, учитывая большое расстояние и превосходство римского флота над карфагенским. Столь же маловероятным они считали нападение на Италию на суше, поскольку для этого требовалось преодолеть путь в тысячи километров через враждебные территории и как-то провести войско и провизию через две высокие горные цепи — Пиренеи и Альпы. Если Пиренеи можно было пересечь относительно легко через восточный перевал близ Средиземного моря, называемый Ле-Пертус (Col du Pertus), то Альпы совсем другое дело. Вторжение через эти величественные вершины было немыслимым. Не только потому, что это самые высокие горы в Европе, но и потому, что в те времена их населяли воинственные племена галлов. Тогда римляне мало знали об Альпах и предпочитали рассматривать горы как естественный барьер, защищавший их границы. Только в I в. н.э., почти через 200 лет после окончания войны с Ганнибалом, римляне возьмут Альпы под свой контроль, подчинив живущие в горах племена, проложив дороги на перевалах и основав поселения у подножия гор.

С точки зрения римлян, местами военных действий должны были стать Сицилия, Испания и Северная Африка. Они предполагали, что если карфагеняне и нападут, то, вероятнее всего, на Сицилию, чтобы вернуть потерянные владения, и готовились соответственно этим рассуждениям. Преобладало мнение, что Ганнибал будет вести оборонительную войну, ожидая, что римские легионы нападут на Испанию — территорию, за счет которой Рим собирался расширять свою империю. Римский флот мог переправить легионеров из Италии на Иберийский полуостров, двигаясь вдоль побережья, и укрыться в любой из множества надежных гаваней в случае непогоды.

Вторая война будет простым повторением Первой — сначала утверждение превосходства на море, а затем уверенные победы на суше. Чего римляне не подозревали, так это то, что Ганнибал вопреки всему и с невероятной скоростью осуществит немыслимое и развяжет войну на их территории.

Ганнибал собрал армию для похода в Италию ранней весной 218 г. до н.э. Сагунт пал годом ранее, осенью, и воины, существенно обогатившиеся и довольные, вернулись со своих зимних квартир, готовые к действию. Ганнибал собрал своих командиров и обосновал необходимость войны, подробно рассказав им о требованиях Рима выдать его самого вместе с приближенными, чтобы наказать за взятие Сагунта. Он сообщил им, что карфагенский сенат отверг это требование и тогда Рим объявил ему войну. Затем Ганнибал поведал о намерении пересечь Альпы и начать войну в Италии, попутно описывая богатства земель, через которые им предстоит пройти, и добычу, которая их ожидает. Несмотря на то что путь из Испании в Италию будет тяжелым, он проходим, уверял Ганнибал своих командиров, а свирепые племена галлов ждут по другую сторону Альп, чтобы присоединиться к их армии в войне против Рима. После этого по традиции в заключительной части речи Ганнибал вознес хвалу их воинскому духу и уровню подготовки. Поход был назначен на первые дни лета.

Стратегия военной кампании Ганнибала на первом этапе предполагала два направления подготовки: разведывательное и организационное. Главной задачей разведки было установить контакты с галлами, населявшими долину реки По, чтобы определить, можно ли убедить их вождей присоединиться к карфагенской армии. Логистические задачи касались выбора маршрута и обеспечения необходимой провизией. Чуть ранее Ганнибал отправил через Альпы посланников,

которые от его имени должны были предложить галлам дружбу и поддержку Карфагена, осыпать вождей подарками и максимально использовать их ненависть к Риму в своих целях. Также им было поручено исследовать маршрут через современную Францию в Альпы, оценивая местные условия и степень возможной кооперации или конфронтации с живущими вдоль маршрута племенами.

Вернувшись в Новый Карфаген, послы доложили, что большая часть галлов, встретившаяся им к западу от Альп, была готова обеспечить Ганнибалу безопасный проход за определенную мзду. Более примитивные племена, жившие в самых отдаленных горных районах, вели себя враждебно, но не потому, что были преданы Риму или ненавидели Карфаген: просто по природе своей они были воинственны и их привлекала возможность разграбить обозы. Также посланники сообщили, что галлы, живущие по ту сторону Альп, на которых Ганнибал рассчитывал прежде всего, с нетерпением ждут его прибытия. По их словам, переход через горы будет напряженным и трудным, но все же он осуществим. В горах существовало множество перевалов, но до них следовало добраться раньше, чем наступит зима и их завалит снегом. Любое промедление в пути могло стать фатальным, если бы армия по какой-либо причине застряла в Альпах после наступления холодов.

Ганнибал был уверен, что по мере продвижения его армии к Риму все больше галлов будут присоединяться к ней, движимые великой целью, словно паломники, устремившиеся в крестовый поход. Чтобы план удался, необходимо было быстро пересечь Альпы, организовать отряды галлов и напасть на римлян прежде, чем те успеют оправиться от шока.

Существенную часть карфагенской армии составляли наемники — профессиональные воины, прибывшие из разных уголков античного мира. Многие из них участвовали

в военных походах Гамилькара и Гасдрубала в Испании, а позже осаждали с Ганнибалом Сагунт. Значительный корпус составляли африканские наемники: ливийцы — в пехоте, а нумидийцы, опытные берберские наездники, — в кавалерии. Помимо африканских отрядов у Ганнибала был небольшой контингент греческих гоплитов, тяжеловооруженных пехотинцев, которых по праву считают самыми обученными и дисциплинированными солдатами Античности. С Балеарских островов близ испанского побережья Ганнибал завербовал воинов, использовавших примитивное оружие — пращу, фигурировавшую в знаменитой библейской легенде о схватке между Давидом и Голиафом. Балеарские «пращники»¹, как их называли, бросали небольшие камни со смертельной точностью и требовали в качестве вознаграждения за службу не золото, а взятых в плен женщин. Самый значительный контингент карфагенской армии составляли испанцы — иберы и кельтиберы, служившие в пехоте и кавалерии. Позднее, когда их ряды пополнятся галлами, Ганнибал будет бросать их в бой первыми, используя как расходный материал. Во время сражения пехота располагалась по центру и первой принимала удар римской армии. Ее главной задачей было нанести как можно больший урон противнику и сдерживать его силы, пока в решающий момент Ганнибал не отправлял в бой более опытные отряды наемников, прикрываемых по флангам кавалерией, чтобы переломить ход битвы в свою пользу.

Бойцы армии Ганнибала принадлежали к разным культурам и говорили на разных языках. Они служили за деньги, а также промышляли грабежом городов и поселений, попадавшихся им на пути, и мародерствовали на поле битвы. Их объединяла страсть к убийствам и насилию, а перспектива неограниченной наживы связывала вместе. Большим достижением Ганнибала как полководца была способность

превратить их в дисциплинированных и преданных солдат. В этом он, несомненно, мог сравниться с Александром Македонским. Достигнув Италии, армия пунийцев обнаружила, что римляне многократно превосходят их числом — примерно в 20 раз. И тем не менее масштабы разрушения и паники, которые принесло войско Ганнибала в Италию, оказались намного больше, чем можно было представить, исходя из сравнительно небольшой численности.

В поход Ганнибал также взял 37 слонов, управляемых погонщиками². Использование слонов в военных целях не было чем-то новым в античном мире. Когда Александр Великий впервые вторгся в Индию в 327 г. до н. э., ему в дар преподнесли слона, и в легендарной битве на Гидаспе он сражался против боевых слонов раджи Пора. После его возвращения из Индии в Вавилон боевые слоны вошли в моду на западе, и все наследники Александра — Птолеми, Селевкиды и Антигониды — тоже обзаводились ими. Хотя слоны не были особенно эффективным оружием, они стали символом статуса среди монархов античного мира. Римляне впервые столкнулись с боевыми животными в сражении против греческого царя Пирра в период борьбы за господство в Южной Италии. В 280 г. до н. э. Пирр бросил в схватку 20 боевых слонов и одержал победу, но, понеся огромные потери, был вынужден отступить обратно в Грецию. Во второй раз римляне столкнулись со слонами, сражаясь против карфагенян на Сицилии в Первой Пунической войне (264–247 гг. до н. э.). Судя по охватившей их панике при виде целого корпуса слонов Ганнибала во время его вторжения в Северную Италию во Вторую Пуническую войну, у них не появилось ни самих животных, ни эффективной тактики, чтобы противостоять им. Лишь спустя почти столетие после войны с Карфагеном римляне начнут использовать слонов во время боевых действий, и то крайне избирательно.

В качестве ударной силы в Античности использовали два вида слонов — индийских и африканских. Современные исследователи сходятся во мнении, что в поход Ганнибал взял преимущественно африканских слонов двух разновидностей: гигантских агрессивных саванных (лесных) и менее крупных, но послушных североафриканских, обитавших в районе Атласских гор и ныне полностью исчезнувших. Подобный вывод основывается преимущественно на изучении карфагенских монет с изображениями этих животных, отчеканенных в Испании накануне Второй Пунической войны. Североафриканские слоны, известные как «карфагенские», были ростом порядка двух с половиной метров и меркли на фоне более крупных и воинственных саванных и индийских сородичей, достигавших около четырех метров в высоту. Североафриканских слонов практически полностью истребили к концу Римской империи, эксплуатируя во всевозможных целях — от транспортных и военных до увеселения публики, когда их забивали на аренах³.

Слонов часто поили вином перед сражением, чтобы возбуждать в них агрессивность, что в некоторых случаях давало нужный эффект, но также, по всей видимости, способствовало тому, что те начинали паниковать и безумствовать в разгар битвы. Поскольку зачастую животные в испуге поворачивали назад и атаковали собственных солдат, что приводило к чудовищным потерям, их наездники держали при себе железную пику и молоток. В тот момент, когда животное становилось неуправляемым, погонщик одним ударом вонзал пику в основание шеи, и слон мгновенно умирал. Через несколько лет после перехода Ганнибала через Альпы его младший брат Гасдрубал проделал тот же путь в сопровождении слонов, намереваясь выйти к Адриатическому побережью через Северную Италию. В горах близ реки Метавр, чуть севернее от современной Анконы, Гасдрубалу перекрыли путь римские легионы, и в ходе

последовавшей битвы больше слонов было убито самими погонщиками, чем погибло от рук противника.

У Ганнибала могли быть как индийские, так и африканские разновидности слонов, поскольку в источниках упоминаются погонщики слонов, известные как «индийцы» (indoi). Логично предположить, что происходили они из Индии, как и слоны, поскольку ее жители считались специалистами по их дрессировке. Изначально эти погонщики могли быть призваны на службу эллинистическими царями, а затем проделали путь на запад, чтобы служить в Карфагене. Однако следует иметь в виду: в более широком контексте слово «индийцы» может просто обозначать погонщиков слонов. В источниках содержатся указания на присутствие как минимум одного индийского слона в армии Ганнибала в момент перехода через Альпы. Древние авторы упоминают о Суре — слоне, значительно превосходящем других по размерам, которым управлял сам Ганнибал. Современные историки считают, что кличка слона в переводе означала «Сириец», поскольку цари династии Селевкидов — наследники Александра Македонского, правившие в Сирии, — были известны тем, что привозили из Индии слонов и даже сами их разводили. Ганнибал вполне мог заполучить индийских слонов и наездников, используя торговые связи между Египтом и Сирией.

Наиболее явное различие между африканскими и индийскими слонами, как можно видеть на монетах времен Второй Пунической войны, заключалось в строении спины. У африканских особей спина была вогнутая посередине, с выраженными буграми спереди и сзади, тогда как у индийского слона (также судя по изображению на монете, отчеканенной приблизительно в то же время в другой части античного мира) спина выглядит как ровный купол. Второе отличие — их круп: у африканских пород задняя часть почти пологая,

а у индийских выступает назад под довольно острым углом. Третье отличие касается строения головы. Как видно на монетах, африканский слон держит голову высоко, а на плоском лбу располагаются веерообразные уши. У индийского слона голова посажена ниже, вдавленный посередине лоб, а уши меньшего размера. Наконец, есть разница в хоботах: у африканского слона он имеет ребристую поверхность и два пальцевидных отростка на кончике, а у индийского хобот более гладкий и с одним «пальцем» на конце.

Принято считать, что индийские слоны легче поддаются дрессировке — и потому их так часто можно встретить в зоопарках и цирках. С африканскими породами намного сложнее работать из-за их агрессивности и скверного нрава. Оба вида невероятно прожорливы и съедают от 90 до 180 кг зелени в сутки, что подтверждает предположение о том, что Ганнибал в свой долгий поход из Испании в Италию решил взять менее крупных слонов из Атласских гор. Исходя из исключительно военных соображений, Ганнибал, скорее всего, предпочел бы индийскую породу, но историки считают, что за одним исключением слоны у пунийца были африканские.

Единственная известная нам битва, в которой африканские и индийские слоны сражались друг против друга, произошла в другой части Средиземного моря в 217 г. до н. э. — в тот же год, когда Ганнибал достиг Италии. В одном из грандиознейших военных столкновений в античной истории, битве при Газе, на побережье близ Иерусалима друг против друга сошлись армии египетского царя Птолемея IV и правителя Сирии Антиоха III Великого. Птолемей направил корпус африканских боевых слонов против индийского отряда Антиоха, и во время сражения они бежали с поля боя, не вынеся запахов, звуков и вида своих индийских противников. Последние оказались более мощными и воинственными⁴.

Ганнибал покинул Новый Карфаген в конце весны или в начале лета 218 г. до н.э. Согласно античным источникам, его армия состояла из 90 000 пехотинцев, 12 000 конных воинов и отряда боевых слонов³, но современные историки не склонны доверять этим цифрам. Принято считать, что в реальности его войско было вдвое меньше, хотя веские аргументы в пользу этой цифры приводятся крайне редко. В любом случае армия Ганнибала представляла собой внушительную совокупность всего, что могло передвигаться, — солдаты, лошади, слоны и вьючные животные для транспортировки имущества, а также сопровождавшие войско торговцы, ремесленники, строители, повара, рабы и женщины. Ганнибал предусмотрел всевозможные непредвиденные обстоятельства — как политические, так и военные, — которые могли произойти в его отсутствие. Обеспечив безопасность Карфагена и Испании, он мог сосредоточиться на переходе через Альпы и будущей войне в Италии.

Ему предстояло пройти около 1600 км на север вдоль Средиземноморского побережья, прежде чем он достигнет подножия Альп. Затем надо было пересечь их и выйти к равнинам Северной Италии. Если допустить, что в среднем армия передвигалась по шесть часов в день при скорости от двух до пяти километров в час, карфагенское войско могло преодолевать от 19 до 25 км в день. Согласно подробным записям военного дневника Юлия Цезаря, во время римского похода против галлов его армия, состоявшая из почти 50 000 легионеров, проходила такое расстояние в обычные дни и преодолевали до 40 км, совершая марш-бросок, если не встречала вражеского сопротивления.

Главным предметом беспокойства во время похода было пропитание, поскольку угроза голода, особенно высоко в горах, тревожила Ганнибала сильнее, чем мысли о неприятеле. Учитывая, что в среднем в день солдат сжигает порядка 4000

калорий, и значительно больше в стычках с противниками, каждому требовалось минимум от одного до полутора килограммов пищи в день, чтобы сохранять максимальную работоспособность. Чтобы накормить армию из примерно 90 000 людей, не считая сопровождавших их гражданских и животных, необходимо было порядка 1000–2000 т еды ежедневно. Один из командиров Ганнибала — его тезка по прозвищу Мономах, упоминаемый также как Гладиатор, — боялся голодной смерти в Альпах больше, чем битвы против римлян. Подчеркивая дальность предстоящего пути и бедность почвы тех мест, через которые им предстояло пройти, он предложил приучать воинов есть человеческое мясо. Он рекомендовал добавлять его понемногу в ежедневный рацион солдат и увеличивать по мере продвижения вглубь Альпийских гор, где добыть пропитание будет практически невозможно. Таким образом армия сможет преодолеть горный маршрут, питаясь сама собой. Ганнибал не мог допустить распространения каннибализма, и вину за многие зверства, произошедшие позже в Италии, приписывали якобы садистским наклонностям этого Мономаха⁶. Марширующая колонна, должно быть, растягивалась на расстояние от 8 до 12 км в длину и легко могла достигать порядка 400 м в ширину. Подобно саранче, армия Ганнибала опустошала сельскую местность. Это была движущаяся экологическая катастрофа, осушавшая мелкие реки и ручьи и разорявшая километры посевных площадей. После себя колонна могла оставить только пустыню, лишенную признаков жизни и загрязненную невообразимым количеством человеческих и животных отходов, мусором всех сортов и видов, а также телами умирающих и уже умерших людей. Те несчастные, кому случалось попасться на ее пути, без сомнения, лишались всего: урожая, домашней скотины, а вполне возможно, и жизни. Маловероятно, чтобы армия подобного размера и состава была способна проявить хоть толику сострадания к кому-либо или чему-либо.

В самом хвосте колонны, глотая пыль, поднимаемую военными отрядами, плелся гражданский люд. Среди них были торговцы, продававшие солдатам товары во время привалов, сапожники и кузнецы, чинившие их обувь и доспехи, а также проститутки и рабы. В их рядах были мародеры, представители хищнической породы человечества, стремившиеся разжиться на чужом несчастье, покупая ценности, снятые с мертвецов или силой сорванные с раненых и слабых. А сколько возможностей открывалось для них при взятии многочисленных городов и поселений, разбросанных вдоль маршрута армии и на просторах Италии!

Потребовалось несколько месяцев, чтобы преодолеть первую часть пути вдоль испанского побережья Средиземного моря и затем перейти через Пиренеи. Дело было не только в низкой скорости войска, но и в неожиданном противодействии диких племен. Тем не менее колонна продвигалась, подчиняя города и деревни, и враждебные племена отступали. К тому моменту, как Ганнибал пересек Пиренеи, вероятнее всего через перевал Ле-Пертус, где горы спускаются прямо к морю, его армия уже прошла половину пути до границ Италии. Ле-Пертус расположен на высоте всего около 700 м, и даже в античные времена проход через горы по этому перевалу должен был быть довольно легким. Сегодня это сильно загруженная легковыми автомобилями и фурами автомагистраль, соединяющая Францию и Испанию. По другую сторону Пиренейских гор воодушевление и эйфория раннего этапа кампании отступили перед суровой реальностью того, что ждало армию впереди. Стало совершенно ясно: дальше на севере колонну ждут нескончаемые схватки, что вызвало у многих солдат недовольство и страх, особенно в свете предстоящих опасностей во время перехода через Альпы. Страх и тревога нарастали, и впервые авторитету Ганнибала был брошен вызов, когда около 3000

испанских воинов из племени карпетанов потребовали возвращения домой.

Ганнибалу было необходимо спешно пресечь это недовольство, пока все войско не было деморализовано. Как у предводителя у него было два варианта. Он мог прибегнуть к традиционному способу усмирения мятежников и казнить главарей в назидание остальным. Александр Македонский использовал эту тактику, чтобы подавить бунт среди своих солдат во время похода на восток. Но Ганнибал выбрал менее суровый способ решения проблемы. Он созвал войска и признал резонным страх многих из них перед тем, что ожидало их впереди. Затем он сказал, что ему требуется отослать некоторых из них в Испанию, чтобы усилить местные гарнизоны, а также оставить часть войск охранять перевал. Таким способом Ганнибал смог избавиться от самых конфликтных и ненадежных элементов своей армии, не прибегая к открытой конфронтации.

В Испанию было отправлено 7000 воинов, включая карпетанов⁷. В начале похода Ганнибал старался избегать суровых наказаний в отношении солдат, выдержавших долгие недели марша и изнурительных сражений. Что еще важнее, ему удалось избежать потенциально кровавого столкновения с недовольными солдатами, которое с легкостью могло распространиться на все войско и поставить под удар саму кампанию. Как главнокомандующий, Ганнибал стремился найти выход из конфликтной ситуации, который позволил бы ему выявлять недовольство и сглаживать его прежде, чем оно перерастет в неповиновение. Он проявлял проницательность и понимание тонкостей человеческого поведения, признавая их сложность и многогранность, в особенности среди мужчин в условиях сильного стресса. Он хорошо понимал, что одной силы порой недостаточно и власть необходимо уравновесить умением найти компромисс и прийти к соглашению.

Следующий участок пути пролегал через Южную Францию, где жили дикие племена, населявшие территорию между Пиренеями и рекой Роной. Посланники Ганнибала предупредили их, что колонна лишь хочет пройти через эти территории и не причинит им зла. Но то были по-настоящему воинственные племена, до которых несомненно дошел слух о том, как карфагеняне обошлись с их собратьями в Испании. Возможно, они боялись, что Ганнибал обратит их в рабство и принудит работать на карфагенских золотых и серебряных приисках. Вероятность лишиться свободы вызвала тревогу у многих племен, и они собрались в городе Русцинон (Ruscino), современном Шато-Руссильоне, расположенном неподалеку от Перпиньяна, с очевидной целью — помешать дальнейшему продвижению карфагенской армии.

Ганнибал очень хотел избежать сражения и без промедления начать переход через Альпы. Несмотря на то что стояло лето, каждый потерянный в битве день грозил тем, что до гор они сумеют добраться, лишь когда перевалы уже будут покрыты снегом и льдом. Ганнибал отправил к вождям племен послов, чтобы еще раз заверить, что у него нет никакого желания воевать с ними, только если они его к этому не вынудят. Главы племен пришли в его лагерь с миром, а он, в свою очередь, был столь гостеприимен и столь щедро одарил, что те согласились обеспечить его войску беспрепятственное продвижение.

К тому моменту, как армия Ганнибала подошла к Роне, она преодолела уже более 7000 км, а сам поход длился больше двух месяцев. От перевала, ведущего в Италию, ее отделяло еще чуть более 300 км. И хотя самая длинная часть маршрута уже была позади, главные трудности ждали впереди. Число его воинов уменьшилось примерно вдвое за счет отправленных в Испанию недовольных отрядов, а также по причине несчастных случаев, болезней, смертей и дезертирства.

По свидетельствам античных источников, к тому моменту, как Ганнибал достиг Роны, его армия сократилась до 50 000 пехотинцев и 9000 всадников⁸. Несмотря на то что его войско существенно уменьшилось, оно могло стать более сплоченным благодаря преданности своему главнокомандующему и решимости вести кампанию до победного конца.

Вероятно, Ганнибал сократил размер армии, руководствуясь соображениями логистики. Найти еду и продовольствие, которых и так не хватало, выше в горах было бы чрезвычайно сложно. У менее крупной и более мобильной армии было больше шансов благополучно добраться до Италии.

Узнав о передвижениях Ганнибала с его армией, римляне решили, что он укрепляет границы Северной Испании, готовясь к вторжению с моря. Очевидно, они и понятия не имели, что к тому моменту он уже достиг Роны и собирался вторгнуться в Северную Италию. По традиции римляне избрали двух консулов для командования военными силами. Первый консул, Публий Корнелий Сципион, с армией примерно из 35 000 воинов был отправлен в Испанию с целью воспрепятствовать любому продвижению карфагенян на север. Второй — Тиберий Семпроний Лонг — получил приказ выдвинуться на Сицилию с более крупным контингентом для создания опорного пункта на случай возможного вторжения карфагенян. Такова была стратегия римлян на начальном этапе войны, и с учетом доступных на тот момент данных она была хорошо разработана. Они усилили защиту от галлов в Северной Италии, построив укрепленные поселения Кремону и Плацентию, и отправили туда римских поселенцев. Это вызвало негодование галлов, особенно тех, что жили между этими новыми колониями и предгорьями Альп. Два кельтских племени — бойи и инсубры, возможно предвосхищая приход Ганнибала и его войска, спешно напали на римские колонии.

Атака заставила поселенцев и защищавших их легионеров переместиться в более безопасный город Мутину (совр. *Модена*). Галлы преследовали отступавших римлян, уничтожая все на своем пути. Легион, отправленный из Рима на помощь в подавлении восстания, оказался в засаде, поскольку его командир недооценил тактическое мастерство своих галльских противников. Несмотря на сильные потери, легион все же сумел выбраться из этой кровавой бойни и укрыться в укрепленном городе неподалеку. Теперь римляне вели малую войну против галлов в Северной Италии, а еще более серьезный конфликт с Карфагеном назревал на юге. Поэтому сенат санкционировал всеобщую мобилизацию на территории всей Италии и послал многих новобранцев на север для укрепления местных гарнизонов. Но восстания бойев и инсубров и для Ганнибала были нежелательным ходом событий. Их действия оказались преждевременными и свидетельствовали об импульсивности и непредсказуемом характере новых союзников. Из-за них римляне укрепили эти территории, что было совершенно не на руку Ганнибалу. На тот момент римляне в Северной Италии, судя по всему, все еще не подозревали, что он стремительно движется по направлению к ним, и считали своей единственной проблемой галлов в долине реки По. Они и не догадывались о надвигающемся шторме.

В августе 218 г. до н. э. флот из шести судов под командованием консула Сципиона направился из Италии в Северную Испанию. Двигаясь вдоль северо-западного побережья Италии, он пересек Лигурийское море и прибыл в греческий город Массилию. Там римляне зашли в порт, чтобы передохнуть, поскольку путешествие оказалось непривычно тяжелым и многих солдат целыми днями выворачивало наизнанку. Второй консул отправился на Сицилию, имея под своим командованием 160 военных кораблей и внушительную армию.

Ганнибал тем временем успешно продвигался через Южную Францию. Следуя вдоль побережья на север и оставляя море по правую руку, он миновал современные французские города Нарбон и Безье, затем Монпелье и наконец добрался до одного из самых безлюдных уголков региона — долины Камарг. Устремляясь из Центральной Франции на юг, примерно в 50 км от берега Средиземного моря Рона достигает Камарга. Здесь река разделяется на несколько более узких и медленных рукавов, пробивающихся к морю сквозь болотистую местность. Здесь обитают лошади и быки, столь же дикие, как и 2000 лет назад. На восточной границе Камарга располагается современный Марсель, на месте которого в древности стоял город Массилия.

Пройдя вдоль северо-западной границы Камарга, Ганнибал вышел к Роне и начал подготовку к переправе. Исследователи веками спорили о том, где именно он перешел реку. Полибий утверждал, что это место находилось в четырех днях пути от морского побережья, где русло реки еще широкое, мелководное и с медленным течением⁹. Современные историки выделяют три участка реки между Арлем на юге и Оранжем на севере¹⁰: Фурк, расположенный в паре километров к северу от Арля; Бокер или Тараскон, находящиеся примерно в полутора десятках километров от него в верховье реки; и Рокмор, чуть южнее Оранжа, близ Шатонеф-дю-Пап. Посетив все три городка в 2015 г., автор заключил, что с наибольшей вероятностью Ганнибал перешел через реку близ Бокера и Тараскона.

За четыре дня при благоприятных условиях армия могла пройти дистанцию от 50 до 80 км, удаляясь от морского побережья вглубь материка. Эта местность вдоль Роны довольно равнинная, и по ней легко передвигаться. Благодаря археологическим раскопкам мы знаем, что уже в эпоху бронзового и железного веков территория Бокера и Тараскона имела

стратегическое значение. Многочисленные находки греческих, этрусских и карфагенских ваз и амфор для хранения и перевозки вина, датируемых VII в. до н.э., доказывают, что эта местность использовалась как важный перевалочный пункт, через который проходили торговые пути вверх и вниз по течению Роны, а также с востока на запад по маршруту из Италии в Иберию, известному как Геркулесова дорога. Позднее на ее месте римляне проложат самую первую дорогу в Нарбонской Галлии (современных Прованс и Лангедок) — Домициеву (*Via Domitia*).

В районе древней Домициевой дороги было найдено более тысячи мильевых столбов, цепочкой протянувшихся от Бокера, Нима и Безье до перевала Ле-Пертус в Испании. И хотя все эти столбы, несомненно, были установлены римлянами и большая их часть датирована I в. до н.э., то есть через 100 лет после того, как по этому пути прошел Ганнибал, все указывает на то, что дорога уже до этого использовалась веками. Восточнее от Бокера и Тараскона дорога проходит вначале через Апт (римский город Апта Юлия), вдоль реки Дюранс выходит к Гапу (Вапинк), затем минует Бриансон (Бригантий) и ведет через Альпы по перевалу Монженевр в Италию, в земли кельтского племени тавринов. Эта дорога была одним из двух возможных путей, который Ганнибал мог выбрать для перехода через Альпы.

Другой способ установить место переправы Ганнибаловых войск через Рону — сравнить расстояния, пройденные ими в Испании, задокументированные в источниках, с известными географическими ориентирами на территории Франции. Полибий сообщает, что из Эмпориона (совр. Ампуриас), расположенного в испанской части Пиренеев, до переправы на Роне Ганнибал преодолел дистанцию в 1600 греческих стадий¹¹, или около 320 км. Мой одометр показал, что расстояние от Ампуриаса до Бокера составляет 306 км.

Определившись с местом переправы, Ганнибал обнаружил, что этот берег реки контролируется чрезвычайно воинственным племенем, известным как вольки. Они наотрез отказались принять его дары в обмен на безопасный проход через их земли, так как, вероятно, отличались крайне агрессивным нравом и были не прочь разграбить обоз карфагенян и разжиться добычей. Однако из страха, что противник уничтожит их поселения и поля, они отвели на безопасное расстояние своих женщин и домашний скот. Вольки жили обособленно, и им не было никакого дела до разворачивающейся между Карфагеном и Римом эпохальной борьбы за господство в античном мире. Они были не в состоянии осмыслить происходившие в Средиземноморье перемены, которые в течение следующего столетия коренным образом изменили их мир благодаря римскому завоеванию Галлии.

Племя арекомисков (арекомиков), проживавшее в тех же местах, оказалось более сговорчивым. Приняв от Ганнибала предложение о мире, они выручили немало денег, снабдив его припасами и всем необходимым для переправы. Ганнибал опасался переходить реку из-за возможной атаки вольков, поэтому приказал большому отряду испанской и африканской конницы покинуть лагерь под покровом ночи. Они прошли несколько километров на север вдоль западного берега реки и переправились через нее до наступления рассвета. Весь следующий день они прятались в лесах, пока не оказались в тылу у вольков. На рассвете с помощью сигнального дыма они сообщили Ганнибалу, что можно начинать переправу.

Как только карфагенское войско вступило в воды Роны, вольки нахлынули на противоположный берег, громко крича и улюлюкая. Они потрясали щитами над головами и размахивали копьями. Шум, производимый галлами, смешивался с криками солдат Ганнибала, подбадривавших друг друга,

пока они с трудом переходили реку. И в тот момент, когда вольки уже были готовы вступить в схватку с карфагенским авангардом, сидевшая в засаде кавалерия атаковала и подожгла их лагерь.

Увидев лагерь в огне, вольки растерялись, не в состоянии решить, продолжить бой или покинуть берег, чтобы спасти свои семьи и имущество. Эффект неожиданности привел их в замешательство, и, пока галлы решали, что же им делать, они потеряли преимущество. Авангард Ганнибала сумел занять плацдарм на берегу, и, вскоре на нем уже были тысячи готовых к бою карфагенян. Оказавшись зажатыми между основной армией и кавалерией, вольки бежали с поля боя. Многие в панике пытались укрыться в лесах, а прочие сдались. Переправа оставшихся солдат, животных и припасов заняла у пунийцев весь остаток дня. К закату они укрепились в лагере на восточном берегу Роны, а вольки растворились.

В плане Ганнибала не было ничего особенного. Он по большей части повторял тактику, использованную Александром Македонским в битве при Гранике с персидским царем Дарием (334 г. до н. э.) и несколькими годами позднее в столкновении с индийской армией раджи Пора на реке Гидасп (326 г. до н. э.). В обоих сражениях Александр решался на прямую атаку через реку, но только после того, как большой отряд кавалерии переправлялся через нее к северу и заходил в тыл врагу. Вольки в любом случае были гораздо менее грозным противником, чем персы или индийцы. Не умаляя заслуг Ганнибала на Роне, следует отметить, что использованная им тактика была известна в античном мире. По всей видимости, он изучал подробности походов Александра.

Весь следующий день карфагеняне пытались переправить через реку 37 слонов. Когда их подвели к берегу, животные, шедшие впереди, отказались входить в воду. Даже несмотря на достаточно жестокие понукания погонщиков. Инженеры

связали между собой несколько плотов, каждый из которых достигал в ширину от 12 до 15 м, и протянули их через реку, создав своеобразный пирс длиной около 60 м. Когда пирс стал устойчивым, на его дальнем краю установили дополнительные плоты, которые удерживались на месте при помощи шкивов и канатов, привязанных к деревьям на берегу. По замыслу слоны должны были парами взойти на пирс, а затем перейти на плоты. После чего плоты отвязывали от пирса и за канаты буксировали к противоположному берегу.

Слоны скептически отнеслись к этой идее. Они подошли к кромке воды и не делали ни шагу дальше. Инженеры разбросали по пирсу землю и траву, чтобы он был похож на естественную переправу, но животные все равно отказывались заходить на него. Один из погонщиков решил выместить свою злобу на самце и раздражил слона до такой степени, что животное в ярости напало на него. Человек прыгнул в воду, пытаясь спастись, и самец бросился за обидчиком. Еще несколько слонов последовало за ним, находясь уже на грани бешенства из-за понуканий своих погонщиков. Оказавшись на глубине, животные успокоились и позволили течению вынести их на другой берег.

Но большая часть слонов оставалась на западном берегу, отказываясь двигаться. В конце концов двух самых послушных самок вывели вперед, и погонщики аккуратно заманили их на пирс. Как только слонихи оказались на пирсе, самцы послушно последовали за ними. Но, когда плоты отвязали от причала и они стали дрейфовать на середине реки, животные запаниковали и перевернули часть из них. Несколько погонщиков утонули или были раздавлены насмерть, но слоны, похоже, обнаружили твердую почву под ногами на дне реки и, согласно одному из источников, просто перешли на противоположный берег, пользуясь хоботами как дыхательными трубками¹².

Пока Ганнибал переправлялся через Рону, Сципион высадился в Массилии. Из предосторожности он отправил 300 своих лучших всадников разведать территорию к северу от города. Ганнибал с той же целью выслал на юг 500 нумидийцев. Кавалеристы столкнулись друг с другом и вступили в бой. Схватка была довольно яростной, пока всадники Ганнибала не отступили, чтобы вернуться и сообщить командованию о близости римлян. Когда слухи об этом распространились по лагерю, карфагеняне инстинктивно начали готовиться к бою.

Но у Ганнибала были другие планы. Он отказался ввязываться в конфликт и предпочел поберечь силы, держа в уме свою главную цель — Италию, до которой хотел добраться с минимальными потерями и как можно быстрее. Разгром римлян поднял бы боевой дух солдат и вызвал мимолетное чувство эйфории, но в стратегическом плане не сыграл бы никакой роли на этом этапе кампании. Поражение могло положить конец всем его замыслам, но даже в случае победы потери были бы столь существенны, что могли поставить под угрозу планы в Италии. К разочарованию воинов, Ганнибал решил избежать битвы и сконцентрироваться на переходе через Альпы.

В это время в карфагенский лагерь прибыла делегация бойцов, сражавшихся с римлянами в долине реки По. Ее возглавлял вождь племени Магал. Они только что перешли через Альпы, и их прибытие отвлекло пунийцев, огорченных несостоявшейся схваткой с римлянами. Бойцы сообщили Ганнибалу, что война с римлянами в Северной Италии уже началась и что они пришли помочь его армии перейти через горы. Это лишь укрепило решение Ганнибала не вступать в битву со Сципионом и отправиться напрямик в Альпы. Высадившись в Массилии, римляне лишь подтолкнули карфагенян к поиску другого маршрута в Италию.

Кратчайший путь пролегал на восток от южных пределов Роны, немного вглубь от средиземноморского побережья, через плоскую равнину в сторону низкого горного хребта, известного как Приморские Альпы. Большая часть маршрута пролежала по широким долинам, что сулило легкий переход через территорию, ныне называемую Провансом. Римляне позже построят свою главную дорогу из Италии в Испанию как раз вдоль этого маршрута, а два тысячелетия спустя испанские, французские и итальянские инженеры проложат здесь автомагистрали.

Но даже этот путь не был полностью безопасен. Главная угроза поджидала Ганнибала и его войско на начальном этапе, так как они оказались бы в опасной близости к Массилии и возможной схватке с римлянами. Рельеф местности к северу от города идеально подходит для генерального сражения, которого Ганнибал на тот момент хотел избежать любой ценой. Даже если бы он сумел обойти римлян у Массилии, угроза возникла бы вновь, когда его войско достигло бы другого греческого города — Никеи, современной Ниццы. В этот город было легко переправиться по морю из Массилии, так что, когда пунийцы добрались бы до него, римляне уже могли их поджидать. Даже если бы Ганнибалу вновь удалось избежать столкновения, еще большая опасность могла таиться в горах за Никеей. И хотя этот хребет самый низкий во всех Альпах, его населяли лигуры — столь воинственные племена, что Риму удалось их подчинить лишь два века спустя во время правления императора Октавиана Августа. Чтобы отпраздновать победу над лигурами, Август повелел воздвигнуть большой храм над горным перевалом возле современного Монако, известным как Ла-Тюрби. Храм сейчас восстановлен, и из него открывается замечательный вид на Монако, а также на море и Альпы на севере.

Ганнибал решил отказаться от этого пути и быстрым маршем отправился на север вдоль восточного берега Роны,

стремясь оторваться от римлян, если те последуют за ним. Сделав это, он намеревался повернуть на восток и перейти Альпы через какой-либо из доступных ему перевалов. Когда Сципион узнал, что Ганнибал переправился через реку, он, должно быть, не мог поверить, что карфагенское войско могло передвигаться с такой скоростью, и осознал, что серьезно недооценил противника. Стало очевидно, что целью Ганнибала была Италия, и Сципион понял, что должен остановить его или хотя бы задержать. Но к тому моменту, когда его армия достигла места, где располагался карфагенский лагерь, было уже слишком поздно. Теперь перед Сципионом стоял выбор: попытаться догнать Ганнибала или отправиться в Италию и дожидаться, пока тот перейдет горы. Римский консул решил, что преследовать пунийцев будет ошибкой, поскольку у него и так имелось преимущество, а у его войска не было одежды и снаряжения, необходимых для перехода через Альпы. Сципион поступил более рассудительно и вернулся в Массилию, отправил войско в Испанию под командованием своего брата Гнея и подготовился к тому, чтобы собрать новую армию в Италии.

По мере продвижения карфагенского войска на север вдоль Роны среди солдат стали распространяться слухи об опасностях, поджидающих их в Альпах. Передаваясь из уст в уста, истории становились все более зловещими. Пунийцам предстоял долгий марш через неизведанную территорию под страхом угодить в засаду местных племен в узких ущельях, не говоря уже об опасностях, связанных с восхождением, голоде, холоде и множестве самых разных природных угроз для жизни. Все в этом списке могло привести к смерти. Это подрывало боевой дух измотанных долгими месяцами похода мужчин. Ганнибал столкнулся с угрозой мятежа. Был объявлен общий сбор, и Ганнибал при поддержке бойев обратился к солдатам в попытке развеять страхи и пробудить

в них храбрость и отвагу. Он начал со страстного обращения: «Откуда взялся этот внезапный страх среди вас — тех, кто последовал за мной из Испании, чтобы уничтожить Рим и освободить мир? Что же пугает вас, тех, кто пересек Пиренеи и бился там с дикими племенами? Чего страшитесь вы, те, кто переправился через воды могучей Роны и одолел воинов, поджидавших вас на другом берегу? И теперь, когда до Альп рукой подать и вы стоите на пороге своего врага, вы готовы отступить? И что такое, по вашему мнению, эти Альпы? Это не более чем еще одни высокие горы. И никакая высота не страшна для людей, объединенных великой целью!»

Речь Ганнибала похожа по настроению и содержанию на ту, с которой Александр Великий выступил перед своей армией, когда она взбунтовалась на берегу реки Биас в Индии. Когда воины отказались продолжить поход из-за слухов о великой пустыне и реке в несколько километров шириной, полной крокодилов, Александр собрал их вместе. Он сказал солдатам, что не видит пределов человеческим возможностям, а они ответили, что великий лидер всегда знает, когда пора остановиться, вынудив Александра впервые за всю его жизнь повернуть назад.

После своей речи Ганнибал указал пальцем на Магала и его людей. «И как же они попали сюда? Или вы думаете, что они перелетели через Альпы? Они перешли через горы со своими женщинами и детьми, а вы, храбрые воины, которым не нужно нести ничего, кроме собственного оружия, боитесь!» Магал обратился к собранию и, чтобы укрепить их уверенность, сказал, как сильно его люди, которые уже ведут войну с римлянами, ждут карфагенян. Он признал, что некоторые участки пути будут непростыми, но не непроходимыми. По дороге можно будет найти достаточно припасов, а также проводников. Наконец, Ганнибал призвал своих людей собраться с духом и продолжить поход.

Впереди, пообещал он, их ждет великая цель — освобождение италийцев от римского гнета, — а также возможность набить карманы¹³.

Ганнибалу удалось вновь пробудить в своих людях энтузиазм. Но, как покажут следующие недели, его слова окажутся блефом. Войско собьется с пути. Голодным и продрогшим карфагенянам придется приложить немало усилий, чтобы найти дорогу через покрытые снегом и льдом горные вершины. А местные племена будут постоянно выслеживать их, словно волки, преследующие зимой свою добычу. В горах Ганнибал потеряет больше людей, чем во всех боях и переправах на пути из Испании. На дворе было позднее лето, и он торопился перейти через Альпы, пока не наступит зима.

ГЛАВА III

ЧЕРЕЗ ЛЕДЯНЫЕ ВЕРШИНЫ

Среди всех достижений Ганнибала ни одно не впечатляет так сильно, как его переход через Альпы. Это было не просто смело: на тот момент подобное было невозможно себе представить. Переход затмевает даже его блестящие победы в битвах с римлянами. Хотя часто о нем говорят как о превосходном примере талантливоего полководца, в то же время в Альпах карфагенская армия понесла больше потерь, чем в последовавших боях. Переход можно оценивать как несомненный успех и подвиг полководца, одолевшего силы природы исключительно благодаря собственной целеустремленности, или как огромную неудачу, если смотреть на него с точки зрения ценности человеческой жизни. В биографиях Ганнибала и хрониках Пунических войн авторы чаще всего лишь вкратце пересказывают эти события, предпочитая концентрироваться на его победах в сражениях на полях Италии.

Альпы представляют собой естественный барьер между Францией и Италией, протянувшийся более чем на 300 км от величественного Монблана на севере до Средиземного моря на юге. Начинаясь как сравнительно невысокий хребет (высотой около 100–120 м) к востоку от Роны, они постепенно растут, становятся более обрывистыми, пока не предстают во всем своем великолепии на итальянской границе, где достигают 3500–4000 м в высоту. Именно здесь очертания гор разительно меняются, когда они резко обрываются, переходя от головокружительных вершин к итальянским равнинам. Альпы кажутся монолитной стеной из камня, снега и льда между Францией и Италией, но на самом деле в них есть несколько низин и перевалов, протянувшихся с востока на запад между двумя самыми высокими пиками. Эти перевалы¹ — единственный способ перебраться через горы и удобный ориентир, чтобы разграничивать их. Наиболее низкая и самая южная часть — Приморские Альпы, они начинаются у Средиземного моря неподалеку от Ниццы и заканчиваются перевалом Коль-де-ла-Бонет на высоте 2715 м. Это самый высокий перевал в Альпах, по которому проходит дорога с твердым покрытием. К северу от Приморских Альп протянулись Котские Альпы, названные так римлянами в честь своего лигурийского союзника — вождя Коттия. Эта часть расположена между двумя перевалами — Мон-Сени и Монженевр — хорошо известными маршрутами для перехода через горы между Италией и Францией. Грайские Альпы — следующая часть, находящаяся между перевалом Мон-Сени и Монбланом. Именно ее предположительно пересек легендарный Геркулес во время одного из своих приключений. Последняя область — Пеннинские Альпы, протянувшиеся от швейцарской границы и долины верхней Роны до самых северных и западных регионов Италии.

Специалисты обычно сходятся во мнении, что Ганнибал перешел через Коттские Альпы, начинающиеся в долине Роны, где горы еще сравнительно невысоки. Эта область также известна как Альпы Дофине. Далее Ганнибал должен был спуститься в долины, чередой следующие одна за другой, перед тем как начать второе и финальное восхождение, чтобы пересечь Верхние Альпы на границе с Италией. Через эти долины пролегает единственный путь сквозь горы. Пологие русла расположенных здесь рек обеспечивают более чем достаточный запас питьевой воды и ведут к ручьям на горных склонах. Эти ручьи, в свою очередь, приводят к перевалам, и это единственная реальная возможность преодолеть вершины. Их источники расположены на большой высоте, где снег начинает таять и сползать по склонам гор. Ручьи превращаются в реки, создавшие за прошедшие тысячелетия на своем пути к Роне протяженные поперечные долины. Но даже движение вдоль этих рек может быть опасным, потому что в таком лабиринте легко запутаться и заблудиться. Долины нередко переходят в теснины — узкие проходы, где легко попасть в ловушку и быть снесенным одним из тех грязевых потоков, что периодически сходят с высот, уничтожая все на своем пути. И сам автор был однажды этому свидетелем на территории заповедника Кера.

В Рону впадают четыре основные реки, чьи истоки находятся на вершинах Альп. Самая северная из них, Изер, берет свое начало в ледниках Верхних Альп неподалеку от курорта Валь-д'Изер и впадает в Рону в районе города Валанс. Историки чаще всего предполагают, что именно по ее долине прошел Ганнибал. Следующая и более мелкая в сравнении с Изером река — Дром, берущая начало в Альпах Дофине и впадающая в Рону южнее Валанса. К югу от Дрома протекает Эг и впадает в Рону к северу от Оранжа. Но ни одна из этих двух рек не ведет напрямую к перевалам через Верхние

Альпы. Последний и самый длинный из всех четырех притоков — Дюранс, начинающийся с нескольких ручьев, стекающих по склонам самых высоких гор на итальянской границе, несет свои воды по широкой долине на юго-запад и впадает в Рону к югу от Авиньона. Так как маршрут вдоль морского побережья из-за риска встретиться с римской армией возле Марселя был исключен, лучшим выбором Ганнибала был бы именно Дюранс. Эта река ведет к одному из самых низких и простых перевалов — Коль де Монженевр. Но на начальном этапе Ганнибалу все равно пришлось бы искать другую дорогу, иначе его солдаты оказались бы в опасной близости от римской армии.

В поисках прохода через Альпы Ганнибал был вынужден двигаться на север вдоль Роны дальше, чем он, вероятно, планировал изначально. Затем, оторвавшись от римлян, он мог повернуть на восток и продолжить путь через верхние излучины Дюранса в районе современных французских городов Мон-Дофен и Гийестр. Именно там начинается перевал Монженевр — самый легкий способ попасть в Италию. Его высота меньше 1800 м, сейчас через этот перевал проходит основная автомобильная трасса между Францией и Италией.

Античные источники говорят, что, переправившись через Рону, Ганнибал следовал вдоль ее восточного берега на север в течение четырех дней, опасаясь преследования римской армии и пытаясь от нее оторваться. В идеальных погодных условиях его армия могла проходить за сутки от 16 до 24 км — эти расчеты сделаны на основе сведений о походах Александра Македонского в Азии и Юлия Цезаря в Галлии, совершенных в ту же эпоху, что и поход Ганнибала. Даже если взять более скромную цифру — 16 км в день, то при таком темпе, покинув район Арля, армия Ганнибала добралась бы вдоль реки до местности, где сейчас расположен город Оранж. Историки предполагают, что передвижение

по суше, особенно во внутренних областях Франции, было в то время достаточно легким благодаря относительно хорошо развитой системе дорог². Они пролегали сквозь горы вдоль речных долин, а затем сеть крутых тропинок выводила некоторые из них к перевалам.

На четвертый день Ганнибал и его армия, двигаясь вдоль Роны, достигли места, которое называется в источниках просто «остров». Это была треугольная низина, напоминавшая дельту Нила, также затапливаемая каждый сезон, плодородная и густонаселенная. Одной из сторон этого треугольника, очевидно, была Рона, но что за река очерчивала границу с другой стороны, до сих пор неизвестно. Полибий, писавший на греческом, называл ее Искарас или Скарас, а писавший на латыни Тит Ливий — Арап (Arar) или Арарос (Araros). Население «острова» принадлежало к племени аллоброгов (общее название для народов, живших на территории Галлии от Роны до Альп Дофине и слабо связанных общим языком и обычаями). Это племя лишь недавно лишилось короля, и двое его сыновей сражались за престол. Старший, Браней, претендовал на трон по праву первородства, а младший, чье имя не упоминается в источниках, угрожал свергнуть брата, если тот объявит себя королем. Племя находилось на грани гражданской войны. Согласно Полибию, Ганнибал принял сторону старшего из братьев и силами своей армии изгнал младшего и его сторонников с острова³. Между тем Тит Ливий утверждает, что Ганнибал скорее сыграл роль миротворца, выступив в качестве посредника при поддержке местных старейшин⁴. В любом случае победителем в споре вышел Браней, и в знак благодарности новый король обеспечил солдат Ганнибала одеждой, оружием и припасами, необходимыми для предстоящего путешествия через горы. Также он предоставил вооруженный отряд, чтобы сопроводить их к подножию Альп.

Покинув остров, Ганнибал повернул на восток и двигался вдоль другой реки на протяжении десяти дней, пройдя около 160 км. Все шло благополучно, пока колонна не достигла предгорий, известных как Альпы Дофине, где предоставленный Бранеем эскорт повернул назад. Дальше местность становилась более возвышенной и труднопроходимой, а с вершин за карфагенянами следили местные племена и возможные союзники младшего брата Бранея.

Хотя Альпы Дофине достигают в высоту лишь 1200–1500 м, они все равно остаются серьезным препятствием. Чем дальше колонна продвигалась на восток, тем выше становились горы, замедляя ее ход. Все больше местных жителей появлялось на вершинах над карфагенской армией. Беспокойство Ганнибала вызвало донесение разведчиков о том, что впереди войско ждет очень узкое ущелье. В ту ночь по лагерю, сея тревогу среди солдат, поползли сильно преувеличенные слухи о поджидающих впереди опасностях. Также разведчики сообщили Ганнибалу, что горцы следуют за войском только днем, а ночью возвращаются в свои деревни. Это натолкнуло полководца на мысль. Он приказал разжечь множество костров перед закатом, чтобы с наступлением темноты местные жители решили, что войско встало на ночлег. Горцы вернулись в свои деревни, и тогда Ганнибал тайком покинул лагерь с отрядом легковооруженных пехотинцев. Они поднялись на вершины над ущельем, расположившись над карнизами, которые днем обычно занимали горцы. С рассветом аллоброги вернулись, не подозревая, что Ганнибал и его люди уже поджидали их. Оставшаяся внизу армия свернула лагерь и стала медленно входить в ущелье. Его стены сомкнулись над пунийцами, и засада стала казаться неизбежной. Передовые отряды вышли из ущелья лишь к позднему утру, начав взбираться на прилегающий перевал.

Поначалу горцы только следили за тем, как колонна медленно пробирается через ущелье, а затем поднимается вверх по тропе, ведущей к перевалу. Дорога сужалась, превращаясь в узкий выступ, который резко обрывался к текущей внизу реке с одной стороны, а с другой упирался в отвесную скалу. Кое-где солдатам приходилось идти, выстроившись в ряд по одному. Увидев, с каким трудом войско продвигается над обрывом, аллоброги больше не могли сдерживаться и начали кричать и метать копья. Их вопли эхом отражались от стен ущелья, а горцы тем временем намеренно ранили лошадей стрелами, чтобы те вставали на дыбы. Обезумевшие от боли кони либо падали с обрыва, либо сталкивали вниз людей и животных. Паника и общее смятение нанесли даже больший ущерб войску, чем стрелы, копья и камни, сыпавшиеся сверху. Ганнибал наблюдал за этим с вершины, сдерживая своих солдат, несмотря на их мольбы помочь товарищам. Он опасался, что внесет еще большую суматоху в происходящее на обрыве и лишь увеличит потери, если пойдет в атаку в этот момент. Но когда карфагенское войско уже было готово обратиться в бегство, Ганнибал наконец приказал идти в наступление. Горцев быстро смели со стен ущелья, и в колонне внизу постепенно восстановился порядок. Оставшиеся отряды теперь могли выбраться из каньона и безопасно пройти по перевалу. Даже самые опытные и закаленные в боях наемники были потрясены случившимся. И только после того, как последние солдаты, лошади и вьючные животные покинули это место, по перевалу повели слонов. Тактика Ганнибала была похожа на ту, которую за несколько веков до него применил Александр Македонский, когда защитники персидской столицы Персеполиса заперли его войско в ущелье, нанеся ему серьезный урон. Ночью Александр вместе с небольшим отрядом поднялся на вершины гор, а перед самым рассветом обрушился на противника и одержал победу.

Неподалеку от перевала разведчики Ганнибала обнаружили город аллоброгов. Он был практически пуст, так как большая часть жителей бежала в леса и горы. Войдя в поселение, разведчики обнаружили своих товарищей, захваченных несколькими днями ранее во время поисков продовольствия, а также достаточно зерна и скота, чтобы обеспечить войско на три дня. Город был сожжен, после чего другие жившие здесь племена дали армии Ганнибала беспрепятственно пересечь их земли.

Где же войско Ганнибала попало в засаду? Среди ученых популярна версия, что это произошло возле реки Изер, но мои исследования ставят ее под сомнение. Изучив этот маршрут, я обнаружил, что на нем нет никаких труднопроходимых ущелий или перевалов. В долине реки не удалось найти условий, похожих на те, с которыми столкнулся Ганнибал. Под описание подходит разве что каньон Бурн, в который можно попасть, повернув от Изера на восток возле городка Сен-Назер-ан-Руаян и пройдя вдоль одноименной реки. Это место идеально подходит для засады, но с чего бы Ганнибалу покидать удобную и безопасную дорогу вдоль Изера ради более труднопроходимого Бурна? Кроме того, сразу перед Бурном есть еще одно небольшое ущелье, которое называется Фурон, но ни один из источников не упоминает о нем. Да и обнаружить горный перевал рядом с каньоном мне не удалось. А сама дорога вдоль Бурна в итоге приводит обратно к Изеру возле Гренобля.

Вероятнее всего, Ганнибал воспользовался маршрутом, пролегающим несколькими километрами южнее Изера вдоль Дрома. Эта река впадает в Рону к северу от современного Ле-Пузена в месте, которое даже в наше время похоже на остров, упоминаемый в древних текстах. Правда, Дром не ведет к итальянской границе. Долина этой реки протянулась на восток вдоль шоссе D-93 и доходит лишь до предгорий

Альп. Впрочем, в одном месте она подходит очень близко к Дюрансу, а Тит Ливий упоминает, что Ганнибал в итоге достиг реки Друенция (Druentia), латинское название которой своим написанием и произношением наводит на мысль о современном Дюрансе⁵. Если низовья Дюранса, где он впадает в Рону возле Арля, Ганнибал предпочел бы миновать из страха встречи с римлянами, то дальше к северу река представляет собой простой и безопасный путь в Италию.

Вдоль реки Дром тянется ущелье Де-Га, ведущее прямо к перевалу Коль-де-Гримон, по которому в наши дни проходит шоссе D-539. Ущелье и перевал находятся менее чем в 100 км от района, где Дром впадает в Рону. Войско Ганнибала могло преодолеть это расстояние за десять дней, прежде чем добраться до места, где, согласно источникам, попало в засаду. Правда, те же источники говорят нам, что иногда войско сбивалось с пути, порой даже «блуждало» из-за предательства проводников из числа местных жителей или по причине «собственной слепоты»⁶, когда карфагеняне отказывались верить проводникам. Часто им приходилось наугад выбирать дорогу, а потом, забредая в глухие долины, возвращаться назад.

Если пройти по каньону несколько километров, неподалеку от деревни Гландаж дорога заметно сужается. За этим ущельем начинается долгий подъем к перевалу Коль де Гримон, находящемуся на высоте около 1200 м. Оттуда легко спуститься к городку Ла-Фори, расположенному примерно в 25 км от перевала. Судя по всему, именно его разграбила и сожгла армия Ганнибала. От Ла-Фори до Дюранса 32 км, а от реки в районе города Таллар менее сотни километров по ровному дну речной долины до перевала Коль де Монженевр и итальянской границы.

Когда Ганнибал и его армия вошли в долину реки Дюранс в районе Таллара, их дальнейший путь должен был

быть сравнительно безопасен. Это широкая низина, которая проходит рядом с современными городами Амбрен и Мон-Дофен. Когда колонна вступила в долину, ей навстречу вышла делегация старейшин местных племен. Они несли в руках ветки деревьев, символизирующие мир, и обещали, что войско сможет пройти через их земли невредимым. И хотя Ганнибал внимательно выслушал их мирные заверения, он предусмотрительно потребовал заложников в качестве гарантии, что они сдержат свое слово, а также припасы для армии и проводников, которые провели бы карфагенян через последнюю горную гряду. Старейшины согласились, передали заложников, назначили проводников и предоставили большой запас провизии. Несмотря на обещания дружбы и оказанную помощь, Ганнибал относился к местным жителям с недоверием. Его армия вынесла немало тягот, поэтому он не был готов принять дружественные жесты горцев за чистую монету. И хотя старейшины сразу согласились на его требования, Ганнибал подозревал, что его ждет предательство, но в то же время был достаточно осторожен, чтобы не спровоцировать их агрессию своим отказом.

Двигаясь на северо-восток вдоль долины, карфагеняне достигли современного города-крепости Мон-Дофен и были поражены открывшимся видом. В античных источниках описывается «ужасное зрелище, представшее перед их глазами, — покрытые снегом ледяные пики, а все вокруг казалось окоченевшим от холода». Перед ними простирались самые большие и труднопреодолимые горы среди всех альпийских хребтов — такие высокие, что, казалось, они задевают небесный свод. Ничего подобного до сих пор не встречалось на их пути, и этот вид воскресил страх, обуявший их, когда они впервые добрались до Роны⁷. Горы в этой части Альп достигают более 4000 м в высоту, они похожи на неподвижных и неприступных гигантов, бросающих вызов тем,

кто осмелится покорить их вершины. Ганнибал и его солдаты еще не знали, что в тот момент от Италии их отделяло меньше 80 км.

Тит Ливий рассказывает, что люди, жившие в этих горах, «носили лохмотья, обросли волосами и были безобразны настолько, что это не поддается описанию». Другой римлянин, Плиний Старший, пишет, что многих из этих горцев жизнь изуродовала так, что на них было страшно смотреть⁸, а Диодор Сицилийский отзывается о здешних племенах так: они влачили «тяжкое и беспросветное» существование в хижинах и пещерах, а тяжелый труд, постоянная необходимость карабкаться по скалам и плохое питание сделали этих людей тощими, но мускулистыми⁹. «Полудикие» и с трудом способные обеспечить самих себя, они, по утверждению древнегреческого географа Страбона, выживали благодаря набегам на более богатые деревни и города, расположенные на нижних склонах гор, где люди жили в относительном достатке. Во время этих набегов они действовали безжалостно, убивая не только попадавших им на пути мужчин, но и беременных женщин, если жрецы предсказывали, что те родят мальчиков.

Был поздний сентябрь или начало октября, Ганнибал торопился продолжить поход, так как погода портилась с каждым днем, и продвижение в горах становилось все более опасным. Чем дольше войско стояло на месте, тем больше было шансов, что его застигнет непогода. Тогда Ганнибал принял одно из самых пагубных тактических решений в своей военной карьере, обеспечившее ему, вместе с тем, место в учебниках истории. Поддавшись на уговоры проводников, предоставленных местными старейшинами, он вместе с войском покинул безопасную долину Дюранса, повернув у Мон-Дофена в тесный проход под названием Комб-де-Кейра. Проводники заверили Ганнибала, что это самый быстрый путь через горы,

не стали возражать и бои из его свиты, по всей видимости незнакомые с этой местностью, так как попали в Галлию через более доступный перевал, расположенный на юге гряд. Комб-де-Кейра — зловещее место, где друиды совершали человеческие жертвоприношения, сбрасывая юных девственников со скал в воды протекавшей внизу реки¹⁰. Даже летом, несмотря на стоящее высоко в небе солнце, это ущелье окутано мраком. Горные потоки и ручьи срываются с этих утесов, а в наши дни к его крутым стенам льнет узкое шоссе, проложенное над стремительной и бурной рекой вдоль контура древней римской дороги.

Обеспокоенный узостью прохода и не доверяя проводникам, Ганнибал уплотнил строй. Когда солдаты шли по территории, которая считалась безопасной, они двигались в более свободном порядке. Но в условиях неопределенности Ганнибал передвигал слонов и кавалерию в голову колонны, а легких пехотинцев располагал на флангах для защиты обоза и гражданских. В арьергарде шла тяжелая пехота под личным командованием Ганнибала. Пока войско продвигалось к ущелью, старейшины, поклявшиеся обеспечить войску безопасность, рассылали гонцов по отдаленным племенам с призывом взяться за оружие. Клич был услышан, и люди стали выползать из своих расщелин, пещер и хижин, и у всех было на уме одно — устроить войску засаду и разграбить его обоз, забрав оружие, лошадей, одежду и провизию. Старейшины понимали, что на широком равнинном ложе долины их соплеменники не могут тягаться с кавалерией, пехотой и слонами Ганнибала. Но нападение из засады в узком месте давало им преимущество и больше подходило их стилю ведения боя.

Вход в ущелье был так узок, что лишь несколько солдат могли продвигаться одновременно. Это замедляло движение колонны, вынуждая ее растянуться на значительное

расстояние. В ущелье солдатам приходилось двигаться по узкой тропинке, с одной стороны которой была крутая скала, а с другой текла бурная река. Горцы заняли укрытия на вершинах в ожидании подходящего момента для атаки. Они терпеливо дожидались, пока колонна войдет глубже в ущелье. В тылу за войском на расстоянии следовал еще один отряд галлов, а на другом конце каньона, где он переходил в небольшую долину, собиралось третье войско для расправы с выжившими в засаде. Края ущелья сомкнулись над колонной, и она двигалась медленно и настороженно. Солдаты смолкли и нервно поглядывали на нависающие утесы. Впереди боя прочесывали скалы в поисках любого признака возможной засады, а местные жители-проводники стали отчаянно искать возможность сбежать до начала резни. Заложники, привязанные к тем, кто взял их в плен, покорно шли в строю, как овцы, которых ведут на убой, смиренно дожидаясь того, что им уготовано судьбой.

В середине ущелья тропа становилась настолько узкой, а его стены подходили так близко друг к другу, что не более трех-четырех человек могли идти бок о бок, «одной ногой ступая по земле, а другой — по дну реки». Скалы с обеих сторон были так высоки, что даже в полдень не пропускали солнечные лучи. Первое нападение произошло в тот момент, когда обоз проходил этот участок, а арьергард под командованием Ганнибала только вошел в ущелье. В нескольких местах на выступах вдоль прохода галлы сложили камни и небольшие валуны, чтобы сбрасывать их на колонну. Горцы напали на войско с тыла, и Ганнибал приказал тяжелой пехоте выстроиться в боевой порядок и сразиться с ними. Атака галлов была остановлена стеной из сомкнутых щитов и удлиненных копий. Но, сдерживая галлов, тяжелая пехота под командованием Ганнибала не могла помочь отрядам в ущелье, на которые со скал уже сыпались камни. Грохот

падавших булыжников смешивался с воплями ужаса и криками о помощи. Солдаты вместе с гражданскими, не сумев найти укрытия от этого смертельного града, в отчаянии жались к стенам ущелья, хотя те не могли их защитить. Царивший вокруг хаос заглушал стоны раненых и умирающих. Командиры делали все возможное, чтобы сохранить порядок в строю и убедить солдат продолжить движение вперед, несмотря на обломки и тела убитых и искалеченных людей и животных, устилавшие тропу. Трупов и камней становилось все больше, они закупорили русло узкой реки, хотя ее воды, сменившие свой цвет с чистейше-зеленого на кроваво-красный, все равно находили способ пробиться вперед, безразличные к происходящей резне.

Когда камни и валуны сделали свое дело, галлы обрушили на пунийцев нескончаемый шквал копий и стрел. Раненые животные вставали на дыбы, круша все вокруг и нанося не меньший ущерб тем, кто находился вокруг, чем вражеское оружие. Бойня в ущелье продолжалась не один час, если натиск ослабевал на одном участке, то усиливался на другом. В одном месте атака была столь мощной, что горцам удалось спуститься на дно каньона и отрезать Ганнибала и его тяжелую пехоту от кавалерии и слонов впереди. Легкая пехота и обоз пострадали сильнее всего, а в авангарде многие слоны стали неуправляемы из-за тесноты и галлов, которые делали все, чтобы причинить им боль. Но в итоге наездникам удалось вернуть контроль над животными и использовать их, чтобы расчистить проход от обломков. После боя ущелье превратилось в тропу смерти, на которой царил невообразимый ужас. Наконец авангарду удалось прорваться на простор лежавшей впереди долины. Горцы, поджидавшие здесь тех, кто выжил, при виде слонов в страхе разбежались. Как только пробка рассосалась, большая часть колонны смогла выбраться из каньона и перегруппироваться. К концу дня

лишь хвост колонны оставался под ударом, и Ганнибал смог пробиться вперед, возглавив авангард.

Потери, которые Ганнибал понес в засаде, вызывают вопросы о его полководческих способностях. Почему опытный военачальник позволил загнать себя в такую очевидную ловушку? Причем не один раз, а дважды. Даже некоторые античные авторы удивлялись тому, что человек с опытом и статусом Ганнибала подверг свою армию такой опасности. Тит Ливий утверждает, что он «едва не стал жертвой тех искусств, в которых преуспел больше всего» — хитрости и обмана¹¹. Был ли он неосторожен? Или ему слишком не терпелось преодолеть последнюю преграду, пока зима не укроет перевалы снегом и льдом, и благодаря этому галлам удалось заманить его обещанием быстрого перехода через горы? Недооценил ли Ганнибал галлов и их способность устроить столь продолжительную, яростную и эффективную атаку в ущелье или же ему противостоял необычайно одаренный командир, которому удалось получить над ним преимущество? Галлы чрезвычайно успешны в партизанской борьбе, и после Пунических войн им удалось втянуть римлян в серию затяжных кампаний, пока Юлий Цезарь не усмирил их племена в середине I в до н. э. Наконец, Ганнибал в силу своей молодости — ему не было еще и 30 — мог просто допустить ошибку, тактический просчет, который стоил ему почти половины армии.

Когда авангард его войска вырвался из ущелья, солдаты перегруппировались вокруг скалы в ложе долины. Они опасались еще одной атаки и потому забирались по возможности выше, прятались в трещинах и пещерах, выстраивая тем самым естественную линию обороны. Всю ночь солдаты, гражданские и животные, потерянные и израненные, продолжали стягиваться к скале. Отставшие продолжали прибывать до самой середины следующего дня. Местоположение этой

скалы играет важную роль в попытках историков и любителей определить, через какие ущелье и долину шел путь Ганнибала. Пунийцы оставили позади лишь мертвых и тяжело раненных, но им уже ничем нельзя было помочь. У Ганнибала не было другого выхода, и неважно, действительно ли он не мог или просто не хотел рисковать, посылая спасательный отряд обратно в теснину. Мертвым уже было все равно, и жалеть нужно было раненых, на которых галлы выместили свою злость за то, что Ганнибалу удалось сбежать.

К вечеру следующего дня колонна направилась дальше на восток по дну долины. Карфагеняне не знали, существует ли из нее другой выход, но не могли вернуться назад в ущелье. На какое-то время галлы задержались, занявшись грабежом и забирая у мертвых оружие, доспехи или другие ценности, которые могли найти. Мелкие набеги на обоз продолжались по мере продвижения войска вперед, пока, наконец, пунийцам не удалось обеспечить круговую оборону, используя слонов и кавалерию для защиты флангов. Теперь Ганнибал шел вслепую, потому что проводники, которых ему дали галлы, либо были убиты, либо сбежали. Выжившие в резне заложники были казнены в знак отмщения. Ослабленная и деморализованная армия осталась без поддержки, запертая в долине, из которой, как опасались солдаты, могло не быть выхода.

Где же произошла вторая засада? В источниках четко указывается, что это случилось в «глубоком ущелье с отвесными стенами, на дне которого текла река». Галлы заняли высоты¹², и колонна была вынуждена идти вперед по узкой тропе, по обеим сторонам которой были скалы¹³. Мы знаем, что Ганнибал со своим войском был на марше три дня, пройдя от 48 до 64 км, после того как разграбил поселение горцев, устроивших ему первую засаду. Ганнибал легко мог добраться за это время до Комб-де-Кейра. В районе Мон-Дофена долина Дюранса разделяется. Если повернуть налево, дорога

пойдет вдоль укрепленных вершин Мон-Дофена, Бриансона и через Коль-дю-Монженевр приведет в Италию. Справа же находится вход в опасное, протянувшееся на 11 км, ущелье Комб-де-Кейра. Оно ведет в небольшую долину, которая простирается еще на 24 км и упирается в отвесную стену из камня, снега и льда высотой более 2000 м. Над ней возвышается Монте-Визо — вторая по высоте вершина Французских Альп, достигающая 3841 м.

Через эту долину в Комб-де-Кейра течет небольшая, но бурная река Гиль и наконец впадает в Дюранс. Она берет свое начало из нескольких ручьев, образующихся из тающего снега на откосах Монте-Визо и сливающихся воедино у подножия горы, превращаясь в быструю реку, несущую свои воды через долину. На входе в ущелье Гиль становится стремительным потоком, но на выходе из него успокаивается и вливается в более широкий Дюранс возле Мон-Дофена. Эта небольшая река порой становится столь бурной, что за последнее столетие она несколько раз опустошала долину, снося деревни, мосты и дома вдоль своих берегов. Автор лично наблюдал ее разрушительную силу поздней весной 2000 года, когда население долины пришлось эвакуировать. Здесь часто сходят лавины, которые могут быть не менее разрушительны, из-за чего французское правительство присвоило части территории статус «красной зоны», где никто не может жить в зимние месяцы.

Ложе долины достаточно ровное, и, хотя она не столь широка, как русло Дюранса, здесь достаточно места для прохода армии. Выбраться отсюда можно лишь через самый сложный перевал во всех Южных Альпах — узкое ущелье, устроившееся в объятиях горы Монте-Визо и называемое Коль-де-ла-Траверсет. Траверсет расположен на современной границе между Францией и Италией, и, скорее всего, именно здесь Ганнибал пересек Альпы.

Редкие нападения на обоз и убийства тех, кто слишком сильно отстал, — вот и все, с чем столкнулась его армия по мере продвижения по долине. Галлы избегали боя с основной частью войска, так как слоны и кавалерия Ганнибала могли легко добраться до любого атакованного отряда. Даже разведчики, которые шли впереди, почти не встречали сопротивления, к закату дня достигнув конца долины и взобравшись на вершину перевала. Где-то на середине подъема на протяженном равнинном участке, богатом источниками воды, решено было разбить лагерь и ждать прибытия основного войска. К концу дня большая часть солдат достигла лагеря, а к наступлению ночи здесь уже была вся армия. Почва у склона горы была покрыта тонким слоем снега, который быстро расчистили, прежде чем поставить палатки и разжечь костры. Следующие два дня пунийцы провели в этом временном лагере, отдыхая и зализывая раны.

Армия понесла ужасные потери в ущелье, солдаты были измотаны, многие ранены, в их рядах царило отчаяние. Провизии не хватало, большая ее часть была потеряна в битве, а оставшиеся запасы быстро истощались. Лишь воды было вдоволь благодаря стекавшим по горному склону ручьям и лежавшему повсюду снегу, который можно было растопить. На смену оставшимся позади галлам пришли голод и чувство беспомощности, распространяясь в первую очередь среди раненых и слабых духом, а затем перекидываясь даже на самых стойких солдат. Раненых и умерших животных быстро раздывали и съедали. Страдания и голод усиливали чувство отчаяния, которое отражалось на мрачных изможденных лицах тысяч людей, толпившихся вокруг костров.

Ганнибалу не терпелось увидеть перевал, так что он был одним из первых, кто его достиг. От открывшегося ему вида Италии и в наши дни перехватывает дыхание. Внизу можно различить долину реки По, а в отдалении простираются

обширные равнины итальянского севера. За последние пять месяцев Ганнибал прошел с карфагенской армией более 1500 км, сражаясь буквально за каждый шаг на своем пути, чтобы достичь этого места — последней преграды, отделявшей его от Италии. И хотя его войско было ослаблено, оно сохраняло боеспособность, оставалось только спустить солдат, лошадей и слонов с гор, причем сделать это как можно быстрее и с минимальными потерями.

Инженеры приступили к подготовке перехода от лагеря к вершине и планированию спуска. Характер альпийских склонов таков, что подниматься в гору с французской стороны намного легче, чем спускаться вниз со стороны Италии. Подъем, несмотря на встречающиеся кое-где обрывы, в основном плавный, без труднопроходимых участков. Я и сам совершал его не один раз с полным рюкзаком, и при идеальных погодных условиях это занимало меньше трех часов, а мой близкий друг и проводник Бруно Мартен может сделать это в два раза быстрее. Но спуск в Италию — совершенно другое дело, он крут и опасен, а на некоторых участках — практически вертикальный. Это настолько рискованный путь, что, прежде чем Ганнибал сумел достичь итальянских равнин, он потерял почти такое же количество людей, что и в боях с галлами.

Солдаты отдыхали, пока инженеры пытались обеспечить доступ к перевалу, расширив путь. Когда земляные работы были выполнены, отряды постепенно поднялись наверх. На перевале их ждал Ганнибал с вдохновляющей речью. Он убеждал солдат не отчаиваться и продолжить поход, указывая на итальянские земли и описывая прелести предстоящего отдыха, который ждал их на плодородных равнинах внизу. Ему удалось вдохновить своим оптимизмом столько людей, сколько вообще было возможно, и напомнить всем, кто хотел его слушать, как близки они к концу выпавших

на их долю испытаний. После чего пообещал, что «отныне все пойдет, как по ровному, отлогому склону» и остались «одна или, много, две битвы», римляне сдадутся, война будет выиграна, и они вернутся домой богатыми и знаменитыми¹⁴.

Но худшее было впереди. Спуск в Италию оказался смертельным для многих, в первую очередь для измотанных боями, ослабленных голодом, доведенных до отчаяния и тех, кому просто не повезло. Пугающее число людей и животных было потеряно на этих утесах, прежде чем войско вновь почувствовало под ногами ровную землю. У смерти были свои планы на пунийцев, и то, что не удалось галлам с их засадами, довершили силы природы. Кроме того, небольшие галльские шайки время от времени появлялись словно ниоткуда и нападали на отдельные карфагенские отряды, а затем так же стремительно исчезали среди скал и трещин, из которых неожиданно возникли.

Выравнивая склон для прокладки дороги, инженеры обнаружили узкую тропу прямо под перевалом, частично занесенную снегом. Во время Второй мировой войны отдельные участки этого пути были намеренно уничтожены французами, чтобы не позволить воспользоваться им наступавшим итальянским и немецким солдатам, а после войны — помешать контрабанде. Спуск был медленным и утомительным, снегопады, ветер и пробирающий до костей холод еще больше затрудняли его. Поверх старого, оставшегося с предыдущей зимы снега лежал свежий, и если передовым отрядам было легко шагать по нему, то следовавшие за ними солдаты быстро поняли, что оказались в беде. Те, что шли первыми, своими ногами превращали снег в жидкую кашу, которая сразу же замерзала, образуя ледяную корку.

Солдаты начали скользить. Одного неверного шага было достаточно, чтобы оступиться, после чего скольжение было уже не остановить, ведь падающее тело на крутом склоне

очень быстро набирает скорость. Если не удавалось предотвратить падение сразу, то помешать человеку или животному сорваться со скалы было почти невозможно. На высоте 3000 м не за что ухватиться. Несчастные, не устоявшие на ногах, отчаянно шарили вокруг руками в надежде уцепиться за что-то и спастись от неминуемой гибели. Вьючные животные, нагруженные остатками провизии и оружия, зачастую проламывали копытами нижний слой снега, застревая в нем. Подгоняемые своими наездниками и пытаясь в панике высвободиться из снежного капкана, они падали, ломая тонкие ноги и предопределяя тем самым свою судьбу.

Войско во главе с инженерами медленно пробивалось вниз по восточному склону горы. Чем ниже оно спускалось, тем тяжелее становился путь, а число несчастных случаев все нарастало. Разверзнувшиеся внизу черные расщелины поглощали людей и животных. Тех, кому все-таки удавалось удержаться на краю пропасти, часто было уже не спасти. Их приходилось бросать, и они лежали у обрыва, пока не сдавались от отчаяния и бессилия и не срывались в бездну. Спустившись лишь на несколько десятков метров, колонна неожиданно была вынуждена остановиться. Пути дальше не было — оползень уничтожил его, образовав глубокую отвесную расщелину. Инженерам не удалось найти путь в обход, как они ни старались. Когда известие о случившемся достигло войска, многие солдаты запаниковали, а другие погрузились в такое отчаяние, что просто опустили руки, рухнув на свои пожитки в ожидании смерти.

Узнав об этом, Ганнибал пробился в авангард, уверяя солдат в строю, что это лишь временные трудности. Когда он встретился с инженерами, было решено, что единственный выход из ситуации — сделать новый карниз выше места, где находился прежний. Им удалось продвинуться вперед благодаря тому, что под свежим снегом обнаружилась твердая порода, но в итоге карфагеняне добрались до участка, где скала

становилась слишком опасной из-за своей крутизны, и войску пришлось встать на ночлег. Каждый солдат пытался устроиться получше. Некоторым удалось вернуться по перевалу в лагерь, где держали лошадей и слонов. Почти 30 000 человек оставались на горе, молясь своим богам, чтобы погода не ухудшилась и галлам не вздумалось их атаковать. Ночью температура резко упала, и смерть снова вернулась к карфагенянам, чтобы забрать слабых телом и духом.

Сооружение нового карниза пришлось остановить, когда инженеры наткнулись на огромную скалу, преграждавшую им путь. На прорубание новой дороги было уже потрачено столько сил, что не было другого выбора, кроме как найти способ избавиться от препятствия. Сдвинуть валун с места было невозможно из-за его размера, веса и расположения, так что они приступили к его разрушению, взяв на вооружение метод, которым земледельцы пользовались веками для расчистки своих участков. Инженерам нужно было нагреть камень, чтобы сделать его хрупким. Люди выстроились в цепочку, которая протянулась назад по перевалу к границе леса. На заросших склонах собирали валежник и рубили деревья. Древесину перевозили на слонах, лошадях и мулах так далеко, как только могли, а потом передавали по цепочке из рук в руки инженерам.

Они использовали эту древесину, чтобы разжечь огромный костер вокруг скалы и поддерживать пламя всю ночь. Благоприятствовавший ветер помог раздуть костер, и камень нагревался с каждым часом. Когда скала хорошенько разогрелась, солдаты передали инженерам свои запасы кислого вина, и те облили им глыбу. Кислое вино — это, по сути, уксус, образующий трещины на разогретой поверхности. После этого инженеры взялись за кирки и за короткое время разрушили скалу достаточно, чтобы продолжить сооружение карниза¹⁵.

После этого работа пошла быстрее. За сутки передовой отряд колонны сумел благополучно спуститься в долину

на территории Италии, а к концу следующего дня проход расширили, чтобы провести по нему лошадей и вьючных животных. Основной части войска потребовалось еще три дня, чтобы достичь долины реки По — притом что автор этой книги в хорошую погоду совершает спуск менее чем за два часа. В итоге почти 30 000 человек, лошадей, слонов и других животных прошли по перевалу на территорию Италии. Но это далось высокой ценой. Армия Ганнибала понесла более серьезные потери, чем за все переправы через реки и битвы в течение пяти месяцев, прошедших с момента, когда она покинула Испанию. Когда солдат удалось построить и пересчитать, размер открывшегося ущерба оказался поразительным. Почти месяц назад Ганнибал переправился через Рону с 38 000 пехотинцев и 8000 всадников¹⁶. Теперь в его распоряжении оставалось 12 000 африканцев, 8000 испанцев и небольшое количество наемников. Конница сократилась до 6000, но все слоны каким-то чудом выжили. Самые большие потери войско понесло в двух засадах и при переходе через последний перевал — за какие-то две недели¹⁷.

Италия была покрыта зеленью, климат здесь был умеренным, а еды в избытке. Жители этой части Альп, если верить источникам, довольствовались гораздо более высоким уровнем жизни, чем их неудачливые собратья на французской стороне. Солдаты Ганнибала разбили основной лагерь у подножия горы и вывели изголодавшихся животных пасти на поросшие зеленью склоны. Но в нескольких сотнях метрах над лагерем еще двое суток продолжалась работа над тем, чтобы расширить проход для спуска слонов. Войско оставалось в лагере, но восстановить силы людям, столкнувшимся за последние недели с такими лишениями, было нелегко. По крайней мере, поначалу им было тяжело и физически, и морально. Солдаты Ганнибала «дошли до того, что были больше похожи на зверей, чем на людей»¹⁸, и резкий

переход от тяжелого труда и выживания в горах к отдыху в долине, от голода к изобилию, от антисанитарии к чистоте далеко не всегда сказывался на них положительно⁹.

И хотя переход через Альпы обычно считается одним из главных подвигов Ганнибала, обессмертившим его в массовом сознании и обеспечившим ему место в учебниках истории, с таким же успехом его можно считать одним из главных провалов полководца. Тот факт, что Ганнибалу удалось пройти через горы в Италию, затмевает потери, которые он понес. Альпы — опасное место, даже в наши дни они ежегодно забирают жизни в среднем 200 человек, если верить французским властям. Но, как автор смог убедиться лично, несмотря на всю их величавость, эти горы можно быстро перейти, если погодные условия стабильны. Мне довелось пройти через Травесет в Италию и возвращаться обратно во французскую часть более 20 раз за последние несколько лет — но только при благоприятной погоде. Если двигаться со стороны Франции, до перевала можно добраться за три часа, еще два часа потребуется, чтобы насладиться видом и спуститься на территорию Италии, а затем можно успеть плотно пообедать пастой и сосисками на ближайшей ферме и вернуться назад по перевалу к позднему ужину. Все это займет у вас один долгий, но насыщенный день.

Потери Ганнибала в Альпах обескровили войско и, возможно, в итоге сильно ослабили его шансы разбить римлян. Он лишился почти половины армии, и, чтобы восполнить потери, ему пришлось набирать солдат среди куда менее надежных галлов, живших на севере Италии. Теперь между Ганнибалом и римлянами начнутся серьезные боевые действия, и исход этой войны решат не умения и отвага, а время и численный перевес — и оба обстоятельства играли не в пользу карфагенского полководца.

СОКРУШАЯ РИМЛЯН

Война в Италии продлится почти 16 лет. В период с 218 по 216 г. до н. э. Ганнибал одерживал блистательные победы одну за другой. Это была вершина его полководческой карьеры — тогда казалось, что Риму не выстоять. Но потом, как это бывает на войне, все изменилось. Ганнибал начал сдавать и нести серьезные потери. Заклятый враг Рима перестал побеждать и в итоге оказался на юге Италии, пока его не отозвали в Северную Африку в 203 г. до н. э. Любой из побед Ганнибала в тот двухлетний период было достаточно, чтобы положить конец войне или как минимум усадить римлян за стол переговоров. Но этого не произошло. Рим возмещал свои потери, рекрутируя еще больше солдат, и продолжал борьбу, игнорируя предложения карфагенского полководца закончить войну.

Что же поначалу сделало Ганнибала столь грозной силой на поле боя? Секрет его успеха таился в умении выходить за рамки общепринятых стратегий и схем, что не было

свойственно многим из его противников. Ганнибал не боялся импровизировать и совершать неожиданные ходы. Снова и снова он демонстрировал свою гениальность, благодаря которой вошел в историю как один из величайших полководцев. Римляне превосходили его армию числом почти в каждой битве, но всякий раз Ганнибал сознательно шел на риск, делал то, что противник считал невозможным, и побеждал. Параллельно он занимался кропотливым планированием, стремясь использовать особенности местности, логистики и психологии с максимальной для себя пользой. Ганнибал просчитывал каждый свой шаг, прежде чем нанести удар, и это давало ему преимущество над импульсивными и нетерпеливыми оппонентами. Именно Баркид, а не его враги, всегда выбирал, где, как и когда пройдет новая битва.

Спустившись с гор, Ганнибал предоставил своей армии почти двухнедельный отдых в долине реки По к западу от современного Турина. Его войско сократилось почти вдвое и находилось в плачевном состоянии, солдаты страдали от голода, суровых погодных условий и были деморализованы потерями. Но на нижних склонах гор, где климат был мягче, еды — вдоволь, а люди и животные защищены от стихии, их силы и боевой дух быстро окрепли. И хотя римляне знали о приближении карфагенян, они не представляли, с какой стороны те нападут, и потому Ганнибал смог дать своему войску передышку. Римляне наверняка знали о крупных перевалах вроде Монженевра, Мон-Сенис или Малом Сен-Бернаре, но существование такого удаленного прохода, как Траверсет, должно быть, оставалось для них тайной. Единственное, в чем они были уверены, так это в том, что Ганнибал появится в Северной Италии в самое ближайшее время.

Покидая Массилию, Сципион молил богов, чтобы Ганнибал и его наемники погибли в горах, неважно — из-за голода, суровых условий или от рук галлов. По прибытии

в Пизу он начал беспокоиться, что карфагеняне уже перешли через Альпы. С одобрения сената Сципион собрал армию и повел ее на север к Плацентии и Кремоне, где надеялся объединить свои силы с остатками ранее расквартированных здесь легионов. Пока Сципион двигался на север Италии, Ганнибал повел свои войска на восток вдоль реки По, через территорию крупного племени тавринов. Те воевали с инсубрами — другим галльским племенем, находившимся в союзе с пунийцами. Ганнибал отправил посланников в главную крепость тавринов, вероятно располагавшуюся на месте нынешнего Турина, в надежде убедить их сложить оружие и присоединиться к нему. Таврины ответили резким отказом, и Ганнибал осадил их поселение. Его солдаты за три дня пробились через стены, перерезали глотки всем выжившим воинам, а женщин разлучили с детьми и обратили в рабство. Это было сделано с целью устрашения других племен, проявлявших нерешительность или намеревавшихся оказать сопротивление. Разгром тавринов и суровая расправа возымели требуемый эффект, и кельты стали отправлять своих послов с заверениями в готовности оказать поддержку Ганнибалу.

Карфагенской армии требовались подкрепление и провизия, и поэтому Ганнибал нуждался в галлах. Некоторые племена обещали присоединиться к нему и до того, как он пересек Альпы, и после его победы над тавринами, но по большей части это были пустые слова. Хотя галлы любили хвалиться своей храбростью на поле боя и числом воинов, которое они могут выставить, их вожди решили перестраховаться и дожидаться исхода столкновения между карфагенянами и римлянами, прежде чем присягнуть одной из сторон. Они медлили с отправкой Ганнибалу припасов и подкреплений, а некоторые и вовсе грубо нарушили свои обещания. Несмотря на страх перед Ганнибалом после стремительной

расправы над тавринами, они надеялись, что римская армия отвлечет его.

По мере продвижения на запад вдоль реки По Сципион принуждал живших здесь галлов вступить в его войско. С момента основания Кремоны и Плацентии и последовавшей войны на этих территориях царили антиримские настроения. Действия Сципиона обострили и без того напряженную обстановку, и достаточно было какого-то символического сигнала, что Ганнибал способен победить римлян в бою, чтобы галлы начали массово переходить на его сторону. Но на тот момент Баркиду было мало просто разгромить римскую армию. Он хотел, чтобы молва о нем пошла по всей Италии, достигнув южных городов и племен, развенчав миф о непобедимости Рима и возвестив о наступлении новой эры. Ганнибал рассчитывал, что распад римской конфедерации вызовет цепную реакцию, которая начнется с галлов на севере и стремительно распространится на южные греческие города, затронув также Сицилию, Сардинию и Корсику. Ему требовалась крупная победа, чтобы реализовать эту стратегию, и он решил претворить свой план в жизнь на берегу небольшого притока реки По под названием Тицин.

То, что Сципион так быстро достиг Северной Италии, беспокоило Ганнибала. Несколькими неделями ранее римский консул находился в Массилии, а теперь шел навстречу карфагенянам во главе армии. Но это войско уступало тому, которое Сципион отправил в Испанию под командованием своего брата Гнея. Его новая армия состояла в основном из новичков — детей земледельцев, набранных по всей Италии и слабо представлявших, что их ждет.

В начале Второй Пунической войны армия римлян мало напоминала то вымуштрованное и искусное войско, с которым Гай Марий, Гней Помпей, Юлий Цезарь, Марк Антоний и Октавиан Август покорят античный мир в последующие

столетия. На тот момент это были легионы численностью от 4000 до 6000 рекрутов, которых собирали по всей Италии. Легионы делились на манипулы, состоящие из 300–400 человек. Каждая манипула складывалась из трех шеренг под командованием центуриона или старшины. В первом ряду стояли молодые, неопытные и плохо вооруженные рекруты, которых, по сути, посылали на убой. Их первыми бросали в битву, чтобы остановить натиск противника. Если им это не удавалось, то подключалась вторая шеренга, состоящая из более опытных и лучше вооруженных солдат, а остатки выживших в первом столкновении отступали назад. Третья шеренга состояла из самых опытных ветеранов, имевших лучшее вооружение. Они вступали в битву в решающий момент, стремясь переломить ее ход. Солдаты сражались в шахматном порядке, что позволяло воинам из переднего ряда в случае необходимости отступить под прикрытие второй шеренги, а та, в свою очередь, могла выступить вперед или отойти под прикрытие третьей шеренги, не нарушая общего строя манипулы. Такое построение было традиционным для римской армии на протяжении целого столетия, доказав свою эффективность в боях с менее сильными противниками. Но оно оказалось совершенно бесполезным в сравнении с тактикой и изобретательностью Ганнибала.

Во главе римских армий стояли консулы, избираемые сенатом и гражданами Рима на один год с правом вести войну от имени республики. Прежде всего, консулы были политиками, а не профессиональными военными. В основном это были выходцы из патрициев, римской аристократии, которую волновала лишь политическая карьера. Военное назначение служило средством достижения этой цели. Успех в римской политике, означавший положение в обществе и солидные доходы, зависел от военных побед и триумфального

возвращения в Рим. Военные успехи способствовали росту популярности, а трофеи позволяли покупать голоса и влиять на результаты выборов через финансирование общественных зрелищ — кулачных боев, игр и цирков. А голоса означали избрание и переизбрание на самые престижные должности в республике.

Пехотинцев набирали в римскую армию в основном из земледельцев, проживавших в городах, и союзнических племен, известных как *socii* и *amici* — союзники и друзья. Они были связаны с Римом договором, а степень их независимости зависела от лояльности. Эта гибкая система союзов обеспечивала римскую армию значительным кадровым резервом, что стало решающим фактором в борьбе с Ганнибалом. К началу Второй Пунической войны Рим в той или иной степени контролировал почти весь Апеннинский полуостров, за исключением самой его северной части и отдаленных уголков Сицилии. Чаще всего римляне подчиняли новые территории, заключая с их жителями подобные договоры, но порой в ход шла грубая сила. Система союзов давала многочисленные преимущества тем, кто активно сотрудничал с римлянами, обеспечивая их деньгами, припасами и воинами. Они находились под защитой Рима и чаще всего облагались меньшей данью. Пехота и кавалерия частично набирались из числа римских граждан, призываемых на службу в критические моменты и обычно составлявших вторую и третью шеренги манипул. Военная служба, или *dilectus*, как называли ее сами римляне, была священной обязанностью каждого гражданина.

Солдаты Сципиона присоединились к гарнизонам, размещенным в Кремоне и Плацентии. Но хотя эти части состояли из более опытных воинов, они были деморализованы из-за поражений в битвах с бойями и инсубрами. Сципион оказался во главе кучки неопытных, испуганных новобранцев

и сломленных ветеранов. И с военной, и с психологической точек зрения это был плохой расклад. Римские солдаты боялись Ганнибала: репутация человека, который уничтожил Сагунт, перебросил армию через Альпы и победил тавринов, опережала его. У Сципиона не было времени подготовить войска и поднять боевой дух, так что он с тревогой ожидал первого столкновения с карфагенянами, но все равно продолжал быстро двигаться вдоль реки По навстречу врагу.

Другой римский консул, Тиберий Семпроний Лонг, спешил на помощь Сципиону с подкреплением. В начале года Семпрония отправили на Сицилию готовиться к вторжению из Северной Африки, но, как только сенат узнал, что Ганнибал идет через Альпы, приказ изменился. Семпроний покинул Сицилию, высадился на самой южной оконечности Апеннинского полуострова и всего за 40 дней добрался до города Аримин (совр. *Римини*) на Адриатическом побережье. Там он повернул на северо-запад и отправился на подмогу Сципиону, чтобы совместными силами отразить атаку Ганнибала. Но пока подкрепление не прибыло, Сципиону приходилось противостоять врагу собственными силами.

Он переправился через По и разбил свой лагерь на берегу реки Тицин (совр. *Тичино*) примерно в 32 км от нынешнего Милана. В то же время римляне остановились на восточном берегу между современными городами Павия и Виджевано. Сципион считал, что Ганнибал находится где-то на противоположном берегу реки, и обратился к своим воинам с воодушевляющей речью, чтобы поднять их моральный дух и вдохновить на битву. Его армия нуждалась в подобной проповеди. Большая часть солдат, скорее всего, вообще не понимала, почему их оторвали от хозяйств и поселений и заставили маршировать через всю Италию, чтобы сражаться с пунийцами. В армии и политических кругах Рима были наслышаны о тактическом гении непобедимого Ганнибала и его яростном нраве

в бою. Он впечатлил Сципиона стремительным переходом через Альпы, а теперь римскому консулу нужно было подготовить своих зеленых новобранцев к встрече с Баркидом.

Несмотря на уважение, которое сила карфагенской армии вызывала у Сципиона, перед солдатами он решил ее преуменьшить. Он напомнил им, что их отцы уже побеждали Карфаген в Первой Пунической войне. Он сравнил солдат Ганнибала с «призраками, едва сохранившими внешнее подобие людей, изнуренными голодом и холодом, грязью и вонью, изувеченными и обессиленными лазаньем по скалам и утесам, с отмороженными конечностями, онемевшими в снегах мышцами, окоченевшими от стужи телами, притупленным и поломанным оружием, хромыми и еле живыми лошадьми»¹. По его словам, во время перехода через Альпы карфагеняне потеряли две трети личного состава. Но даже незадолго до него, на берегу Роны, когда у Ганнибала было в два раза больше людей, чем сейчас, им не хватило смелости принять бой и они предпочли бежать в горы. Победа в грядущей битве будет настолько легкой, говорил Сципион, что останется лишь поблагодарить Альпы, сделавшие заранее их работу.

Затем Сципион напомнил, как Баркид нарушил перемирие, заключенное после Первой Пунической войны, и вероломно напал на Сагунт. Он назвал карфагенянина «молодым выскочкой и преступником, которому вскружило голову честолюбие». Закончил речь Сципион так, как веками делали полководцы, вдохновляя солдат на бой: призвал воинов защитить свое имущество, честь своих жен и жизнь своих детей. Но, несмотря на все сказанное, в ночном уединении Сципион наверняка с тревогой размышлял о шансах на победу. Ганнибал был серьезным противником, под командованием которого находились опытные наемники. Как и большинство римлян, Сципион был суеверен и считал победу результатом божественного вмешательства, и потому серьезно относился

к предзнаменованиям. Той ночью над его шатром завис рой пчел, а в лагерь проник волк, убив несколько солдат. Для северного человека это были плохие знаки.

Неподалеку к западу от римского лагеря Ганнибал готовил своих людей к первому столкновению с римлянами. Его солдаты выстроились в большой круг, в центр которого поместили нескольких пленных галлов, которым предложили сразиться один на один. Победитель каждой схватки мог вернуться домой или присоединиться к войску. Проигравших от плена освобождала смерть — это был выбор Хобсона*. Не имевшие альтернативы галлы бились друг с другом отчаянно и храбро, чем впечатлили карфагенян. Когда последний поединок был окончен, Ганнибал объяснил своим солдатам, что устроил эти соревнования не для развлечения, а чтобы показать всю опасность их положения. Они находились далеко от дома и никак не могли избежать сражения с римской армией. Вернуться в Испанию невозможно, так как перевалы засыпаны снегом. Дальше на юг в сторону Генуи находится Лигурийское море, но у них нет кораблей, чтобы его переплыть. Жизнь карфагенских воинов, как и тех сражавшихся друг с другом галлов, зависела теперь только от их отваги и мастерства. Бежать было некуда. Поражение означало рабство или мучительную смерть и безымянную неглубокую могилу в Италии. А победа сулила достаточно денег, чтобы каждый из них мог почувствовать себя царем, а также рабов, славу и почет. Ганнибал обещал, что каждому солдату, отличившемуся на поле боя, будет дарован не облагаемый налогами земельный участок на выбор — в Италии, Испании или Африке. Каждый сможет стать гражданином Карфагена, если

* То есть отсутствие вариантов. Выражение связано с Томасом Хобсоном, владевшим конюшней в Кембридже в XVI–XVII вв. и предлагавшим клиентам взять лошадь из ближнего ко входу стойла либо не брать вообще. — *Прим. пер.*

захочет. Это была более чем заманчивая перспектива для людей, у которых почти ничего не было в жизни.

Чтобы еще больше укрепить их моральный дух, Ганнибал напомнил о проделанном ими долгом пути из Испании и многочисленных побежденных племенах. Он отметил личные заслуги солдат в каждом из отрядов — североафриканцев, наемников, испанских кельтов-союзников и своих соотечественников. Ганнибал отдал должное галлам из Северной Италии, которые присоединились к его армии, чтобы освободить свои земли от заносчивых и алчных римлян, пытавшихся их поработить, ведь цель этой битвы и самой войны — защитить и освободить всех от римских захватчиков³. Затем Ганнибал предался воспоминаниям о том, как рос в армейских лагерях в Испании и из мальчика превратился в мужчину в окружении ветеранов. Под их бдительным взором он обучался искусству войны, и именно они выбрали его своим командиром после смерти Гасдрубала. В заключение Ганнибал напомнил, что римское войско состоит из неопытных новобранцев и немногочисленных ветеранов, изрядно измученных галлами. Сципиона ничто не связывало с его солдатами, и его войско не шло ни в какое сравнение с бесстрашными карфагенянами, вместе выдержавшими испытание Альпами. Ганнибал призвал своих воинов набраться мужества и презреть возможную смерть. После чего он обратился к Баалу с мольбой о победе и правой рукой размозил череп ягненка, лежавшего на спешно сооруженном алтаре. Причем античные источники утверждают, что Ганнибал не испытывал ни страха, ни уважения к богам. Толпа солдат одобрительно взревела и начала готовиться к битве.

Воины Сципиона разбили лагерь на восточном берегу Тицина, обнесли его частоколом для защиты и возвели над рекой временный мост. Затем перешли на противоположный берег и приступили к поискам Ганнибала.

Несмотря на пафосные речи полководцев, первое сражение, происходившее на равнинной территории между современными городами Ломелло, Виджевано и Павией, скорее напоминало мелкую стычку. В бой вступила конница, и африканцы Ганнибала быстро получили преимущество на открытой местности, разгромив хуже обученных и менее опытных римлян. Сципион был ранен и упал с лошади, а карфагеняне словно волки стали кружить вокруг него. В последний момент консула чудом выхватил из лап смерти его 17-летний сын³. Через 16 лет этот самый мальчишка будет командовать римской армией и разобьет Ганнибала в Северной Африке, чем положит конец войне. Юный Сципион влетел на своем коне прямо в ряды изумленных карфагенян и, размахивая их по сторонам, спас отца и бежал. Римляне отступили к Плацентии и стали дожидаться прихода Семпрония. И хотя их потери были невелики, все же поражение укрепило страх перед Ганнибалом и задало тон предстоящим более крупным сражениям. Баркид очень быстро превратился в мифическую фигуру для суеверных римлян, считавших, что он обладает сверхчеловеческими способностями и не может быть побежден простыми смертными.

Слухи о победе карфагенян распространялись, и галлы снова отправили послов в знак лояльности и поддержки, но опять не выполнили своих обещаний предоставить подкрепления и припасы. Испытывая критическую нехватку провизии, Ганнибал послал кавалерию захватить римское зернохранилище в Кластидие примерно в 8 км от реки По возле современного Кастеджо. Римский командир был родом из Брундизия на юге Италии и легко сдал хранилище, перейдя с гарнизоном на сторону пунийцев в обмен на 400 золотых. Вместе со своими солдатами он стал первым из «италийских союзников», присоединившихся к Ганнибалу.

Баркид разбил лагерь в 8 км от Плацентии и каждый день посылал отряды африканских всадников к римскому лагерю, чтобы издевками и оскорблениями спровоцировать их на битву. Сципион, который все еще не оправился от ран, приказал солдатам не выходить за пределы укреплений и дожидаться прибытия войска Семпрония. Но дерзость карфагенской кавалерии впечатлила галлов, обслуживавших римлян. Их восхищение росло с каждым днем и в купе с обидой на принудивших их к службе римлян привело к тому, что они решили перебраться на сторону Карфагена. Чуть больше двух сотен галлов дезертировали на рассвете, обезглавив при этом несколько часовых и спавших рядом солдат. Сложив отрезанные головы в мешки, они с гордостью поднесли их Ганнибалу в знак своей верности.

Сразу же после этого происшествия Сципион отвел свое войско южнее в более безопасное место на холмах, возвышающихся над восточным берегом Треббии — еще одного притока По. Консул опасался того преимущества, которое кавалерия и слоны Ганнибала имели над его войском на равнинной местности. Чтобы еще больше укрепить выбранный форпост, римляне вырыли ров шириной в несколько сотен метров, возвели за ним частокол и стали дожидаться прибытия Семпрония. Их второй лагерь, вероятно, находился рядом с современным городком Пьеве-Дульера (*Pieve-Dugliara*), всего в паре километров от деревни Ривергаро, куда можно добраться по шоссе SP 28 до Плацентии. Этот район автор исследовал особенно тщательно, работая над книгой.

Когда Семпроний наконец добрался до лагеря, он рвался в бой. Хотя у него и был опыт командования, Тиберий в первую очередь был политиком и хотел одержать быструю победу над Ганнибалом, рассчитывая прославиться и продвинуться по карьерной лестнице. Ничто не могло с этим сравниться для человека его положения в римском обществе.

Для того чтобы получать и сохранять высшие посты, ведущим римским аристократам надлежало заслужить славу и почет (*fama et gloria*), одержав заметные военные победы во благо римского народа (*Populi Romani*). Срок службы Семпрония в качестве консула истекал, и он стремился завершить его триумфом, достойным его амбиций. Порывистый и властный, Тиберий был полной противоположностью осторожному Сципиону.

Сципион настаивал, что разумнее избегать боя с Ганнибалом, так как на дворе уже был поздний декабрь и погодные условия стали ухудшаться. Ночи были длинные, дни холодные, начались снегопады. Сципион склонялся к тому, чтобы оставить войско на зимних квартирах, где не было недостатка в провизии, имелось оборонительное преимущество, а солдаты могли прийти в себя после поражения при Тицине. Он был уверен, что армии консулов нужно объединить, повысить их боеспособность, адаптировать к новой системе управления, придать солдатам уверенности в себе и согласованности их действиям, прежде чем вступать в схватку с Ганнибалом. Ведь такого противника не стоило недооценивать. Сципион не сомневался, что в отсутствие перспективы драки и наживы галлы со временем заскучают и разбредутся на зиму по своим домам. Без союзников снабжение армии Ганнибала продовольствием сведется к ресурсам местной бесплодной земли. В нужный момент, к примеру ранней весной, в зависимости от погодных условий набравшиеся сил легионы смогут выйти из лагеря, чтобы настичь ослабленных карфагенян.

Но Семпроний не хотел об этом слышать. Для него задержка была неприемлема, идея остаться в лагере на всю зиму шла вразрез с его импульсивной натурой и надвигающимися выборами в Риме. Под предлогом ранений Сципиона Семпроний возглавил оба войска, которые вместе

насчитывали около 16 000 римлян, 12 000 вспомогательных отрядов — «союзников Рима» и примерно 4000 всадников. Семпроний приказал им готовиться к битве. Ганнибал разбил свой лагерь на западном берегу Треббии (скорее всего, это территория современного гольф-клуба *Croara Country Club*, недалеко от шоссе SP 40) в 1,5 км от самой реки. Его армия с учетом новых союзников выросла до 40 000 человек. Силы сторон были примерно равны, но римлянам не хватало опыта, их боевой дух упал из-за череды поражений, они опасались ненадежных галлов в своем лагере и были сбиты с толку противостоянием нетерпеливого Семпрония и осторожного Сципиона. Их единственным преимуществом была надежная оборонительная позиция, но именно этим Тиберий Семпроний Лонг собирался поступиться.

Ганнибал, не зная о планах Семпрония, думал над тем, как выманить римлян из лагеря на равнину, где они будут наиболее уязвимы для его слонов и кавалерии. Он разослал кавалерийские отряды по всей округе, чтобы те грабили и жгли города и деревни преданных Риму галлов. Те начали требовать помощи у римлян, и Семпроний был вынужден выслать на защиту часть своей конницы. Согласно плану Ганнибала, при столкновениях с конницей противника его кавалерия уступала, вселяя в римлян чувство ложной уверенности и еще больше подталкивая Тиберия к битве.

Баркид тщательно разведal территорию между Треббией и своим лагерем. Он нашел подходящее для битвы место с большим и густо поросшим кустарником оврагом. Ганнибал был уверен, что сможет спрятать там часть своих солдат, особенно если пойдет дождь или снег, и римляне в боевом задоре не заметят их в тусклом свете зимнего солнца. В решающий момент этот отряд нападет на врагов из засады. Успех плана зависел от двух вещей: останутся ли воины в засаде незамеченными и удастся ли карфагенянам выманить

противника из лагеря на открытое пространство возле реки. Ганнибал подозревал, что Сципион слишком осторожен для этого, но с Семпронием его план мог сработать.

Перед рассветом в назначенный день Баркид отправил свою африканскую кавалерию за реку к римскому лагерю. Было холодно, шел легкий снег. Африканцы начали дразнить римских часовых, чтобы спровоцировать Семпрония на неподготовленную атаку. Карфагенянам было нужно, чтобы он поддался эмоциям и не успел все обдумать. Пока всадники Ганнибала выступали в качестве приманки, его солдаты в лагере готовились к битве: проверяли оружие, надевали доспехи, завтракали и натирались маслом для дополнительной защиты от холода. Завершив приготовления, они выдвинулись на позиции.

Ганнибал заранее отправил тысячу пехотинцев и примерно столько же конных воинов под командованием своего младшего брата Магона в засаду в овраг возле реки, где они терпеливо дожидались дальнейшего развития событий. Семпроний заглотил приманку и приказал солдатам выступить из лагеря. Сначала всадники, а затем и пехотинцы, не имея никакого четкого плана, начали хаотично гоняться за африканцами по равнине. Те же, напротив, четко представляли, что делают, и изобразили паническое отступление, выманивая римлян еще дальше от безопасных стен лагеря. Семпроний, поддавшись эмоциям и предвкушая победу, выступил со всем своим войском к реке.

Римляне не успели даже позавтракать. Под воздействием адреналина, они преследовали африканцев с ложным ощущением скорой победы. До сих пор Семпроний видел врага только бегущим и был уверен в своем триумфе. Но Сципион, вынужденный из-за ранений оставаться в шатре, смотрел на ситуацию иначе и беспокоился за исход сражения. Африканская конница переправилась на дальний берег Треббии,

двигаясь с такой скоростью, чтобы римляне не отставали слишком сильно. Но мощный холодный речной поток охладил пыл римлян. Вода вызывала оковывание, хотя и доходила им лишь до груди. Римляне пытались добраться до противоположного берега, но силы уже начали их покидать. Пробежав около километра в своих доспехах, они оказались в студеной воде и теперь, насквозь промокшие, замерзшие, уставшие, голодные, были вынуждены карабкаться на берег и продолжать бороться.

На той стороне реки противника ждал Ганнибал во главе выстроившейся в боевом порядке армии. Африканские всадники прикрывали фланги, а пехота, состоявшая преимущественно из галлов и иберов, развернулась широкой цепью лицом к надвигавшемуся противнику. За ней Ганнибал поставил слонов и самых опытных наемников. Выбравшиеся из реки римляне были измотаны и стали выдыхаться. Заманившая их в воду конница развернулась и обрушилась на фланги легионеров, нанеся тем серьезный ущерб. Вырвавшиеся вперед римские пехотинцы вступили в бой с карфагенской пехотой, и африканская кавалерия напала на противника с тыла. В этот момент выступили слоны, но их атака получилась неоднозначной. Сначала римляне запаниковали, но легковооруженные пехотинцы в авангарде стали бросать копья в глаза животным, обратив их против своих же солдат. Пока испуганные слоны пытались сбежать, римляне стали колоть их копьями пониже хвостов, где кожа мягче и нежнее. Животные безумствовали от боли, некоторые получили смертельные раны и погибли. Видя это, Ганнибал приказал перевести оставшихся слонов на фланги, где в тандеме с конницей их можно было использовать эффективнее.

Обе армии в полном составе вступили в бой, и в этот момент отряд Магона вышел из засады. От неожиданности

римляне пришли в замешательство. Их фланги и так находились под серьезным давлением слонов и всадников Ганнибала, и после атаки Магона с тыла римская армия дрогнула. Уже было позднее утро, и легкий снегопад предрассветных часов превратился в холодный проливной дождь. 10 000 римлян удалось прорваться через галлов в центре карфагенской армии, после чего они сбежали на северо-восток к Плаценции несмотря на то, что до нее было более 30 км.

Столь массовое дезертирство еще больше ослабило и без того нестройные ряды римлян, которые начали беспорядочно отступать к реке. Теперь у Ганнибала было не только тактическое и психологическое, но и численное преимущество над Семпронием. Во время отступления многие римляне были убиты африканскими всадниками или растоптаны слонами. К полудню дождь настолько усилился, что Ганнибал приказал своим войскам остановить погоню у реки и вернуться в лагерь. Его солдаты были истощены, но ликовали. При Треббии они одержали свою первую победу над римским консульским войском, причем сам бой превратился в резню. Ганнибал блестяще использовал тактические, погодные, ландшафтные и психологические преимущества, чтобы победить Семпрония. Потери карфагенян были минимальны, потому что основной удар приняли на себя галлы — сценарий, который полководец будет использовать из раза в раз на протяжении всей Второй Пунической войны.

Битва при Треббии — отличный пример тактики, которую Ганнибал будет с успехом применять против римлян на протяжении следующих десяти лет, пока она не обернется против него же самого в Северной Африке. Его главной целью было окружить противника. Ганнибал бросал менее надежных и ценимых бойцов — галлов и иберов — в гущу боя, чтобы они приняли на себя первый удар римской пехоты и понесли основные потери. Когда их силы начинали

иссякать, он посылал опытных и вышколенных наемников и использовал конницу на флангах, чтобы повернуть ход сражения в свою пользу. Такой была тактика, раз за разом приносившая ему победы над римлянами.

В битве при Треббии Ганнибал захватил большое количество пленных. Их сразу разделили на три группы — римлян, итальянцев и галлов. С римлянами обращались жестоко, заковывая в наручники и сажая на голодный паек. Итальянцев и галлов кормили и отпускали по домам без какого-либо выкупа. Это имело огромный психологический эффект. Римляне были раздавлены, видя, как их торжествующих и преисполненных благодарности союзников кормят и освобождают. Ганнибал попросил их передать от него послание: он пришел в Италию, чтобы вести войну с римлянами, а не с итальянцами и галлами. Его цель — освободить Апеннины от римского владычества, и он рад всем, кто предпочтет присоединиться к нему. Все это было частью его плана по расколу римской конфедерации.

Семпроний и еще не оправившийся от ран Сципион отвели остатки своего разгромленного войска в более укрепленный лагерь в Кремоне. Ганнибал, по всей видимости, не мешал их отступлению и даже позволил пройти в нескольких километрах от своей стоянки. Возможно, причиной была усталость его людей, из-за которой он не решился на еще один бой. Римляне остались в Кремоне на всю зиму, а Семпроний отправился в Рим, чтобы проследить за ходом голосования и объяснить перед сенатом за свой провал. Зимой 218–217 г. до н.э. Ганнибал провел в лагере, ожидая обещанное галлами продовольствие. Но поставок все не было, и тогда он разослал по округе всадников, чтобы грабить города и деревни. Это была холодная зима, и все слоны, кроме одного, погибли⁴. Сципион провел зиму в Кремоне, не имея возможности или не желая сражаться с Ганнибалом.

В Риме новость о поражении восприняли со страхом и гневом. Сенаторы потребовали объяснений, как два римских консула могли проиграть африканцу и его наемникам. Семпроний винил во всем погоду — снег, дождь и холод. Потом он рассказал, как, рискуя жизнью, избежал встречи с вражеской конницей, опустошающей Северную Италию, чтобы предстать перед сенатом. Поначалу ему поверили, но, по мере того как всплывали новые детали и проявлялся истинный масштаб поражения, сенаторы стали относиться к решениям консула критичнее.

Хотя Семпроний впал в немилость, его не отдали под суд. Риму не хватало генералов, поэтому Тиберия назначили проконсулом*, приказали вернуться в Кремону и Плацентию и возглавить там войско. Консулами были выбраны плебей Гай Фламиний и патриций Гней Сервилий. Сенат поручил им набрать новую армию и добиться дополнительной поддержки от греческих городов на Сицилии и юге Италии. Общее число призванных на службу римлян достигло весной 217 г. до н. э. почти 100 000 человек, которые были разделены на 11 легионов. Затраты на вооружение и содержание такого количества людей были обеспечены отчасти за счет девальвации валюты, отчасти за счет сокращения содержания бронзы в монетах, которыми расплачивались за поставки продовольствия и с самими солдатами. Но за следующие несколько лет резервы золота и серебра в римской казне настолько истощились, что Рим был вынужден еще больше обесценить монету и повысить налоги. Это вызвало раздражение среди римлян и их италийских союзников. Должники — преимущественно мелкие землевладельцы, которых в основном и призывали на военную службу, — в целом положительно

* Подразумевалось временное исполнение обязанностей консула, хотя срок его полномочий истек. — *Прим. пер.*

встретили девальвацию валюты. Но эта мера не нашла поддержки у наиболее зажиточных патрициев, с которыми крестьяне должны были рассчитываться.

Не все сформированные той весной легионы отправили сражаться с Ганнибалом. Два из них уже находились в Испании под командованием младшего брата Сципиона, которому приказали присоединиться к ним в качестве проконсула. Один легион разместился на Сардинии, а еще два были отправлены на Сицилию. Два остались в резерве на случай, если придется защищать Рим, а два других посланы на север Италии в качестве подкрепления для остатков войска Семпрония. Стратегия борьбы с Ганнибалом была пересмотрена. Апеннинские горы, растянувшиеся хребтом посреди полуострова, предполагалось использовать как естественный защитный барьер на пути карфагенян к Риму. Армия располагалась по обе стороны горной цепи возле каждой из двух основных дорог, ведущих с севера через перевалы в город. Для контроля над центральными перевалами Фламиний занял Арреций (совр. *Ареццо*) к югу от современной Флоренции, а Сервилий двинулся на восток к Римини, чтобы не позволить Ганнибалу обойти северные оконечности гор и пройти по Адриатическому побережью.

Весной 217 г. до н. э. Ганнибал был готов выступить в Центральную Италию. Его армия была больше и лучше оснащена, чем та, с которой он пересек Альпы несколькими месяцами ранее, правда, галлов Баркид по-прежнему считал ненадежными и склонными к предательству. И хотя карфагеняне нуждались в них, чтобы компенсировать численный перевес римлян, Ганнибал относился им с таким недоверием, что временами опасался за свою жизнь. Он постоянно менял облик, даже объезжая лагерь или находясь на марше, чтобы избежать покушения⁵. Для этого Ганнибал надевал один из многочисленных париков и, очевидно, пользовался косметикой. Видимо,

он не забыл о том, как галлы убили его зятя. Галлы обратили внимание на то, что новый предводитель бросил их вместе с иберами в самую гущу схватки в битве при Треббии, где они понесли самые большие потери. Столкновения между карфагенянами и римлянами происходили на их территории, и галльские племена страдали от грабежей и поджогов и от тех и от других. Им не терпелось двинуться на юг и начать мародерствовать на римских и итальянских землях.

Ганнибал мог выбирать между двумя маршрутами. Один вел напрямую в Этрурию через западные оконечности Апеннинских гор. Другой шел вдоль реки По к Адриатическому побережью и затем на юг и в силу равнинного рельефа местности был гораздо удобнее для передвижения большой армии. Почему-то Ганнибал решил пойти в горы. Это наводит на мысль, что, возможно, он намеревался встретиться с карфагенским флотом возле Пизы на берегу Лигурийского моря. В древних источниках не сообщается, где именно Ганнибал перешел Апеннины. Есть лишь упоминание, что он воспользовался полузаброшенной дорогой и в итоге забрел в большое болото. Мной были обнаружены три возможных пути от восточных отрогов гор в Центральную Италию. Первый ведет к истокам Треббии, затем следуют подъем на сравнительно невысокую гору и спуск к морю возле Генуи. Второй идет по долине реки По до Пармы, затем в горы и выводит к Специи, которая также расположена на побережье, но южнее Генуи и ближе к Пизе. Но в этих районах нет болот. Третий маршрут ведет от Болоньи прямо в горы и спускается к Пистое на северо-западе от Флоренции. Здесь над сравнительно неглубоким ущельем и в наши дни пролегает малоиспользуемая и опасная дорога (SS 66). Вполне возможно, что именно ею воспользовался Ганнибал. Ранней весной он дважды пытался перейти через Апеннины. В первый раз снежный шторм, который превосходил своей яростью все, с чем

карфагенянам довелось столкнуться в Альпах, вынудил войско повернуть назад. Но примерно через неделю им удалось перейти через горы.

К югу от Пистойи и примерно в 40 км к западу от Флоренции возле Фучеккьо находится крупная заболоченная территория, возникшая в результате регулярных разливов реки Арно. Когда войско Ганнибала вступило в топи, он приказал галлам занять место в середине колонны между африканской пехотой и нумидийскими всадниками. Это была мера предосторожности. Галлы бесконечно жаловались на условия во время марша, могли симулировать болезнь и даже пытались дезертировать, если продвигаться вперед становилось труднее. Когда авангард карфагенской армии вступил в топи, вода едва доходила солдатам до щиколоток. Но тем, кто шел следом, приходилось сложнее, поскольку почва размягчалась под ногами тысяч людей и животных. Колонна еле ползла, ей потребовалось четыре дня и три ночи, чтобы протопить путь через болота. При этом солдаты практически не спали, оставаясь на ногах. На отдых им отводилось лишь несколько ночных часов, и тогда многие воины ложились на трупы животных, чтобы не угодить в солоноватую болотную воду. Лошади захромали, так как их копыта, постоянно находившиеся в воде, стали гнить. Некая болезнь, похожая на лихорадку, выкосила немало людей и животных. Инфекция поразила глаз Ганнибала, и, согласно древним источникам, кожа на его лице сочилась кровью. Так как у предводителя карфагенян не было ни времени, ни желания обращаться к лекарям, он перестал видеть этим глазом. Хотя не исключено, что это произошло как раз в результате лечения, которое в то время зачастую вредило больше, чем сами болезни. Ганнибал ехал на последнем выжившем слоне, огромном животном из Индии по кличке Сириец. Но из-за инфекции, подкосившей полководца, зачастую его приходилось нести в паланкине.

Выбравшись из болот, карфагеняне вступили на земли процветающей Этрурии и повернули на восток в сторону городка Фезулы возле современной Флоренции. Оттуда Ганнибал стал рассылать разведчиков на юг. Тот факт, что войско ушло от Пизы, свидетельствует о том, что карфагенянам не удалось добраться до города и Ганнибалу пришлось изменить свои планы. При этом нужно отметить, что мы находимся в полном неведении относительно того, каковы именно они были и намеревался ли Ганнибал в действительности идти на Рим.

От Фезул его армия двинулась на юг по Валь-ди-Кьяна (*Val di Chiana*), протянувшейся к западу от Арреция, чтобы избежать столкновения с отрядами Фламиния. И хотя в источниках дается исчерпывающий портрет и Ганнибала, и самого Фламиния, и оценка их личностей и стратегии, в них ничего не говорится о пути карфагенян от Фезул к Аррецию. Античные историки используют достаточно расплывчатые формулировки вроде «плодородные равнины Этрурии» и «горы Кортонь». Подразумевается, что Ганнибал двинулся на юг напрямик по существовавшим этрусским дорогам, благодаря которым войско могло развивать максимальную скорость и удовлетворять свою потребность в провизии. Но в то же время именно эти дороги римляне должны были охранять особенно тщательно. При передвижении войска Ганнибал давал ему полную свободу в отношении местного населения. Они грабили цветущие города и деревни, насиловали и убивали. Ганнибал не пытался сдерживать их, так как рассчитывал тем самым вынудить Фламиния покинуть безопасные стены лагеря у Арреция. Как и Семпроний, новый консул отличался порывистым нравом, и Ганнибал был уверен, что ему не удастся сдержать себя при виде полыхающей округи.

Остается загадкой, как Ганнибалу удалось проскользнуть мимо римской армии в Арреций. Так как прямая дорога

на Кортону, скорее всего, охранялась, он мог пройти к востоку от Арреция и повернуть на юг под прикрытием холмов, окружающих Кастильон-Фьорентино. В этом случае римляне могли даже не догадываться о передвижениях врага. Такой маршрут мог вывести Ганнибала к северным окраинам Кортонь. Другой возможный путь начинается у Ангьяри* и ведет на юго-восток к тем же холмам. Но эта местность трудно проходимая даже для современного кроссера, не говоря уже о двигавшейся пешком армии.

Также из источников неясно, как именно оба войска попали от Кортонь к Тразименскому озеру, где состоялась следующая битва. Самый короткий путь идет от города на юг к деревням Оссая и Теронтола и выводит к западной оконечности озера. Но существует и полузаброшенная дорога, ведущая на северо-запад от Кортонь через долину Перго, потом через Пьяццано к деревне Сангинетто. Большая часть современных историков сходятся во мнении, что битва состоялась именно на территории между озером и Сангинетто. В то же время античные историки указывают, что самый короткий путь к Тразименскому озеру пролегал мимо Арреция и Кортонь. Непонятно, воспользовался ли им Ганнибал. Единственное, что нам точно известно, — он первым добрался до озера, каким-то чудом оказавшись в тылу у римлян.

В этот момент произошло любопытное событие, описание которого можно найти у поэта Силия Италика, хотя современные исследователи ставят его свидетельства под сомнение. Посланники из Карфагена попытались добраться до Ганнибала в Центральной Италии и сообщить ему, что его юный сын станет частью ежегодного подношения богу Баалу⁶. Извечный соперник Баркидов Ганнон убедил карфагенский сенат включить единственного ребенка Ганнибала

* Город к северо-востоку от Ареццо. — *Прим. пер.*

в число жертв. Жена Ганнибала Имилька яростно выступила против, и сенаторы, опасаясь гнева полководца, если жертвоприношение свершится без его ведома, отправили гонцов, чтобы получить его одобрение. Ганнибал ответил, что мальчишку нужно пощадить, чтобы он продолжил борьбу с Римом, если его самого убьют. За сохранение жизни сыну он пообещал умиловить Баала, убив тысячу римских солдат в предстоящей битве. По свидетельству Италика, ребенок родился как раз перед началом похода из Иберии в Италию и вписывался в возрастной диапазон, который, как считают археологи и судмедэксперты, соответствовал традиции жертвоприношения в Карфагене. Однако непонятно, как послы сумели найти Ганнибала в Центральной Италии, и поэтому считается, что Италик мог выдумать эту историю два столетия спустя для усиления драматического эффекта своего произведения.

Фламиний впал в ярость, узнав, что карфагеняне грабят округу, и приказал армии готовиться к выступлению. Его офицеры, помня о поражении Семпрония у Треббии, советовали не вступать в бой с Ганнибалом, пока не будет разработана эффективная стратегия. Но Фламиний, как и проконсул, думал о быстрой победе и своей репутации в Риме и не прислушался к их словам. Сенат давил на него, рассчитывая, что римским командирам удастся перехватить инициативу в этой войне. Фламиний покинул лагерь, едва увидев столбы черного дыма, поднимающегося от деревень, но Ганнибал избежал столкновения с ним и стал двигаться на юг. Как выяснится позже, римлянам стоило опасаться этого маневра.

Как только Фламиний заглотил наживку и бросился в погоню, Ганнибал неожиданно повернул на восток к югу от Кортоны и направился к Тразименскому озеру на границе между современными Тосканой и Умбрией. Он разместил свое войско в узкой долине, ограниченной с одной стороны холмами,

а с другой — водой. Попасть в эту долину, известную как Туоро, можно было через перевал Боргетто на северо-западном берегу озера. Сейчас в это место легко попасть по федеральной трассе 73/75, которая соединяет Сиену с Перуджей, но 2000 лет назад перевал должен был быть гораздо уже, ведь с тех пор озеро заметно обмельчало. Согласно повторному исследованию, основанному на новых топографических данных, береговая линия находилась гораздо выше, еще больше сужая пространство, на котором произошла битва при Тразименском озере. Окруженная на востоке холмами долина протянулась примерно на полтора километра вдоль озера. У попавших в нее через перевал римлян была очень ограниченная возможность для маневра. Именно здесь Ганнибал устроил ловушку для Фламиния. Он выстроил африканские и иберские отряды на восточном конце долины, а конницу спрятал на ее западном краю. Его лучшие пехотинцы заняли место на склонах холмов над перевалом. К рассвету следующего дня солдаты Ганнибала уже обосновались на своих позициях, оставаясь при этом вне поле зрения противника.

Ранним июньским утром 216 г. до н. э. Фламиний ввел свои войска в проход между холмами. Они двигались медленно, укутанные туманом, накрывшим всю долину. Туман был столь плотным и вязким и висел так низко над землей, что посланные римлянами разведчики с трудом видели дальше чем на несколько метров. Из осторожности они повернули назад, но Фламинию не терпелось вступить в бой с Ганнибалом, и он приказал колонне двигаться вперед вслепую. Как только большая часть римской армии оказалась в долине и туман начал рассеиваться, ее атаковали с трех сторон. Плохая видимость вкупе с эффектом неожиданности привели римлян в смятение, не позволив им выстроиться в боевой порядок. Начался хаос, и уже через несколько часов тысячи римских воинов лишились своих жизней. Многие

были зарезаны, находясь в походном строю и не успев даже вынуть оружие, настолько стремительной была атака. Это была бойня, и римляне, избежавшие поначалу расправы, бросались в озеро, отчаянно пытаясь уплыть, несмотря на тянувшие их на дно доспехи. Те, кто не утонул, поднимали руки и молили о пощаде, пытаясь сдаться. Но африканские и иберские всадники, спустившись с холмов, сходу стали рубить их, словно болотный камыш. Это была уже не битва, а резня, *in sanguinoso* — кровавая баня, давшая имя соседнему городку Сангинетто.

Фламиний привел своих солдат на погибель. Он продемонстрировал свою тактическую некомпетентность, и римские источники сходятся во мнении, что их армию «подвели необдуманные действия командира»⁷. Самого Фламиния было легко узнать по его доспехам, чем и воспользовались убившие его галлы. Их предводитель Дукарий, прежде чем обезглавить консула, выкрикнул своим соплеменникам: «Эй, вон тот самый, кто уничтожил наши легионы, кто разорил наш город (Милан) и наши земли: принесу его в жертву в память о наших согражданах, подло им погубленных»⁸. Дукарий принадлежал к племени инсубров и был одним из лидеров сопротивления римскому вторжению в долину реки По. Главный город инсубров Милан был разорен римлянами за несколько лет до этого, а многие его жители убиты. По галльской традиции отрубленные головы врагов использовались в качестве трофеев⁹. Тело Фламиния, с которого содрали броню, ставшую трофеем Дукария, бросили вместе с горами других трупов и умирающих. Римляне, увидев голову своего консула в руках ликующего галла, окончательно пали духом и сдались. После битвы Ганнибал приказал найти тело Фламиния, чтобы похоронить его со всеми почестями, но его так и не нашли. Согласно источникам, само сражение было настолько яростным, что солдаты практически

не почувствовали землетрясения, разрушившего многие италийские города¹⁰.

К тому моменту, когда карфагеняне атаковали римское войско, его авангард в размере примерно 6000 человек почти добрался до противоположного конца долины. Благодаря удаче и собственной стойкости воинам удалось перегруппироваться на холме. Как только туман рассеялся, они увидели, что стало с их армией. Римляне спустились с холма в расположенную неподалеку этрусскую деревню, где провели ночь. На следующий день один из командиров Ганнибала, Магарбал, по его приказу вместе с отрядом всадников окружил деревню. Подавленные и голодные солдаты потребовали гарантий, что, если они сдадутся, им сохранят жизнь и отпустят домой. Но когда римляне предстали перед Ганнибалом, он отказался признавать условия их договора, заявив, что у его подчиненного не было таких полномочий. Он выступил с обвинительной речью против врагов и согласился сохранить им жизни только в обмен на выкуп.

В этой битве погибло почти 15 000 римлян. Тела павших сожгли в специально вырытых ямах, скорее всего чтобы предотвратить распространение возможных болезней. Одну из таких ям, накрытую решеткой, можно найти на поле боя и в наши дни. Примерно столько же римлян попало в плен, а 10 000 удалось сбежать и добраться до Рима. Взятые в плен италийцы были отпущены по домам, при этом Ганнибал обратился к ним с речью, вновь заявив, что пришел в Италию лишь с целью освободить их от тирании Рима. Если верить источникам, потери карфагенян были совсем незначительны, особенно в сравнении с противником: Ганнибал потерял лишь 30 своих офицеров и 1500 солдат, по большей части галлов. После надлежащих похорон оружие и доспехи римлян раздали африканцам и иберам, которые теперь стали похожи на своих врагов.

Когда новости о поражении легионов при Тразименском озере и гибели Фламиния достигли Рима, в городе началась паника. В столицу стали возвращаться выжившие, и римские женщины, в отчаянии рвавшие на себе волосы, лихорадочно метались от одних ворот к другим в поисках своих мужей, братьев и сыновей, ушедших с Фламинием, или хотя бы известий о них. У подножия Капитолийского холма собралась толпа, требовавшая от сената объяснить поражение и предоставить гарантии того, что Рим находится в безопасности. На закате управлявший городом магистрат, претор Марк Помпоний, обратился к толпе со ступеней сената с коротким официальным заявлением: «Нас победили в великой битве». Не сказав больше ни слова, он развернулся и решительно пошел обратно. По городу расползлись панические слухи, что через считанные дни Ганнибал будет у римских ворот.

Женщины денно и ночью несли дежурство на стенах, высматривая выживших на дорогах к северу от города. Они расспрашивали случайных бродяг в надежде узнать хоть что-то о своих любимых. Появились слухи о замеченных невдалеке карфагенянах и надвигающейся атаке. Когда казалось, что хуже уже быть не может, в город пришло известие, что отряд из 4000 всадников, посланный Сервилием на подмогу Фламинию, угодил в засаду, и все до последнего они были зверски убиты. Сенат заседал каждый день от рассвета до заката, пытаясь выработать новый план действий. Рим пребывал в кризисе, и в такие времена римляне традиционно назначали диктатора, который должен был спасти город. Это была самая престижная и влиятельная должность в римской государственной иерархии. Обычно диктатора назначал консул, но Фламиний был мертв, а Сервилиий заблокирован на севере. Квинт Фабий Максим был выбран на эту должность центуриатными

комициями*; богатые и бедные, могущественные и не обладавшие властью собрались вместе в час отчаяния и обратились к одному человеку в надежде на спасение. Полномочия консула и сената были приостановлены на шесть месяцев. Фабию поручили защиту города, отдали ключи от казны и право вести войну с Ганнибалом так, как он считает нужным. Первым делом он занялся укреплением стен Рима перед возможным нападением.

На момент назначения Фабию было 58 лет, так что он был почти на 30 лет старше Ганнибала. Его прозвали Веррукоз (*Verrucosus*) из-за бородавки на лице, и он был опытным военачальником, сражавшимся с Карфагеном в Первой Пунической войне. Фабий дважды был избран консулом — в 233 и 228 гг. до н. э. — и был удостоен сенатом триумфа после кампании против лигуров в Северной Италии. В обычных обстоятельствах диктатор сам назначал своего помощника, получавшего должность начальника конницы, но с учетом политической необходимости сплотить плебеев и патрициев Фабия заставили согласиться с избранием на этот пост Марка Минуция Руфа — плебея, выбранного консулом в 221 г. до н. э.

После победы в Тразименской битве командиры Ганнибала ждали, что он двинется напрямиком на Рим, от которого их отделяло всего около 160 км. Но планы Ганнибала шли вразрез с их ожиданиями. Несмотря на возражения, он отправился на юго-восток к городу Сполетий (совр. *Сполето*). Почему Ганнибал не пошел на Рим? Этот вопрос веками терзал историков. Теперь, задним числом, многие считают, что он мог взять город и тогда война завершилась бы победой

* *Comitia centuriata*, центуриатные комиции — один из видов народных собраний в античном Риме, в котором могли принять участие патриции и плебеи, способные носить оружие. Граждане делились на центурии на основе имущественного ценза, у каждой центурии был один голос. — Прим. пер.

Карфагена. Но покорение Рима могло не входить в планы Ганнибала или было невозможно. Рим был защищен стеной, возведенной еще в VI в. до н. э. и значительно укрепленной после того, как галлы едва не разграбили город в 390 г. до н. э. В III в. до н. э. римские стены были самой мощной, высокой и протяженной линией обороны во всей Италии, достигая в длину 11 км и огораживая территорию площадью более 1500 га.

Осада такого огромного города требовала больше орудий и солдат, чем находилось в распоряжении Ганнибала. По расчетам, для успешной осады в античные времена соотношение атакующих и защитников стены должно было составлять 10 к 1, требовались большие запасы продовольствия и очень много времени. Чтобы пробить столь мощные стены, понадобились бы огромные и тяжелые орудия — краны, тараны, осадные башни и катапульты. Ничего подобного у Ганнибала не было, а постройка таких машин задержала бы его войско на несколько месяцев. Осада превратила бы войну в позиционную, и Ганнибал рисковал потерять то преимущество, которое получил после побед при Треббии и Тразименском озере. Кроме того, существовала проблема провианта. Войско нужно кормить, и припасы пришлось бы собирать по деревням на регулярной основе. Чем дольше длилась бы осада, тем дальше требовалось бы уходить фуражирам в поисках еды. Наконец, галлы, итальянцы и греки могли охладеть к идее восстания, которое пытался разжечь Ганнибал, и его планы могли окончательно сойти на нет, если бы военные действия сконцентрировались вокруг одного лишь Рима. В отсутствие перспективы легкой наживы непостоянные галлы потеряли бы интерес к осаде, собрали бы свои вещи и вернулись на юг. А итальянские и греческие города на юге могли перестраховаться и сохранить нейтралитет, дожидаясь развязки конфликта.

Похоже, что главной целью Ганнибала в этой войне было разрушить римско-италийский союз, а не сам Рим — по крайней мере, на первых порах. Он намеревался изменить баланс сил в Италии и серьезно ослабить влияние Рима, уравнив его с другими городами-государствами. Ганнибал повернул на юг не в поисках тарана для городских стен. Он рассчитывал, что его армия станет катализатором всеобщего восстания, которое, как он надеялся, со скоростью пожара распространится по всей Италии, пробудит жажду свободы, укрепит его армию новыми союзниками и поставит Рим на колени или хотя бы приведет за стол переговоров. Двигаясь на юг, его солдаты грабили окрестности, как они делали это в Этрурии. Ганнибал отдал роковое распоряжение убивать всех совершеннолетних, попавших к карфагенянам в плен. Через десять дней после того, как войско выступило от Тразименского озера, оно достигло Апулии на берегу Адриатического моря, а количество награбленного было столь велико, что солдаты с трудом могли его унести. Из армии освободителей карфагеняне превратились в шайку мародеров, сметавшую все на своем пути.

Римский диктатор Квинт Фабий Максим был осторожным человеком, чем сильно отличался от Семпрония и Фламиния. Сдержанный и осмотрительный, он тщательно планировал свои действия на несколько шагов вперед. Фабий считал, что войско Ганнибала слишком сильно, чтобы сталкиваться с ним лицом к лицу, — Семпроний и Флавий уже показали, к каким фатальным ошибкам это может привести. Поэтому он выбрал тактику следовать за карфагенской армией на безопасном расстоянии, рассчитывая, что время вкупе с обширными людскими и продовольственными резервами Рима медленно, но верно склонят чашу весов в его пользу. Фабий был убежден, что для победы над Ганнибалом нужно отправить войска к каждому городу, вышедшему

из конфедерации. Он надеялся, что в итоге поддержка Ганнибала начнет постепенно ослабевать, так как станет понятно, что тот не в силах защитить каждый поддерживавший его населенный пункт от римского возмездия. Цена предательства окажется слишком высокой. Если Ганнибал останется без поставок провианта и подкреплений, предательство галлов станет лишь вопросом времени, а наемные силы начнут таять из-за дезертирства, болезней и естественной смерти. Римский флот контролировал почти все побережье Италии и мог перехватить подкрепления из Северной Африки или Испании. Только после того, как войско Ганнибала будет достаточно истощено, оказавшись в изоляции и страдая от голода, римляне выйдут на решающую битву.

Но стратегия Фабия вызвала неприятие римского народа, с тревогой и нетерпением дожидавшегося окончания войны. Спустя несколько месяцев его предусмотрительность принесла ему шуточное прозвище «Кунктатор», то есть Медлитель, а в сенате и на городских рынках Максима открыто называли трусом. Римляне уничижительно звали его «педагогом» (*pedagogus*), уподобляя следовавшего по пятам Ганнибала Фабия рабу, который носит школьные учебники детей своего хозяина, сопровождая их в школу и обратно. Лишь намного позже, после катастрофы под Каннами, когда время доказало его правоту, прозвище Кунктатор обрело позитивный смысл. А пока Фабий выполнял свои обязанности, выслушивая критику и оскорбления от тех, кого пытался спасти.

Одновременно с избранием Максима диктатором сенат приказал старшему из Сципионов воссоединиться с братом в Иберии, возглавив там римские легионы. В сенате надеялись, что это войско сможет подчинить Испанию, что открывает возможность прямого удара по Карфагену. У Рима было достаточно экономических и человеческих ресурсов, чтобы вести войну сразу на трех фронтах — на Пиренеях,

в Италии и Северной Африке, — и Фабий был уверен, что для успеха этого плана требовались только время и терпение римских граждан. Римлянам нужно было смириться с присутствием Ганнибала в Италии еще на год или два, словно с вирусом в организме римского государства — недостаточно сильным, чтобы убить, но способным ослабить или даже парализовать своего носителя. Но, если выждать и уничтожить его источник, этот вирус, по мнению Фабия, погибнет, а носитель излечится.

От Апулии Ганнибал направился вглубь Италии в богатую провинцию Кампанию, которую римляне называли Фалернским полем (*Ager Falernus*). Он намеревался заручиться поддержкой ряда важных местных полисов, включая процветающие Капую и Неаполь. Здесь же находились и менее крупные населенные пункты, например Синуэсса (*Sinuessa*), Кумы (*Cumae*), ПUTEОЛЫ (*Puteoli*), Нола (*Nola*) и Нуцерия (*Nuceria*), каждый из которых сыграет важную роль в кампании карфагенян в следующее десятилетие. Уже в Кампании один из людей Ганнибала перепутал названия городов Казин (*Casinum*) и Казилин (*Casilinum*), из-за чего карфагеняне отклонились от своей цели на многие километры. Когда они осознали ошибку, проводник был распят, что добавило еще один штрих к портрету Ганнибала как жестокого варвара, каким его изображают римские источники¹¹.

Фабий занял господствующие высоты в Кампании, и тогда Ганнибал дал волю своей ненависти к врагу, испепелив окрестные города и опустошив латифундии богатых римлян. При этом он приказал солдатам оставить нетронутыми виллы, которые, по информации его шпионов, принадлежали самому Фабия и его семье, из-за чего диктатору пришлось доказывать сенату и собственным командирам, что он не заключал с пунийцем никаких сделок. При этом Фабий продолжал противиться попыткам втянуть его в сражение,

которое римляне непременно проиграли бы из-за превосходства карфагенской конницы. Греческие и итальянские союзники римлян поняли, что Ганнибал, по сути, захватил власть в провинции. Многие ждали, что генеральное сражение может произойти в любой момент, но вместо этого видели трусливо отступивших к холмам римлян, пока пуниец делал все что хотел.

Где-то на равнине между рекой Вольтурн (совр. *Вольтурно*) и горой Массик, к северу от Капуи и югу от Пьетравайрано, произошел один из самых странных эпизодов этой кампании. Фабий на безопасном расстоянии следовал за Ганнибалом, избегая прямого столкновения с карфагенянами. Римский полководец был уверен, что Ганнибалу в итоге придется вернуться в Апулию на зимние квартиры, ведь сады и виноградники, которых в Кампании было в избытке, не прокормили бы его войско. Действуя на опережение, Фабий занял основной перевал через горный хребет, разделяющий две провинции, и стал ждать, что предпримет враг¹².

Когда Ганнибал понял, что ему отрезали обратный путь, он приказал сделать факелы из сосновых сучьев и сухой древесины, которой вокруг было в избытке. Затем факелы привязали к рогам примерно двух тысяч быков и волов, согнанных карфагенянами с соседних ферм и вилл. Ночью рабы под прикрытием солдат отвели стадо на склон холма перед перевалом. Они подожгли факелы, и обезумевшие животные понеслись по склону вниз, в панике тряся головами, отчего пламя разгоралось только сильнее. Солдаты в лагере Фабия были уверены, что это армия Ганнибала и ее ведут в атаку тысячи воинов с факелами. А охранявшие перевал римляне решили, что загорелся холм, и в панике оставили свои посты. Пытаясь убежать, некоторые из них столкнулись с быками и поняли, что их обманули, но было уже слишком поздно.

Опасавшийся засады Фабий отказался выводить людей из лагеря в контратаку. С одной стороны, он не знал, что именно происходит за его стенами, с другой — диктатор решил придерживаться изначального плана и не вступать в битву с Ганнибалом. Пока римляне оставались в лагере, глядя в безумствующих на склоне холма животных, карфагенская армия быстро перешла по перевалу в Апулию¹³. Этот случай убедил италийцев и греков в том, что Ганнибал способен перехитрить римлян в любых обстоятельствах. Командиры критиковали Фабия за то, что тот позволил улизнуть пунийцам, — это усилило их подозрения в его сговоре с Ганнибалом, возникшие после того, как африканцы не тронули владения его семьи в Кампании¹⁴. Диктатору приказали предстать перед сенатом, чтобы объяснить за свой провал и ответить на обвинения. Выступая перед сенаторами, Фабий заявил, что народ Рима должен не критиковать его, а благодарить за то, что римская армия не понесла потерь. Эта речь, по сути, стала последней каплей. Многие богатые и влиятельные сенаторы были злы на Фабия за то, что его владения в Кампании не тронуты, а их имения разорены. Слухи о сговоре Максима и Ганнибала расползлись по городу, еще больше разозлив людей, и без того скептически настроенных по отношению к нему после побега Ганнибала.

В 216 г. до н. э., по истечении срока пребывания Фабия в должности диктатора, были избраны два новых консула — Луций Эмилий Павел и Гай Теренций Варрон. В ходе предвыборной кампании они обещали сокрушить войско Ганнибала в генеральном сражении, несмотря на то что ни разу не сталкивались с ним на поле боя. Их назначение подтвердило, что люди и сенаторы устали от стратегии Фабия. Сенат выделил средства на сбор самой крупной армии в истории Рима, под объединенным командованием консулов должно было оказаться 80 000 солдат¹⁵. Павлу и Варрону приказали

отправиться с войском на юг, найти Ганнибала и задавить его наемников числом в прямом столкновении. Когда консулы покидали Рим под ликующие крики толпы, Фабий попытался предостеречь их от горькой участи: «Если Варрон, как обещал, сейчас же даст сражение, то нас ждет поражение более ужасное, чем при Тразименском озере»¹⁶.

Войско Ганнибала разместилось на зимних квартирах в плодородном районе возле города Гереоний (*Gereonium*). Ранней весной он отвел своих солдат на 40 км южнее и разбил лагерь у Канн — заброшенной крепости на берегу моря, которую римляне использовали как зернохранилище. Вокруг было множество полей, засеянных созревающими злаками, в основном яровой пшеницей, и здесь Ганнибал решил дать римлянам бой, которого они хотели. В конце июля 216 г. до н.э. сюда прибыла огромная римская армия, состоящая в основном из новобранцев и италийских союзников. Консулы разместили свой лагерь на обширной равнине к северу от реки Ауфид (*Aufidus*), которую в наше время называют Офанто. Павел и Варрон командовали поочередно, что было необычной и, как выяснилось позднее, неэффективной практикой, разжигавшей между ними соперничество. Они сменяли друг друга по четным и нечетным дням и не смогли выработать никакой четкой стратегии. Приказы и выбор тактики зависели от того, у кого из них в тот день была власть. Между консулами возникли серьезные разногласия, что привело к фатальным последствиям во время битвы.

Павел был более предусмотрительным, Варрон отличался порывистостью. Во многом повторялась история со Сципионом и Семпронием у Треббии: Павел с уважением относился к талантам Ганнибала и осознавал преимущество, которое его конница будет иметь на равнинной местности, а Варрону не терпелось одержать быструю победу, и он был уверен, что никто не сможет выстоять под натиском такого огромного

войска. Когда Павел предложил передвинуть римский лагерь под прикрытие близлежащих холмов, Варрон настоял на том, чтобы легионы остались на открытой местности и начали готовиться к запланированной им атаке. Размеры войска вселяли в него чувство уверенности, и он открыто критиковал Павла перед другими командирами, утверждая, что тот находится под слишком сильным влиянием своего друга и наставника Фабия. В итоге Варрон добился своего, и легионы остались там, где были, тогда как Ганнибал, изначально расположившийся на южном берегу, переправился через реку и обосновался напротив римлян.

Следующие несколько дней в обоих лагерях активно готовились к битве. Перед самым рассветом 2 августа 216 г. до н. э. Варрон приказал своим легионам перебраться на южный берег Ауфиды*. Оказавшись на противоположном берегу реки, войска развернулись фронтом на запад, а тылом к морю. Павел возглавил правый фланг, где под его началом находилось около 1600 всадников, пехота расположилась по центру, а Варрон командовал 5000 римлян и их союзников на левом фланге. Варрон слегка изменил стандартное для римской армии построение, приказав пехотинцам уплотнить ряды. Тем самым он сжал строй, ограничив возможность для маневра, сделав его узким и растянув в глубину. Варрон намеренно сконцентрировал здесь свои основные силы, чтобы вклиниться в центр карфагенского войска. 80 000 наступающих римлян должны были смести все на своем пути. Варрон

* Вопрос о месте, где произошла битва при Каннах, остается дискуссионным: существуют различные гипотезы относительно того, с какой современной рекой следует отождествлять Ауфид (Офанто или Форторе), на каком берегу реки произошло сражение — правом или левом. Автор присоединяется к точке зрения, согласно которой под Ауфидом имелась в виду река Офанто, а битва произошла близ современного города Барлетта. Сейчас на этом месте находится археологический парк (Parco Archeologico di Canne della Battaglia). — *Прим. науч. ред.*

был уверен, что ни хитрость Ганнибала, ни его тактическое превосходство, ни хваленое мастерство карфагенских наемников не смогут справиться с этой мощью. По мнению консула, одно лишь численное превосходство должно было решить исход этой битвы.

В ответ Ганнибал начал разворачивать свои силы, переправив их обратно на южный берег и выстроил 40 000 пехотинцев и 10 000 всадников перед римскими позициями. На левом фланге вдоль реки и напротив Павла он поставил испанскую конницу под командованием Гасдрубала. На правом — нумидийцев — лучших всадников в войске Баркида, их возглавил его племянник Ганнон. Пехота заняла место в центре, выстроившись длинной цепью в форме полумесяца. В первом ряду стояли в основном галлы и иберы, а сзади и по краям от них — тяжеловооруженные африканцы и наемники. Пехотинцами командовали сам Ганнибал и его брат Магон.

Горячий юго-западный ветер, который римляне называли Вольтурн (Либеччо)*, дул прямо на них. Ганнибал намерено расположил свое войско так, чтобы ветер нес тучи пыли в лица врагов. Галлы и иберы выдержали первую волну римской атаки, но начали отступать под усилившимся натиском. Намеренно или случайно, строй карфагенского войска принял вогнутую форму, образовав мешок, в который втянулись передовые легионы. Армия Ганнибала стала напоминать

* Согласно Ливию (книга 22, глава 46), римлянам в лицо дул ветер, которые местные жители называли Вольтурном. Основываясь на сообщении Лукреция («О природе вещей», книга 5, строка 745), Вольтурн часто отождествляют с греческим Эвром, он же современный широко (сирокко), дующий с востока или юго-востока. Однако, с точки зрения автора, этим ветром был либеччо — юго-западный ветер. У этого предположения есть основания, если принять во внимание возможное происхождение названия «Вольтурн» от имени горы Вольтур, расположенной к юго-западу от описываемых мест. — *Прим. науч. ред.*

амебу, окружившую и начавшую поглощать недружественную римскую клетку. Чем глубже продвигался передний край римского войска, тем более скученным становился их строй. Африканская тяжелая пехота, вооруженная после Тразименской битвы римскими мечами, щитами и доспехами, была почти неотличима от врага. Ганнибал расположил африканцев по краям и не торопился бросать их в бой, позволяя римскому войску все глубже вклиниваться в ряды галлов и иберов, медленно, но без паники отступавших назад. Римляне — от командиров до последнего солдата — поверили в успех своей атаки, но на самом деле это была ловушка замедленного действия, заготовленная Ганнибалом.

Тем временем на флангах шли конные бои. Иберские всадники под руководством Гасдрубала разбили римскую кавалерию. Затем они обошли легионеров, чтобы помочь нумидийцам, которыми командовал Ганнон на противоположном краю. Когда остатки римской конницы были обращены в бегство, Ганнибал приказал своим всадникам напасть на римскую пехоту с тыла. Угодившие в карфагенский мешок легионеры теперь были с трех сторон окружены врагами. Они были так плотно прижаты друг к другу, что не могли даже пользоваться оружием. Они могли только пытаться пробиться вперед, но 40-тысячное войско Ганнибала окружило их, и началась беспрецедентная по масштабам и жестокости резня.

Невозможно точно установить число погибших в тот день римлян. Согласно Полибию, было убито примерно 70 000 человек, и только 390 всадников и 3000 пехотинцев сумели сбежать. Еще около 10 000 угодило в плен¹⁷. Но Ливий приводит другие цифры: около 50 000 погибших, 20 000 пленных и 10 000 спасшихся¹⁸. Ответственный за эту катастрофу Варрон бежал вместе с телохранителем и вернулся в Рим. Павел вместе с 30 трибунами и 80 сенаторами, которые могли

избежать призыва в армию благодаря своему статусу, погиб на поле боя. Сотни всадников* — «рыцарей» Древнего Рима, которых можно было отличить по их золотым кольцам, — были тоже убиты. Кольца содрали с их пальцев — получился примерно бушель** (на самом деле пек, согласно Ливию) — и отправили в Карфаген, поручив доставку трофеев брату Ганнибала Магону. Для пущего эффекта Магон, объявляя о победе при Каннах, высыпал золотые кольца на пол сената¹⁹. «Победивший Карфаген мерил крах Рима грудой золота, сорванного с левых рук павших римских всадников»²⁰.

Если верить источникам, то потери Ганнибала при Каннах были сравнительно невелики — всего 4000 галлов и 1500 иберов²¹. В военных академиях от Вест-Пойнта и Сандхерста до Сен-Сира и даже Абботтабада в Пакистане битву при Каннах изучают как пример «идеальной победы». Успех Ганнибала был настолько убедительным, а соотношение потерь таким ошеломляющим, что историки на протяжении веков сомневались в достоверности этих цифр, считая их намеренным искажением, чтобы подчеркнуть масштаб принесенных Римом жертв и героизм его последующих побед.

Фабий оказался прав: этот разгром был даже тяжелее поражения при Тразименском озере. Ни сенат, ни высшее римское руководство за прошедший год не сделали выводов из той битвы. Ганнибал одержал победу при Каннах, потому что тщательно все спланировал перед началом битвы и скоординировал действия различных частей своей армии на поле боя. Римляне проиграли, потому что их военачальники и политики считали: воля к победе и численное преимущество важнее тактики, четкой системы управления

* Привилегированное сословие, уступавшее по статусу только сенаторам. — *Прим. пер.*

** Бушель — мера емкости, составляет 36,3 л, пек — 9,09 л. — *Прим. ред.*

войсками, эффективного претворения замыслов в битве, хладнокровия в принятии решений и опыта.

Когда вести о разгроме достигли Рима, город охватила еще большая паника, чем после Тразименской битвы. Богатые стали готовиться к побегу, а бедные стекались в храмы и молили жрецов обратиться за советом и поддержкой к самым священным римским текстам — «Книгам Сивилл». Гибель такого количества мужчин предположительно привела к тому, что для продления рода женщинам Рима приходилось вступать в браки с рабами и варварами. Чтобы умиловить разгневанных богов и не дать Ганнибалу приблизиться к городу, обезумевшие от страха римляне прибегли к человеческим жертвоприношениям²². На центральном рынке, известном как Бычий форум (*Forum Boarium*), или Свиной рынок, собралась толпа — наблюдать за тем, как приносят в жертву галла и его соплеменницу, а затем греческую пару. На первый взгляд, целью жертвоприношений были умиротворение богов и защита Рима от Ганнибала, но в то же время они служили предупреждением жившим в Италии галлам и грекам о возможных последствиях их перехода на сторону карфагенян.

Придя в себя, римляне стали готовиться к обороне города. Женщинам было запрещено оплакивать на людях погибших при Каннах мужей, братьев и сыновей, чтобы не подрывать моральный дух, а сенат признал правильность выбранной Фабием стратегии. Всем мужчинам старше 16 лет приказали поступить на воинскую службу, а из должников и преступников, выпущенных в огромном количестве из тюрем, было набрано два новых легиона. Также римляне призвали в войско 8000 добровольцев из числа рабов, выкупленных за государственный счет. С их владельцами обещали рассчитаться после окончания войны, а самим рабам предложили свободу в обмен на службу. В то время рабов все чаще стали

использовать в качестве солдат, чтобы компенсировать нехватку военных сил. Так, Ганнибал был вынужден делать это в Бруттии в 204 г. до н. э. и в Африке в битве при Заме в 202 г. до н. э.

После Канн Ганнибал обратился к пленным римлянам и их италийским союзникам, но в более дружелюбной манере, чем после битвы при Тразименском озере. Он предложил отправить в Рим эмиссаров, чтобы обсудить мирный договор и их выкуп. Баркид подчеркнул, что «его война с римлянами — не война на уничтожение». Он боролся за свое достоинство и свободу итальянцев от римского владычества²³. Ганнибал ожидал, что после такого разгрома римляне согласятся сесть за стол переговоров, а из его примирительной речи можно сделать вывод, что он видел Рим в качестве локальной силы в Италии, в противовес греческим городам-государствам на юге полуострова.

Военачальники Ганнибала, окрыленные победой при Каннах, умоляли его перехватить инициативу и немедленно начать наступление на Рим. Но, как это уже было после Тразименской битвы, Ганнибал колебался. Магарбал, один из командиров конницы, заявил, что его люди могут быть у ворот Рима через четыре дня, а остальное войско нагонит их неделю спустя. Но Ганнибал был непреклонен в своем отказе идти на Рим, на что Магарбал зло бросил: «Побеждать, Ганнибал, ты умеешь, а воспользоваться победой — нет» («Vincere scis, Hannibal, Victoria uti nescis»)²⁴. Но его слова не тронули полководца, желавшего сначала оценить, какое влияние победа при Каннах оказала на Рим и греческие города на юге Италии.

Ганнибал был уверен, что Рим будет просить об окончании войны, и отправил в город Карфалона, одного из самых надежных своих командиров, чтобы тот вел переговоры от его имени. За два года римляне потерпели три серьезных

поражения, причем каждое последующее было тяжелее предыдущего, но их реакция была не такой, как ожидал противник. Римский сенат не только отказался выслушать Карфагона, но и вообще запретил ему входить в город, не говоря уже о том, чтобы вести переговоры о мире и выкупе пленных. Шестьюдесятью годами ранее греческий царь Пирр так же столкнулся с римским упрямством. После успешной кампании в Южной Италии он тоже предложил римлянам обсудить условия перемирия и выкупа пленных. Но те отказались вести переговоры, пока греки оставались на итальянской земле. Так что, вернувшись в Грецию, Пирр заявил, что победа над Римом того не стоит. С тех пор подход римлян не изменился, и даже после самого тяжелого поражения в своей истории они были непоколебимы в стремлении завершить войну на своих условиях. Когда Ганнибалу сообщили, что римляне отказались обсуждать не только мир, но и выкуп собственных солдат, он выместил весь свой гнев на пленных. То, что карфагеняне сделали с галлами, когда спустились с Альп, повторилось в еще больших масштабах. Пленных римлян заставили биться друг с другом — братьев с братьями, а отцов со своими сыновьями. Но на этот раз никто не обещал свободу победившим. Одному из римлян, которому не сумели найти соперника, Ганнибал приказал биться со слоном. К всеобщему восторгу, солдату удалось сразить животное, после чего ему позволили вернуться домой. Но Ганнибал, опасаясь слухов о том, что с его слонами способен справиться один-единственный человек, отправил отряд всадников, чтобы перехватить и убить римлянина.

Канны были вершиной полководческих достижений Ганнибала. Его успехи в борьбе с римлянами достигли апогея, после которого наступил продолжительный спад, медленное и изнуряющее истощение, которое привело к потере инициативы и отступлению карфагенян из Италии. Больше

в этой войне не было столь значительных сражений. Отказ Ганнибала идти на Рим спас республику, но, возможно, он и не стремился к большему. Ливий пишет, что много лет спустя Ганнибал жалел о своем решении, признавая, что упустил шанс выиграть войну. В свое оправдание Ганнибал утверждал, что мысль о походе на Рим даже после такой убедительной победы была «слишком грандиозной и заманчивой, чтобы он мог охватить ее умом»²⁵. Любопытно, что в поэме «Пуника» римского поэта Силия Италика называются другие причины отказа Ганнибала пойти на Рим²⁶. Он утверждает, что Баркид был рассержен на богов за то, что они даровали ему победу при Каннах, но не позволили одолеть Рим. Изнуренный, Ганнибал погрузился после битвы в глубокий сон, и снился ему только лишь триумфальный поход на Рим. Но на следующий день под предлогом того, что его солдатам надо залечить раны, и опасаясь излишней самоуверенности подчиненных, он приказал войску остаться в лагере.

После победы при Каннах на территории Италии не осталось силы, способной соперничать с Ганнибалом. Пуниец мог направиться в любое место, кроме Рима, и никто не смог бы ему помешать. В следующей главе будет рассказано, как города-союзники Рима, расположенные в Самнии, Апулии, Лукании, Кампании и Бруттии переметнулись на сторону его врага, а царь Македонии Филипп V, желая вытеснить римлян из Иллирии (совр. Албания, Босния и Хорватия), через несколько месяцев заключил союз с Ганнибалом. Но главные сторонники римлян и их ближайшие географические соседи в Центральной Италии — Лаций, Умбрия и Этрурия — сохранили им верность, что вкупе с римским упорством позволило спасти республику.

На севере Италии галльские племена снова стали досажать Риму. Поздней весной 216 г. до н.э. сенат назначил претором Луция Постумия Альбина и отправил его во главе

25-тысячного войска на их усмирение. Тем временем на юге Павел и Варрон вошли в Апулию в поисках карфагенян. Альбин отошел от политики, но его вернули, так как Риму не хватало опытных командиров. А опыта Альбину было не занимать — его дважды избирали консулом, на его счету были две успешные военные кампании против лигуров и иллирийцев.

Послав армию на север, римляне надеялись вынудить примкнувших к Ганнибалу галлов оставить его войско и броситься на защиту своих домов. Легионы Альбина направлялись к Плацентии и на каком-то отрезке пути, скорее всего возле современной Модены, оказались в Литанском лесу. Здесь, по обеим сторонам дороги, высились огромные деревья, и у самой кромки леса галлы устроили засаду. Они подрубали деревья так, чтобы те не упали сразу и со стороны казались неповрежденными. Как только римляне вошли в лес, галлы повалили стволы на врагов, после чего бросились их добивать. Альбин пытался сбежать, но его поймали и обезглавили, череп претора очистили, отделали золотом и использовали как чашу для возлияний во время торжеств²⁷.

Известия об этой резне достигли Рима примерно в одно время с новостями о разгроме под Каннами. Обе эти страшные потери надо было пережить, и на какое-то время Рим будто вымер. Лавки закрылись, люди не выходили из домов. Консул Тиберий Семпроний собрал внеочередное заседание сената и призвал римлян не терять надежду. Сенат принял решение сосредоточить все силы на разгроме Ганнибала на юге и на какое-то время прекратить все боевые действия против галлов. Семпроний подчеркнул, что после победы над пунийцем у Рима будет возможность с ними по квитаться. Сенат проголосовал за отказ от войны в Цизальпийской Галлии на ближайший год, после чего консул приказал открыть

лавки и завершить публичный траур по погибшим. С этого момента жизнь в Риме должна была идти своим чередом.

Несмотря на успех засады и явное ослабление Рима после поражения у Канн, галлы не предпринимали попыток двинуться на юг, чтобы напасть на город или присоединиться к Ганнибалу. Даже в окрестностях римских колоний Плаценции и Кремоны все было относительно спокойно, пока Ганнибал не покинул Италию. Только тогда галлы, возглавляемые карфагенским командиром, оставленным здесь одним из братьев Ганнибала, из мести атаковали римские селения и разожгли новую войну.

После столь разгромных поражений возле Канн и в Лигурийском лесу боевые действия должны были завершиться если не победой Карфагена, то как минимум перемирием. Но Ганнибал столкнулся с непреклонностью римлян и их стремлением пройти через любые испытания, чтобы довести войну до конца. Рим не собирался уступать, и это сбивало предводителя карфагенян с толку, хотя он и сам редко соглашался на компромиссы.

ГЛАВА V

ЧЕРЕДА ОТСТУПЛЕНИЙ

После стремительных и ошеломляющих побед Ганнибала при Треббии, Тразименском озере и Каннах конфликт перетек в вялотекущую и безрезультативную фазу. Следующие 13 лет — с 216 г. до н.э. по 203 г. до н.э. — война свелась к ничего не значащим маневрам, чередующимся со стычками в Южной Италии в борьбе за людские и иные ресурсы. Обе стороны бесчисленное количество раз осаждали и грабили здешние города, а местное население страдало от безжалостных актов возмездия, совсем не обязательно обусловленных уровнем сопротивления. Гнев Ганнибала обрушивался на любой город, остававшийся преданным Риму или хотя бы сохранявший нейтралитет. Если они не были на его стороне, то были против него. Но те, кто переходил на его сторону, оказывались под мощным военным, экономическим и политическим давлением со стороны Рима. Многочисленные и зачастую крайне жестокие карательные акции римлян вынудили Ганнибала разделить и тем самым ослабить

свою армию в попытках защитить как можно больше новых союзников. Римляне нападали на города в регионах, где не было карфагенских войск, вынуждая их спешить на помощь. Но, учитывая ограниченность ресурсов, Ганнибал просто не мог быть везде и сразу. Пожалуй, именно это стало главной причиной провала его попыток сплотить греков и италийцев на юге полуострова и довести войну до победы.

На этом этапе Ганнибал вел боевые действия на территории от Неаполя на севере до Регия (совр. *Реджо-ди-Калабрия*) и Мессинского пролива на юге. Его армия свободно перемещалась по местности, а римские легионы следовали на безопасном расстоянии в расчете взять пунийцев измором и мстили всем городам, выступавшим в его поддержку. После Канн римляне вернулись к несколько измененной версии стратегии Фабия: они стремились как можно реже вступать в прямые столкновения с Ганнибалом, признавая, что, несмотря на численное преимущество, не могут тягаться с полководцем, учитывая его тактическое мастерство и боевые качества его войска. Обе стороны разоряли провинции Южной Италии — Кампанию, Самний, Апулию, Луканию (совр. *регион Базиликата*) и Бруттий, ныне известный как Калабрия. Ганнибал сосредоточился на том, чтобы привлечь на свою сторону греческие города-государства и местные италийские племена, а римляне, в свою очередь, делали все, чтобы этому помешать. В ход шло все — от обещаний, подкупа, угроз и прочих уловок до прямой агрессии, осад и публичных казней.

Ганнибал не мог рассчитывать на подкрепления из Испании или Северной Африки и потому нуждался в союзниках. Его армия была вынуждена перейти на самообеспечение, и по большей части Баркид избегал прямых конфронтаций. Он всегда был готов выступить против очередного нетерпеливого и излишне самоуверенного римского командира,

которому хватало глупости бросить ему вызов. За несколько следующих лет на юге Италии произошел ряд небольших сражений, но все усилия Ганнибала были сконцентрированы на том, чтобы с помощью силы или дипломатии заручиться поддержкой местных городов.

Греки и итальянцы зачастую сами были расколоты на про-римские и прокарфагенские фракции. Зажиточные аристократы чаще всего поддерживали Рим, а некоторые из них даже обладали ограниченным набором прав, которое давало римское гражданство, полученных ими через брак или благодаря тесным финансовым связям с Римом. На другой чаше весов находились мелкие ремесленники и крестьяне, незаинтересованные в сохранении текущих порядков и видевшие в Ганнибале свой шанс начать новую жизнь. Пуниец обещал им избавление от культурного и экономического гнета римлян и соблазнял тех, кто был готов перейти на его сторону, перспективой безоблачного будущего. Но для тех, кто отказывался или сомневался, расплата была быстрой и жестокой — им могли отрубить голову на публике или сварить заживо в общественных банях.

Римляне были не менее безжалостны в своем возмездии предателям, покинувшим конфедерацию. Целые районы между Адриатическим и Тирренским морями становились безлюдными, и власть здесь принадлежала тому, чья армия проходила в данный момент по этим землям, если, конечно, она задерживалась достаточно надолго. Ганнибалу не удавалось втянуть римские легионы в бой на открытом пространстве, и в то же время он был не способен защитить все поддерживавшие его города. А римляне были вездесущи. Людские и экономические ресурсы позволяли им с удвоенной силой преследовать изменников. На юге Италии действовало сразу несколько римских армий, которые могли находиться в разных местах одновременно, вынуждая Ганнибала все больше

распылять свои усилия. Защита сохранивших им верность союзников и месть отступникам были главными задачами Рима в этот период. Обе стороны осаждали города, жгли деревни и казнили тех, кого подозревали в сотрудничестве с врагом, что привело к ужасным людским потерям и экономической разрухе всего региона.

Чем дольше затягивалась война, тем выше становились шансы римлян на победу. Даже после разгромных поражений в начале кампании Рим мог выставить почти три четверти миллиона мужчин боепригодного возраста, набранных по всей Италии. На службе в римской армии состояли сотни тысяч хорошо вооруженных людей, расквартированных в городах-союзниках или находившихся в легионах, разбросанных по Италии, Испании, Сицилии и Сардинии. И хотя эти солдаты не могли сравниться с наемниками Ганнибала по выучке и опыту, Рим был в состоянии пожертвовать десятком воинов за каждого карфагенянина и все равно победить. Численность римских легионов росла с каждым годом, тогда как силы Ганнибала таяли из-за смертей, болезней и дезертирства. В 215 г. до н. э. Рим мог выставить от 12 до 15 легионов, а к 212 г. до н. э. эта цифра выросла до 25, что равнялось более чем 100 000 всадников и пехотинцев.

Римляне разделили свои армии в Южной Италии и заняли высоты на окраинах Апеннинских гор. Они избегали вступать с Ганнибалом в бой на ровной местности, где конница и слоны давали ему преимущество. Никакие тактические уловки не помогли Баркиду выманить римлян и втянуть их в решающую битву на своих условиях. Разделение армии на множество небольших отрядов позволило Риму вести все более агрессивную кампанию против греческих и италийских союзников карфагенян. Оказавшиеся под осадой или столкнувшиеся с угрозой осады города требовали помощи от Ганнибала, и, если он не мог ее оказать, это подрывало

веру в его способность победить римлян. Гений полководца не мог преодолеть численное и экономическое превосходство Рима. В республике твердо решили продолжать войну любой ценой и отказывались идти на компромисс.

Римский флот успешно блокировал большую часть побережья Италии, лишая Ганнибала возможности получать регулярные подкрепления. Благодаря своим резервам Риму удалось перенести боевые действия на территорию Испании и Сицилии, даже несмотря на то что Ганнибал все еще находился в Южной Италии. Война сделала республику сильнее, политики и военачальники извлекли уроки из своих ошибок, и у них не было недостатка в людях, которые могли заменить пленных, раненых и убитых. Союзники Рима в Лации, Умбрии и Этрурии по большей части остались ему верны, помогая деньгами, людскими и прочими ресурсами, необходимыми для того, чтобы довести войну до победного конца. Ганнибал был вынужден разделить свое войско на небольшие отряды во главе со способными командирами и разослать их на защиту новых союзников. В источниках мало достоверной информации о составе и размерах его армии в этот период, но число ветеранов, покинувших вместе с Ганнибалом Испанию в 218 г. до н. э. и перешедших с ним через Альпы, должно было заметно уменьшиться после битв при Треббии, Тразименском озере и Каннах, несмотря на свидетельства античных авторов о небольших потерях карфагенян.

Войско Ганнибала объединяло пеструю массу солдат из всех уголков античного мира, сражавшихся ради военных трофеев. Они говорили на разных языках, следовали разным обычаям, молились разным богам, но вместе их удерживала, по крайней мере поначалу, наряду с деньгами, вероятно, фигура предводителя. Он собрал их, муштровал, платил им жалованье и, что важнее, вдохновлял следовать за собой и сохранять верность даже в трудные времена, когда

денежный поток оскудевал. Его солдаты стали непобедимой силой на поле боя и были преданы ему даже в последние пять лет кампании, когда стало очевидно, что война будет проиграна. Все это — безусловное свидетельство таланта полководца, который не может не вызывать восхищения. Разумеется, требовалось пополнение их рядов, и новичков набирали в основном из числа проживавших на севере галлов, италийцев (бруттиев) и греков с юга полуострова. Как минимум один раз Ганнибалу удалось получить подкрепление из Северной Африки, включая слонов, когда пунийский флот смог достичь южного Адриатического побережья в районе города Локры (*Locri*).

Южная Италия и восточная часть Сицилии были известны в те времена как Великая Греция (*Magna Graecia*). В поисках плодородных земель и новых экономических возможностей греки колонизировали их еще в VIII в. до н. э. Одними из наиболее урожайных областей Великой Греции были Кампания и Апулия, здесь же располагались самые процветающие города во всей Италии. Кампания представляла собой узкую полосу земли между Тирренским морем и Аппенинскими горами. Согласно античным источникам, эта провинция превосходила другие запасами природных ресурсов и уже в то время была излюбленным местом отдыха римлян благодаря смягчающему летнюю жару прохладному морскому бризу. Своими природными богатствами эта область была во многом обязана вулкану Везувию, вокруг которого веками образовывались слои богатой фосфором и калием почвы. Кампания стала центром производства оливкового масла и виноградарства, а ее вина, включая крепкое и сухое фалернское (по сути, херес), экспортировались по всему Средиземноморью.

Важнейшими городами провинции на западном побережье были Кумы (*Cumae*), самая древняя из греческих

колоний, Неаполь, крупный порт, и Капуя (*Capua*), основанная этрусками в конце VI в. до н. э. и бывшая самой богатой из трех вышеназванных. И хотя каждый из этих городов был связан договором с Римом, они сохраняли собственный язык, форму правления и законы. На восточном побережье провинции также располагалось несколько других процветающих городов: Кротон (*Crotone*), Петелия (*Petelia*), Сибарис (*Sybaris*), Гераклея (*Heraclea*), Метапонт (*Metapontum*) и Тарент (*Tarentum*). Сибарис, как и Капуя, славился своей роскошью, а Кротон, где жил знаменитый математик и философ Пифагор, долгое время являлся центром культуры, медицины и науки. Тарент изначально был спартанской колонией и мог похвастаться лучшей естественной гаванью на всем восточном побережье Италии. При всем процветании и культурном развитии эти города никогда не пытались объединиться и создать единое политическое образование. Периоды сотрудничества и соперничества сменяли друг друга, города-государства заключали временные политические и экономические союзы, но всегда упорно отстаивали свою независимость и сохраняли лишь слабые культурные связи со своими греческими метрополиями. Некоторые города видели в Ганнибале возможность ограничить или серьезно ослабить римское влияние на юге Италии и столкнуть стороны между собой. Они вели переговоры и с Римом, и с пунийцем, стараясь выторговать себе лучшие условия, а стоило обстоятельствам измениться, они тут же перебегали на другую сторону — опасный трюк, который зачастую вел к гибели тех, кто рискнул так поступить.

Внутренние области Италии были прямой противоположностью прибрежных регионов. Эти малоразвитые территории населяли в основном более примитивные и менее преуспевающие итальянские племена и кланы, например луканы и брутты. Веками они в той или иной степени находились

под культурным влиянием своих греческих соседей, и некоторые заимствовали их стиль в архитектуре и искусстве, религиозные обряды и даже язык. И в наше время, путешествуя по Южной Италии, в особенности вдоль Адриатического побережья, легко понять, почему Ганнибал сосредоточился именно на этом регионе. Руины греческих поселений тянутся вдоль всего побережья, территория ровная и открытая, а земля плодородна. Благодаря характеру местности здесь было значительно проще маневрировать и прокормить армию, чем в горных районах Центральной и Западной Италии. Кроме того, до юга Апеннинского полуострова было проще добраться из Северной Африки по морю, и этот регион наряду с Сицилией должен был стать естественным продолжением возрожденной морской империи Карфагена. В какой-то момент Ганнибал даже рассматривал возможность вырыть канал в самой южной и узкой части полуострова, чтобы изолировать ее от материка.

Некоторые греческие поселения перешли на сторону Ганнибала сразу после его победы у Канн. Апулийские города Салапия (близ Манфредонии), Арпы, чьи руины находятся к северо-западу от нынешней Фоджии, Ордона (к югу от Фоджии по автострате, возле небольшой коммуны Орта-Нова) вышли из конфедерации, стоило Ганнибалу предложить им союз с Карфагеном и освобождение от римских налогов и культурного гнета. Им обещали процветающую жизнь в новой Италии, взаимовыгодные торговые связи с Северной Африкой и отсутствие воинской повинности. Во время переговоров Ганнибал прибегнул к популистской риторике и говорил о свободе и возможности самоопределения. Он использовал в своих интересах разногласия между соперничающими фракциями в городах, заключая сделки и обещая финансовую и военную поддержку любой стороне, которую мог использовать в борьбе с Римом. Его обещания

нашли широкий отклик среди бедняков — городских ремесленников и крестьян. Но богачи чаще всего отклоняли его предложения, так как были связаны с Римом брачными союзами и экономическими соглашениями, которые виделись им более прибыльными и надежными.

От Канн Ганнибал двинулся с армией на запад и захватил город Компса (современная Конца-делла-Кампания), находившийся на границе областей Лукания (Базиликата) и Кампания. Здесь правили два враждующих клана — Гирпины и Мопсии. Первые поддерживали пунийца и выгнали из города проримски настроенных аристократов Мопсиев. Ганнибал оставил в городе обоз и большую часть добычи, полученной при Каннах. Тот же сценарий повторялся и в других поселениях Южной Италии. Один из правителей Салапии по имени Дасий сдал карфагенянам город в обмен на помощь в изгнании проримской фракции, возглавляемой его противником¹.

В Компсе Ганнибал разделил армию на три части. Отряд под командованием своего брата Магона, племянника Ганнона и одного из своих главных командиров Гимилькона он отправил в Луканию и Бруттий. Долгое время враждовавшие с Римом и при этом завидовавшие процветанию греческих городов-государств на Адриатике бруттии стали для карфагенян ценным источником рекрутов. Союз с Ганнибалом давал им возможность сбросить римское ярмо и заодно нажиться при разграблении греческих поселений, отказавшихся присоединиться к пунийцам. Впоследствии Магон, Ганнон и Гимилькон разделили свои силы. Последний взял на себя осаду Петелии (совр. *Стронголи*), греческого прибрежного города. Здешние жители были одними из самых преданных союзников Рима и держались год, пока не начался голод, из-за которого им пришлось есть траву, кожу и древесную кору². Отчаявшиеся защитники города смогли послать мольбу о помощи римлянам, но получили отказ из-за

их удаленного положения на самом юге полуострова. И все равно они сражались до последнего, а когда город пал, Гимилькон отдал его на разграбление бруттиям. Большая часть жителей была убита, а выжившие проданы в рабство.

Используя Петелию как пример участи тех, кто не пожелал вступать в союз с карфагенянами, Магон заключал соглашения с другими городами на Адриатике или нападал на тех, кто отказывался или колебался. После недолгого пребывания в Бруттии Магон отплыл на корабле в Карфаген, скорее всего, из порта Локры на самой южной оконечности полуострова, чтобы сообщить о победе Ганнибала при Каннах и попросить у сената подкрепления и денег для продолжения войны. Ганнон и Гимилькон остались в этой провинции, продолжая штурмовать города и набирать новых солдат.

После Компсы Ганнибал с основными силами вернулся в Кампанию, чтобы захватить порт на берегу Тирренского моря. Укрепленные города-союзники Рима образовывали дополнительную линию обороны вокруг Неаполя, самыми важными из них были Капуя, Ацерры, Свессула, Кумы, Нола, Нуцерия и Казилин. Соединенные Латинской дорогой, они защищали главную житницу Рима. В этой области с удобной береговой линией находилось несколько важных портов помимо Неаполя, в частности Кумы, расположенные от него в 19 км к западу, и ПUTEОЛЫ (совр. *Позzuоли* всего в нескольких километрах к югу от Неаполя). Это было уже второе вторжение Ганнибала в Кампанию после того, как ему удалось прорваться сквозь римский заслон с помощью быков, к рогам которых были привязаны факелы.

Неаполь был тем трофеем, на который пуниец нацеливался изначально. Он был основан греками в VI в. до н.э., и его название буквально означает «новый город». Если бы Ганнибалу удалось превратить Неаполь в свой опорный пункт, это облегчило бы ему связь с Карфагеном, открыв доступ

к подкреплению из Северной Африки и Испании, ведь города находятся на расстоянии всего 313 морских миль (морская миля составляет 1,8 км. — *Прим. пер.*) друг от друга. Если море было спокойным, при благоприятном ветре эту дистанцию в античности можно было преодолеть за три, максимум четыре дня. Это позволяло избежать более опасного плавания от Адриатического побережья Италии вдоль юго-восточной оконечности Сицилии, где часто бывали штормы. Но, когда Ганнибал увидел защищающие город мощные укрепления и внушительный римский гарнизон, он отказался от этой идеи и обратил свое внимание на Капуя.

Это был запасной план пунийца на случай, если ему не удастся взять Неаполь. В то время Капуя являлась одним из самых крупных и процветающих городов Италии³. Античные источники утверждают, что ее жители были развращены «излишней демократией» и не знали меры, когда речь шла о роскоши. Капуя, с точки зрения римлян, не соответствовала нормам морали и гражданского долга, поскольку десятилетиями ее население имело столько свобод, что утратило способность к самоограничениям и дисциплине. Богатство жителей было столь велико, что они были способны позволить себе больше, чем могли желать для счастья. Такое описание Капуи очень точно отражает убежденность римлян времен республики в том, что чрезмерная свобода и расточительство ведут человека к гибели. Идеалом ранней республики считалось общество морально устойчивых людей, ведущих простую жизнь, исполненных патриотических, религиозных и гражданских чувств. Но после Пунических войн, когда Рим превратится из простой республики в процветающую империю, эти представления радикально изменятся.

Капуя легко переметнулась на сторону Ганнибала, подарив ему целый арсенал лучшего во всем античном мире оружия. В городе процветали ремесла, и помимо оружейного

и стекольного производства его жители достигли больших успехов в парфюмерном деле. Недавние раскопки на рынке Капуи, где продавались благовония (*seplasia*), подтверждают литературные свидетельства о любви местных жителей к роскоши. Еще одно доказательство благосостояния города — найденные монеты, датируемые 216–211 гг. до н. э., когда городом владел Ганнибал. А готовые изделия из металла и меди экспортировали по всему античному миру — даже в Шотландию.

Ганнибал уже доказал жителям Капуи, что способен одолеть римские войска, и в случае поддержки обещал городу достойное место в новой Италии, которую собирался создать. Он заверил сенаторов, что Капуя станет административным и торговым центром конфедерации италийских и греческих городов-государств, а после войны обещал вернуть плодородную долину Фалернского поля, захваченную римлянами двумя веками ранее⁴.

Но правители Капуи были ловкими дельцами и решили стравить врагов, чтобы выторговать себе максимально выгодные условия. Прежде чем заключить соглашение с Ганнибалом, они отправили делегацию к римскому консулу в Везувию (совр. *Везуви* неподалеку от Компсы). Послы сообщили ему, что готовы рассмотреть любые предложения, которые убедят их остаться в конфедерации. В ответ консул напомнил о долгом союзе их города с Римом и пришедшем с ним процветании. Он заявил, что римляне ждут от Капуи людей и денег на войну с Ганнибалом в знак уважения предыдущих договоренностей⁵.

Делегация вернулась в Капую и передала сенату ответ консула. Сенаторы решили в обход него обратиться напрямую в Рим, чтобы выторговать себе наиболее выгодные условия. Взамен сохранения союза послы потребовали, чтобы один из двух избираемых ежегодно римских консулов был

родом из Капуи. Эта должность была самой высокой в управленческой системе Рима, и консулы не только командовали армиями во время войны, но и руководили государством в периоды мира. Большой властью обладал только диктатор. Так что римляне сразу же ответили отказом, приказав посланникам покинуть город до захода солнца. После этого сенат Капуи отправил делегацию к Ганнибалу, и тот быстро согласился на все их требования. Чтобы закрепить сделку, пуниец заверил послов, что после окончания войны Капуя станет самым могущественным и процветающим городом в Италии.

Несмотря на громкие обещания Ганнибала, послы захотели сперва четко установить условия, на которых они перейдут на его сторону. Согласно их требованиям, во-первых, ни один их гражданин не мог быть призван в армию Ганнибала против воли, а во-вторых, город сохранял форму правления и законы без какого-либо вмешательства со стороны карфагенян. Наконец, чтобы склонить кампанцев на свою сторону, Ганнибал согласился обменять 300 наиболее ценных своих римских пленников на такое же число молодых отпрысков аристократических семей Капуи, служивших в то время на Сицилии в римской кавалерии. И хотя официально эти юноши числились не в римской армии, родственники сомневались, что их служба была полностью добровольной. Кроме того, их могли взять в заложники, чтобы гарантировать верность города Риму.

Капуя сдалась, и вошедшего в город Ганнибала встретили словно героя. Улицы наполнились желающими увидеть человека, который поставил римлян на колени в битве при Каннах. Любопытно, что источники расходятся относительно того, кто именно встречал Ганнибала в тот день. Один из них утверждает, что пунийца сопровождали сенаторы и толпа бедняков — черни, или *turba*, как называли их римляне.

Другой же автор настаивает, что Баркида приветствовали аристократы, их жены и дети⁶. С самого начала Ганнибал показал свою власть над городом. По натуре он был тираном и имел репутацию «вспыльчивого» человека, склонного к приступам гнева. Пуниец демонстрировал замашки эгоистичного диктатора с того самого момента, как вошел в городские ворота. В угоду ему всех находившихся в Капуе римлян — живших там постоянно или приехавших по делам или на отдых и чиновников — согнали в одну из общественных бань. Двери замуровали, и все пленники погибли от удушья в страшных муках. Этот рассказ можно найти у Тита Ливия, не скрывающего своей проримской позиции и настроенного против Капуи, поэтому многие современные историки относятся к нему со скепсисом⁷. Ганнибал не приказывал их убивать, это сделала толпа, но он и не осудил ее действия. Другой вариант этой истории фигурирует в более позднем источнике, где утверждается, что после взятия близлежащего города Нуцерия Ганнибал приказал запереть симпатизировавших Риму сенаторов в банях, где они сварились заживо. Эти свидетельства могли быть придуманы римскими историками в пропагандистских целях, чтобы выставить Ганнибала в максимально невыгодном свете, но с той же вероятностью они могут быть правдивы.

После расправы над оппозицией следующим пунктом в повестке Ганнибала было выступление перед сенатом. Но кампанцы убедили его отложить все серьезные обсуждения на более поздний срок и провести день, осматривая город. Ганнибал, склонный в первую очередь решать деловые вопросы, не хотел обидеть новых союзников и нехотя согласился. Во время прогулки он почти не обращал внимания на обычные достопримечательности вроде храмов и площадей, но при этом подробно расспрашивал гидов о том, сколько солдат способен выставить город, о длине, высоте и толщине стен, о запасах зерна и размерах казны.

В конце экскурсии Ганнибала пригласили остановиться в доме братьев Целеров — одних из наиболее богатых и могущественных сенаторов Капуи. Чтобы почтить своего гостя, они устроили пир, который удовлетворял любым прихотям, «как и полагается в городе и доме богатом, привыкшем к роскоши»⁸. По всему городу были накрыты столы для солдат Ганнибала. Они были доверху уставлены шедеврами местной кухни, а вино, которым так славилась Капуя, лилось рекой. По требованию Ганнибала, на пиршество в доме Целеров было допущено лишь несколько избранных — сами братья, сын одного из них и «доблестный воин» Вибеллий Таврея, лучший среди всадников Кампании. Также на застолье присутствовали несколько главных командиров пунийца и небольшое число его телохранителей.

Во время пира стало известно о плане покушения на Ганнибала⁹. В заговоре участвовал сын Пакувия Целера, убеждавший сенат Капуи перейти на сторону карфагенян. Юноша, в отличие от отца, был страстно убежден в том, что город должен остаться союзником Рима, и о его взглядах доложили Ганнибалу. Ранее в тот день Пакувий молил Ганнибала простить его сына, и тот даже разрешил мальчишке прийти на пир. Вечером сын отвел отца в сторонку, показал ему меч и рассказал, что собирается заколоть пунийца, возлежавшего за столом. Пакувий в ужасе умолял сына не позорить честь семьи, проливая кровь гостя и нарушая клятву верности Ганнибалу, данную им в сенате. Сначала ему придется пронзить этим мечом отца, говорил Пакувий. Движимый любовью отец обнимал сына и со слезами упрашивал отказаться от замысла. Он предостерегал, что Ганнибал — не обычный человек, его охраняют боги на небе и могучие телохранители на земле. Он слишком проворен, чтобы его мог убить мальчишка, броня его сделана не из железа или бронзы, а из славы, заработанной в боях. Исполненный уважения

к отцу, сын поддался на его уговоры и выбросил меч, после чего они рука об руку вернулись к столу.

Когда Ганнибал только оказался в усадьбе Целеров, он неодобрительно заметил хозяевам, что такой пир идет вразрез с «карфагенскими воинскими обычаями». Поначалу он лег на свою скамью и ел в тишине. Но время шло, он ослабился и откинулся поудобнее, чтобы насладиться певцами и музыкантами, игравшими на лирах. Постепенно Ганнибал поддавался соблазнам кампанской роскоши. Позднее, когда гости обратились к плотским удовольствиям, Ганнибал стал проявлять интерес к одному из мальчиков-певцов. Согласно источникам, он предпочел именно его компанию оргии с участием остальных гостей и рабынь, не догадываясь, что смерть прошла всего в нескольких шагах от него. Пуниец едва не лишился жизни, что повлияло бы на ход не только войны, но и истории вообще.

На следующий день Ганнибал выступил перед сенатом, благожелательно напомнив о своем обещании, что после войны Капуя станет столицей новой Итальянской конфедерации, а Рим утратит доминирующий статус на полуострове. Закончив речь, Баркид сел на место для судей, известное как «трибуна магистратов». Дружеский тон сменился на суровый, когда он потребовал арестовать одного из виднейших жителей города и открытого сторонника сохранения союза с Римом Магия Деция. Тот откровенно выступал в поддержку римлян и нарочито не стал присоединяться к другим сенаторам и их семьям, когда они встречали Ганнибала у ворот Капуи. Магий активно призывал не позволять карфагенянам вступить в город и даже убеждал сограждан преградить им путь своими телами, если потребуется. Он осудил расправу над римлянами в банях и выступал за убийство пунийцев, вставших гарнизоном в Капуе. Деций предстал перед судом в цепях, и Ганнибал, взяв на себя роль обвинителя,

разразился обличительной речью. Остальные сенаторы сидели в молчании, что лишь подчеркивало верховенство Баркида. Когда вина Магия была признана, тот выкрикнул, обращаясь к сенаторам, риторический вопрос: таким ли они видели правосудие для кампанцев при их новом карфагенском властителе?

Участь Магия обеспокоила многих в сенате, но еще больше взволновала толпу, собиравшуюся снаружи по мере распространения известий о его аресте и суде. Ганнибал признал Деция виновным в нарушении условий нового союзнического договора, согласно которому гражданина Капуи могли судить только кампанские магистраты по законам самого города. Магий не нарушил ни одного закона Капуи, но Ганнибал пренебрег законностью и объявил Деция слишком опасным для того, чтобы оставаться в городе, назвав «подстрекателем к мятежам и бунтам». Он предпочел бы казнить его, но, учитывая настроения народа, это было опасно. Смерть Деция могла еще больше распалить людей и наверняка превратила бы его в мученика. Стремясь избежать народных волнений, Ганнибал приказал посадить Магия на корабль, следующий в Карфаген. В открытом море судно попало в шторм и, сбившись с курса, оказалось в порту египетской Александрии. Магий получил политическое убежище от фараона Птолемея IV и, по всей видимости, провел остаток жизни в Египте.

Взятие Капуи оказалось для Ганнибала палкой о двух концах. С одной стороны, он получил могущественного и богатого союзника, но в то же время не сохранилось никаких записей о том, что кампанцы служили в его армии, как это делали их соседи из Бруттия и Лукании. При этом Ганнибал взвалил на себя тяжелое обязательство защищать нового союзника от римского возмездия, которое не заставило себя ждать и было суровым. Союз с пунийцем обещал Капуе

возможность увеличить свое благосостояние в краткосрочной перспективе и шанс повысить собственный авторитет в античном мире — в долгосрочной, сохранив при этом независимость после завершения войны. Но в реальности он обернулся разрушением города, так как Ганнибал не сумел помешать мести римлян.

Покинув Капуу, Ганнибал двинулся на юг к Нуцерии, окружил город и пообещал защитникам безопасный выход, если те сдадутся без сопротивления. Они согласились и покинули город, пуниец устроил засаду, и от стрел его лучников погибло в том числе множество сопровождавших их женщин и детей. Когда Ганнибала спросили, почему тот не сдержал слово, пуниец ответил словами Александра Македонского, поступившего так же более 100 лет назад в Индии. Хотя он гарантировал защитникам безопасный выход из города, он ни словом не обмолвился о том, что произойдет с ними за его воротами. Захватив Нуцерию, Ганнибал приказал запереть сенаторов в банях, где они задохнулись¹⁰.

Разместив в Нуцерии свои войска, карфагеняне напали на несколько близлежащих городов, в том числе на Нолу, Ацерры и Казилин. Нола представляла собой крепость в окрестностях Неаполя, и симпатии ее жителей в этой войне разделились в зависимости от их классовой принадлежности. Богачи и аристократы твердо выступали за сохранение верности Риму, а плебеи видели в Ганнибале предвестника перемен и возможность изменить свои судьбы. Пуниец отправил послов для переговоров, и аристократы, желая выиграть время, согласились обсудить с ними условия союза. При этом сенаторы втайне отправили делегацию к претору Марку Клавдию Марцеллу в Казилин с просьбой о помощи, затягивая тем временем переговоры с Ганнибалом¹¹. Из выборных должностей пост претора был вторым в административной иерархии Рима и позволял командовать армией.

Марцелл согласился и, чтобы избежать встречи с Ганнибалом, кратчайшим путем через горы достиг Нолы без каких-либо происшествий. Он прибыл как раз вовремя, вступив в город раньше карфагенян и до того, как симпатизирующие им граждане свергли правительство. Для римлян ворота были открыты, и благодаря проримской аристократической фракции в сенате, а также собственным солдатам Марцеллу удалось сохранить верность Нолы. И все равно претор был обеспокоен. Он опасался плебса, в особенности одного молодого агитатора по имени Луций Бантий, сражавшегося при Каннах в римской армии, а теперь призывавшего к союзу с Ганнибалом. Бантий был ранен при Каннах и завален горой трупов. Карфагенские солдаты нашли его и выходили. Когда юноша выздоровел, Ганнибал отпустил его домой с дарами и почестями, поэтому Бантий очень хорошо о нем отзывался и убеждал сограждан, особенно бедняков и рабочий люд, присоединяться к делу карфагенян. Но Марцелл не стал арестовывать Луция и предпочел попытаться переманить его на свою сторону. Он отметил его заслуги, похвалил за храбрость, проявленную при Каннах, а под конец одарил деньгами. Это сработало, но, хотя Марцеллу и удалось завоевать расположение Бантия, в городе еще оставалось множество враждебно настроенных к Риму людей.

Когда Ганнибал подошел к Ноле, претор отвел свои войска в крепость. Марцелл оказался в ловушке: снаружи был враг, а внутри — группировки, способные обрушиться на него в любой момент. Ему удавалось сдерживать враждебные силы в городе и одновременно совершить несколько удачных вылазок против карфагенян. И хотя нельзя сказать, что Марцелл победил Ганнибала у Нолы, он вынудил пунийца отступить и начать поиски более простой цели. После этого претор обратил свое внимание на жителей, которых

подозревал в поддержке Ганнибала, и около 70 ноланцев были обезглавлены.

После Нолы Ганнибал двинулся к Ацеррам, расположенным примерно в 40 км к северо-востоку от Неаполя. По обыкновению, он выслал вперед послов, чтобы убедить правителей города добровольно перейти на его сторону или, по крайней мере, сдаться без боя. Когда жители узнали о приближении карфагенян, многие из них, включая тех, кто должен был защищать город, сбежали под покровом темноты. Ганнибал без всякого сопротивления вошел в Ацерры и отдал город на разграбление своим солдатам.

Следующей целью пунийца из-за важного стратегического положения на пересечении двух главных римских дорог — Аппиевой и Латинской — стал укрепленный Казилин. Развалины этого древнего города были раскопаны менее чем в 5 км от Капуи на глубине примерно 7 м относительно поверхности земли. Ганнибал вновь отправил вперед послов, чтобы договориться о добровольной сдаче небольшого гарнизона из 500 солдат, в котором служили выходцы из латинского городка Пренеста (*Praeneste*), расположенного к югу от Рима. Эти воины направлялись к Каннам, собираясь принять участие в битве, когда их настигла весть о разгроме римлян, после чего они решили вернуться в Казилин. Войдя в город, солдаты жестоко расправились со всеми жителями, симпатизировавшими карфагенянам. Позднее этот гарнизон был усилен еще пятью сотнями человек из Перузии (*Perusia*).

Казилин располагался неподалеку от Нолы, но Марцелл не мог оставить окрестности города из-за страха жителей города, опасавшихся, что, если римская армия их покинет, на них нападут италийские племена — союзники Ганнибала. Ганнибал выслал вперед отряд, чтобы тот провел переговоры о сдаче Казилина и в случае их провала начал осаду.

Но защитники города предприняли удачную вылазку за его ворота, вынудив карфагенский авангард отступить. Даже когда к пунийцам прибыли подкрепления во главе с известным критиком Ганнибала и командующим его конницей Магарбалом, их еще раз отбросили назад. Но затем к Казилину подошли основные силы карфагенян во главе с самим Ганнибалом и стали упорно штурмовать город. Согласно античным источникам, Ганнибал столкнулся с трудностями, убеждая своих солдат вступить в бой. Он упрекал их, пытаясь пристыдить, напоминал о храбрости, которую они продемонстрировали при Каннах и Тразименском озере, и обещал золото в награду тем, кому первыми удастся взобраться на стены. Это сработало, и воины снова пошли на приступ. Но защитники Казилина, несмотря на численное превосходство противника, вновь отбили атаку. Им даже удавалось делать ответные выпады, хотя в распоряжении Ганнибала теперь были слоны, доставленные морем из Северной Африки в порт Локры на южном побережье Адриатики¹².

Используя слонов, Ганнибал усилил натиск, но все было без толку. Пунийцы рыли шахты в попытках разрушить отдельные участки стен, в ответ защитники города делали подкопы, чтобы обвалить тоннели нападавших. Ганнибалу так и не удалось взять Казилин, который Ливий насмешливо охарактеризовал как «маленький город и маленький гарнизон»¹³. Разочаровавшись в этом предприятии, Ганнибал бросил попытки овладеть городом, оставив у стен лишь немногочисленный отряд, чтобы защитники не подумали, что он сдался, и вернулся на зимовку в Капую с большей частью своей армии. Лишь следующей весной Казилин пал, и Ганнибал оставил в городе гарнизон из 700 человек.

Зима в Капое подорвала дух его солдат, повлияв на них так же, как Вавилон повлиял на войско Александра Македонского веком ранее после победы над персидским царем

при Гавгамелах. В обоих случаях проблемой стал вкус легкой жизни без каких-либо тягот. Трудности, с которыми они столкнулись при переходе через Альпы и в боях в Италии, закалили солдат Ганнибала, но «чрезмерные наслаждения» в Капуе перечеркнули все¹⁴. В окружении роскоши карфагеняне предавались чревоугодию и обильным возлияниям, все глубже погружаясь в праздность и распутство¹⁵. А поскольку еда, вина и безделья было недостаточно, Венера завершила начатое ими, наслав на пунийцев армию блудниц¹⁶.

Ганнибал тоже стал жертвой роскоши и легкой жизни. Впав в праздность и распутство той зимой, он сделал столь большую ошибку, что сравниться с ней может лишь его отказ совершить поход на Рим после побед при Тразименском озере и Каннах. Весной Ганнибал оставил Капуу и еще раз попытался взять Неаполь. Но армия под его командованием уже была не та, с которой он переходил через Альпы и сражался при Треббии, на Тразименском озере и при Каннах. От былого духа воинского товарищества не осталось и следа, он растворился среди девок и прочих увеселений. Карфагенянам не хватало ни душевных, ни телесных сил, чтобы справиться с тяготами возобновившихся походов, они вечно жаловались и походили больше на зеленых новобранцев, чем на закаленных ветеранов. Заметно участились случаи дезертирства, и многие солдаты Ганнибала, не зная, куда податься, просто возвращались в свои излюбленные притоны в Капуе. Среди бежавших и переметнувшихся на сторону Рима были даже его нумидийские всадники и испанские ветераны. Незадолго до этого римляне привезли в Италию наемников из Испании, чтобы сражаться с Ганнибалом, и, видимо, шпионы проникли в его армию, убеждая соотечественников сменить знамена¹⁷.

Теперь единственной защитой войска Ганнибала была его репутация. Вторая попытка взять Неаполь также про-

валилась, и античные источники намекают, что виной тому была не толщина городских стен, а беззаботная жизнь зимой, после которой карфагеняне растеряли дисциплину и желание сражаться¹⁸. Впрочем, не все солдаты Ганнибала провели зиму, наслаждаясь благами Капуи, и часть его отрядов продолжала осаду Казилина, павшего весной, когда голод довел жителей города до того, что они пытались жевать кожу и варить древесную кору, чтобы выжить¹⁹.

В Бруттии Ганнон и Гимилькон продолжали попытки подчинить местные италийские племена и греческие города, а также набрать новых рекрутов. После падения Петелии Гимилькон повел войско на запад в окрестности Консентина (совр. *Козенца*), сохранившего верность Риму, но быстро сдавшегося карфагенянам. Греческие города Кротон и Локры, располагавшиеся на западном побережье, были взяты Ганноном и его союзниками-бруттиями. Только Регий (совр. *Реджо-ди-Калабрия*), находившийся на самой дальней оконечности полуострова через пролив от Сицилии, выстоял под натиском пунийцев.

Магон покинул Южную Италию и, выйдя из находившегося под контролем Ганнона порта Локры, отплыл в Карфаген, чтобы сообщить о победе при Каннах и добиться от сената денег и подкреплений. Войдя в зал заседаний, он высыпал на пол золотые кольца, сорванные с пальцев убитых римских всадников. Это был выразительный жест, ведь, согласно источникам, их объем составлял почти четыре пека²⁰. Магон перечислил восторженным сенаторам победы своего брата над римскими консулами Сципионом-старшим у Тицина, Семпронием при Треббии, Фламинием при Тразименском озере, Павлом и Варроном у Канн. Двое из пяти консулов были убиты на полях сражений. Затем Магон рассказал, как Ганнибалу удалось сбежать из ловушки, расставленной римским диктатором Фабием Максимом в Кампании,

и о том, что не только греки, но и итальянцы в Бруттии, Апулии, Самнии и Лукании предали Рим и стекаются под знамена карфагенян — это небольшое преувеличение должно было помочь завоевать поддержку сената. Ганнибал, по словам Магона, был близок к победе, и первоочередной задачей было обеспечить его ресурсами, необходимыми для завершения войны: деньгами, воинами и хлебом.

Сторонники Баркидов в сенате пришли в восторг от этих новостей, в насмешку над оппонентами они спрашивали, жалуют ли они теперь, что изначально выступали против победоносной кампании, призванной восстановить величие Карфагена. Но, когда взял слово последовательный противник войны с Римом Ганнон, из уважения к его возрасту и влиянию сенаторы умолкли. Он объяснил, что, хотя и радуется со всеми победам Ганнибала, по-прежнему скептически настроен к войне. Лишь когда война окончена, можно назвать победителя и, что не менее важно, узнать ее истинную цену. Он выразил также беспокойство в связи с тем, что Ганнибал прислал Магона просить денег на продолжение кампании, которая еще несколько месяцев назад должна была завершиться и компенсировать затраты трофеями. И хотя количество колец римских эквитов впечатляло, их было явно недостаточно, чтобы покрыть расходы на подкрепления, которых требовал Магон.

После этого Ганнон обратился к Магону с вопросом, пытались ли римляне договориться о мире после каждой из побед Ганнибала. Под напором сенатора, напоминающим перекрестный допрос, Магон был вынужден ответить отрицательно. Ганнон спросил, сколько греческих и итальянских городов, деревень и племен покинули римскую конфедерацию, и Магону пришлось признать, что их было не так много, как хотелось бы пунийцам. Также он признал, что римляне по-прежнему располагали значительным запасом ресурсов

и могли продолжать войну без каких-либо ограничений. Ганнон согласился, что Ганнибал добился большого успеха за короткий промежуток времени, но при этом подчеркнул, что Карфаген не может позволить втянуть себя в долгосрочный конфликт с настолько непоколебимым противником, обладающим практически бесконечными резервами, в том числе и людскими. Также Ганнон предупредил о непредсказуемости войны, когда победа уже завтра может смениться поражением, в чем Карфаген мог убедиться во время первого столкновения с Римом. Он призвал воспользоваться плодами успехов Ганнибала и предложить Риму завершить конфликт на выгодных для Карфагена условиях. В завершение своего выступления Ганнон предостерег других сенаторов от излишней самоуверенности, подчеркнув, что Баркид пока выиграл лишь несколько сражений, но не саму войну.

Но воодушевленный победами Ганнибала сенат не был настроен слушать Ганнона. Многие сенаторы с подозрением относились к нему из-за многолетней вражды с Баркидами и попросту устали от постоянных жалоб. Почти единодушно они постановили обеспечить Ганнибала ресурсами, необходимыми для продолжения войны, и проголосовали за то, чтобы отправить Магона обратно в Италию с 4000 нумидийских всадников, 40 слонами и большим количеством серебра. Но пока Магон готовился к отплытию, все изменилось. Гонцы принесли весть, что армия под руководством брата Ганнибала Гасдрубала разбита Сципионами на берегу реки Эбро в Испании.

Римляне перешли через эту реку ранней весной 215 г. до н. э. и осадили небольшой городок под названием Ибера. В ответ Гасдрубал осадил близлежащий город Дертосу (совр. *Тортоса*), находившийся в союзе с Римом. Сципионы выступили против Баркида, встретившего их на равнине близ реки Эбро. Главными проблемами Гасдрубала в Испании

были державшие его в напряжении римские армии и все более беспокойные местные племена, чье недовольство карфагенянами только росло. Несколькими месяцами ранее, когда сенат в Карфагене приказал Гасдрубалу покинуть Испанию и присоединиться к Ганнибалу в Южной Италии, он предупредил, что, если его армия покинет страну, ею завладеют римляне. В ответ из Карфагена в Испанию выслали другое войско во главе с Гимильконом, которому было приказано освободить Гасдрубала, позволив тому отправиться в Италию.

Когда Сципионы узнали о намерении Гасдрубала добраться до Ганнибала, они сделали все, чтобы остановить его, прекрасно понимая, что в противном случае Рим может проиграть войну. Братья стянули свои силы к реке Эбро, чтобы помешать Гасдрубалу достичь Пиренеев. Сципионы сказали солдатам, что их семьи рассчитывают на них: те не должны пустить врага в Италию. У испанских же солдат в армии Гасдрубала, вероятно, не было подобных обязательств. Большая их часть, особенно среди пехотинцев, и вовсе предпочла бы не тащиться в Италию и сражаться за Карфаген, а остаться на родине, пусть даже под римским правлением. Когда противники сошлись в бою, испанцы, находившиеся в центре, стали отступать, хотя карфагенские наемники и африканцы на флангах пытались держать строй. Но их сил было недостаточно, чтобы сдержать атаку римлян по центру. Иберы понесли тяжелые потери и, как только их строй был прорван, обратились в бегство. Карфагенские всадники, увидев, что центр не выдержал римского натиска, также отступили, оголив фланги. Гасдрубал был разбит и с небольшим отрядом бежал на юг к Новому Карфагену. Эта битва перевернула ход войны в Испании. Иберские племена, до этого колебавшиеся, чью сторону выбрать, примкнули к римлянам, а Гасдрубал потерял последнюю надежду

на то, что ему удастся привести войско в Италию на помощь брату. Лишь через девять лет (в 207 г. до н. э.) он сможет покинуть Испанию и отвести вспомогательную колонну через Альпы к Ганнибалу.

После поражения при Эбро сенат Карфагена приказал Магону отправиться со своей армией в Испанию и одновременно послал примерно такой же отряд на Сардинию, чтобы спровоцировать на острове восстание против римлян. Если бы Гасдрубал победил при Ибере и впоследствии сумел присоединиться к брату, то к 214 году до н. э. в Италии оказалось бы четыре карфагенские армии, возглавляемые Ганнибалом, Гасдрубалом, Магоном и Ганноном, и война продолжилась бы по другому сценарию. Но поражение при Эбро лишило Ганнибала надежды на необходимые ему испанские резервы и обесценило его политический капитал, заработанный им в Карфагене благодаря победе при Каннах. Сципионы разделили свои силы: Гней возглавил сухопутные войска, а Публий — флот. Они придерживались осторожной тактики, предпочитая не вступать в прямые столкновения с карфагенянами, и сконцентрировались на том, чтобы переманить на свою сторону или подчинить силой как можно больше иберских племен, блокируя при этом побережье и совершая налеты на пунийские крепости.

Известие о том, что Ганнибал пересек Альпы, пришлось по душе македонскому царю Филиппу V, но еще больше его обрадовали сообщения о победах при Треббии и Тразименском озере. Филипп вззошел на трон в 221 г. до н. э. в возрасте 17 лет и в силу молодости отличался горячим нравом. Он стремился изгнать римлян со своих северных границ — из региона, известного как Иллирия (территории современных Албании, Черногории, Боснии и Хорватии), — и расширить царство на юг за счет Греции. Филипп видел в Ганнибале союзника, способного помочь ему реализовать его амбиции,

но при этом был достаточно осторожен, чтобы сохранять внешний нейтралитет и не провоцировать римлян, тех, что были у него на севере, и тех, которых от его владений отделяло лишь короткое плавание через Ионическое море. Он ждал, как будет развиваться конфликт между Римом и Карфагеном, и лишь после битвы при Каннах послал делегацию к Ганнибалу с предложением официально заключить союз.

Послы Филиппа отплыли из македонского порта в начале лета 215 г. до н.э. Они обошли тщательно охраняемые римским флотом Брундизий (*Brundisium*) и Тарент (*Tarentum*) и высадились южнее возле Кротона неподалеку от храма Юноны Лацинии (римское имя греческой богини Геры. — *Прим. пер.*). Оттуда они двинулись по суше на север и были схвачены римскими фуражирами. Македонян отвели на допрос к претору Валерию Левину, стоявшему лагерем возле Луцерии (*Luceria*), расположенной немного северо-западнее современной Фоджи. Глава делегации Ксенофан попытался обмануть претора и убедить его в том, что их отправили заключить договор о дружбе и взаимопомощи между Римом и Македонией. Поверив его рассказам, Левин, впечатленный важностью миссии, предоставил Ксенофану полную информацию о самом безопасном пути в Рим, отметив на карте, какими дорогами и перевалами нужно пользоваться македонянам, чтобы не попасть в руки пунийцев. Благодаря охранной грамоте те прошли через римские гарнизоны в Кампанию и отправились на поиски Ганнибала.

Делегация встретила с ним и заключила соглашение, согласно которому Филипп обязался выслать большой флот из 200 кораблей, чтобы разорить Адриатическое побережье Италии. После этого солдаты должны были сойти на берег и помочь Ганнибалу покорить остальной полуостров. После окончания войны Италия со всеми ее богатствами отошла бы Ганнибалу, и тот взамен обещал воевать с врагами Филиппа

в Греции. По условиям договора городам-государствам материковой Греции и островам вдоль македонского побережья предстояло стать частью царства Филиппа. Договор интересен как свидетельство намерений Ганнибала относительно Рима после окончания боевых действий. Судя по всему, он не собирался его уничтожать и хотел лишь сократить римское влияние до уровня других итальянских городов-государств.

На переговорах Ганнибала с македонянами присутствовали три посланника из Карфагена — признак того, что Баркид не обладал всей полнотой власти, чтобы говорить от лица города. Они могли быть частью политической делегации, сопровождавшей его армию на постоянной основе, или же были специально отправлены в Италию для обсуждения и ратификации именно этого договора. Но в таком случае почему их не послали из Карфагена напрямую в Македонию, бывшую гораздо более безопасным местом для проведения переговоров? Так или иначе соглашение было достигнуто, и македонские послы отправились обратно на родину вместе с представителями Карфагена. Они незамеченными пробрались на юг и сели на корабль, тайно пришвартованный возле мыса Лацинии. Но римские корабли перехватили их на выходе в открытое море, и послы, не имея возможности уйти от погони, были вынуждены сдаться, после чего их отправили к консулу в Тарент.

Ксенофан вновь попытался выкрутиться, заявив, что делегации не удалось достичь Рима и она была схвачена на пути домой. Но когда стали допрашивать карфагенских послов, их говор вызвал подозрения. Рабов подвергли пыткам, чтобы установить личности хозяев и истинные цели миссии. После этого македонян и карфагенян разделили, заковали в цепи и посадили на корабль, идущий в Рим. Пройдя Мессинский пролив, судно причалило в Кумах, откуда пленников

отправили в Рим по суше. Когда римские сенаторы узнали о связях между Ганнибалом и Филиппом, они выделили средства на создание флота из 50 кораблей и отправку их вместе с войском в Иллирию, чтобы македонский царь держался подальше от Италии. Филипп не знал о том, что его послы схвачены, и, не получив от них никаких известий, через несколько недель отправил другую делегацию. Ей удалось достичь Ганнибала и подтвердить условия договора, но к тому времени Филипп уже был больше озабочен передвижениями римлян на своей северной границе и их попытками создать антимакедонскую лигу из греческих городов на юге. Момент оказался упущен, теперь у царя было слишком много проблем, чтобы поддержать Ганнибала. С 214 по 207 г. до н.э. у Филиппа хватало собственных забот в Македонии и Греции, и он почти ничем не мог помочь пунийцу.

Ганнибалу все еще был необходим крупный порт, и после тщетных попыток заполучить его на западном побережье в районе Неаполя он обратил свой взгляд на восточное, где было два возможных пункта — Тарент и Брундизий (совр. *Таранто* и *Бриндизи*). Из Брундизия, расположенного на Адриатическом море на противоположном берегу от Иллирии, можно было быстро и относительно легко добраться до Греции, но там находился римский гарнизон, чьи корабли неустанно патрулировали побережье. Тарент располагался примерно в 80 км от Брундизия вглубь полуострова у Тарентского залива Ионического моря. Его порт славился самой большой и хорошо защищенной гаванью на всем восточном побережье Италии, в которую заходили все без исключения корабли, курсирующие между Грецией и западным Средиземноморьем. Пятью столетиями ранее город был основан спартанцами как убежище, в котором женщины, связавшись с рабами, пока их мужья были на войне, в безопасности переживали беременность и рожали младенцев. Тарент был

построен на полуострове, отделенном от материка лагуной, и доступ к нему охранялся укрепленной цитаделью, сохранившейся и поныне. Этот город с двумя гаванями для торгового и военного флота внешне удивительно напоминал Карфаген. Залив был богат рыбой, а на дне залегало одно из самых больших в Средиземном море скоплений моллюсков-иглянок, служивших источником для изготовления дорогостоящего красителя — пурпура. Его багряный цвет являлся символом царской власти, и одежда пурпурного цвета свидетельствовала о высоком статусе ее владельца в античном мире. Привозимая из сельской местности шерсть, выкрашенная пурпуром, добываемым из моллюсков Тарентского залива, принесла городу славу одного из главных текстильных центров античной Италии. Даже сегодня, несмотря на то что воды залива изрядно загрязнены, они по-прежнему изобилуют морскими гадами, а город разросся далеко вглубь полуострова.

Единственным недостатком Тарента была удаленность от Карфагена. Он располагался на значительно большем расстоянии, чем Неаполь, и путь из него пролегал через коварные и штормовые воды вдоль побережья Сицилии. С другой стороны, порт находился поблизости от Македонии, царь которой, Филипп, как предполагал Ганнибал, будет его новым союзником.

Переждав зиму в Арпах, весной 214 г. до н. э. Ганнибал двинулся в сторону Кампании. Там он снова обследовал крепостные стены Неаполя, убедился в их неприступности и разграбил несколько мелких городков и деревень вдоль побережья. Летом небольшая делегация тарентских аристократов прибыла в ставку Ганнибала на Авернское озеро чуть южнее Неаполя с советом, как тому взять город. Все эти молодые мужчины сражались против Ганнибала на стороне римлян — кто при Тразименском озере, кто при Каннах, но остались в живых

и попали в плен. Вскоре Ганнибал освободил их в знак милосердия в отношении римских союзников, и потому они высоко почитали его. Они рассказали карфагенянину, что Тарент охраняется римским гарнизоном, которому оказывает поддержку большая часть местной знати, имеющая прочные связи с Римом. Но простые жители города ненавидят и тех и других, а потому с готовностью поднимут бунт, как только он встанет под стенами города. Поверив их заверениям, Ганнибал повел свою армию на восток, пройдя около 300 км через равнины Италии от Авернского озера к Таренту. Но, когда он достиг городской стены, никакого восстания не последовало. Подождав пару дней, Ганнибал отбросил идею осады порта и пошел назад через Центральную Италию, намереваясь еще раз попытаться захватить Неаполь. Вновь потерпев неудачу, он разграбил близлежащие селения и возвратился в Апулию, где остался пережидать зиму на Адриатическом побережье в городе Салапия (близ Манфредонии).

Тем временем Ганнон во главе армии из 1200 нумидийцев и 17 000 новобранцев из итальянских племен (бруттиев и луканов) направлялся на север навстречу армии Ганнибала, возвращавшегося из Салапии в Кампанию. Когда Ганнон со своим войском оставил позади Беневент, римский претор Тиберий Семпроний Гракх подошел к городу с другой стороны в сопровождении армии наспех собранных воинов-рабов. Тому, кто принесет ему голову Ганнона, Тиберий пообещал даровать свободу и осыпать деньгами. Во время битвы, развернувшейся под стенами города, рабы отрезали головы каждого павшего противника и несли командиру, требуя обещанного освобождения. Большая часть карфагенского войска была уничтожена или захвачена в плен, остальные бежали с поля боя. Ганнону чудом удалось спастись и присоединиться к Ганнибалу, которому теперь в отсутствие подкрепления пришлось повернуть обратно и укрыться в Салапии.

Несмотря на то что у Рима было достаточно людских ресурсов, необходимость противостоять угрозе со стороны армии Ганнибала начала оказывать негативное влияние на рынок труда в Италии. Из-за того что огромное количество свободных мужчин, в основном мелких землевладельцев и ремесленников, было вынуждено пойти на военную службу, сильно возросла зависимость от рабского труда, особенно в латифундиях. В ответ на повышение спроса рынок постоянно пополнялся новыми рабами, особенно из числа военнопленных. Их широкое распространение начало вытеснять вольнонаемных работников: мелкие землевладельцы и чернорабочие в Италии, не имея возможности восстановить свои земли, разоренные войной, а также конкурировать с наплывом дешевой рабской силы, просто разорялись. Радикальная трансформация трудовых ресурсов явилась одним из долгосрочных последствий войны с Ганнибалом и в итоге привела к революции в следующем веке. К концу войны в Италии было так много рабов, что восстания вспыхивали все чаще и чаще. И хотя сопротивление было подавлено, в Италии наступила эра рабовладения в масштабах, ранее неизвестных средиземноморской цивилизации, и именно это станет определяющей характеристикой Римской империи.

Для солдат Ганнибала зима в Салапии походила на ту, которой они наслаждались в Капуе. Даже Ганнибал, обыкновенно отличавшийся стоическим и даже спартанским воздержанием, не устоял перед чарами местной блудницы. Согласно одному из античных источников, «несмотря на свое африканское происхождение», Ганнибал хранил верность своей жене Имильке и гуманно относился к женщинам, особенно пленницам²¹. В отличие от Александра Великого и Юлия Цезаря, с которыми часто сравнивают Ганнибала, в литературе редко встретишь упоминания о его связях с кем-то, кроме этих двух

женщин. Тогда как и у Александра, и у Цезаря любовников среди мужчин и женщин было не меньше, чем сражений.

Из Салапии Ганнибал двинул войска на юг, проведя большую часть лета 213 г. до н.э. в области к юго-западу от Тарента, где непредвиденные обстоятельства заставили его изменить свои планы. Несколько тарентийских аристократов находились в Риме под своего рода домашним арестом, вероятно для гарантии лояльности их города римлянам. Им удалось бежать, но вскоре они были пойманы снова. По приказу сената их высекли плетью (обычно начальная мера в римской системе наказаний), а затем сбросили с Тарпейской скалы — крутого утеса на южной вершине Капитолийского холма, где таким образом казнили убийц, предателей, беглых рабов и тех, кто давал ложные показания на суде. Когда о казни молодых аристократов узнали в Таренте, жители города пришли в ярость и против местного римского гарнизона устроили заговор. Группа молодых людей под видом отряда охотников покинула город и направилась на поиски Ганнибала. Они предложили помочь ему хитростью взять город, а тот, в свою очередь, обещал, что граждане Тарента будут жить по собственным законам и подчиняться выбранным ими самими правителям. Ни один из жителей Тарента не будет служить в карфагенской армии против своей воли, не понадобится им и платить Карфагену дань или размещать у себя гарнизон карфагенян. С проживавшими в городе римлянами Ганнибал волен поступить по своему разумению — посадить в тюрьму и держать в качестве заложников, продать в рабство или же казнить.

У молодых тарентийцев был простой план передачи города. Они вернутся в Тарент с добычей в виде рогатого скота и скажут римлянам, что обнаружили его, пока охотились в свое удовольствие. В течение нескольких следующих недель они заведут привычку уходить из города ночью через

одни и те же ворота в одинаковые охотничьи вылазки и возвращаться перед рассветом с добычей. Юноши начали претворять свой план в жизнь и каждый раз, возвращаясь, рассказывали охране и их офицерам, как все прошло. Через несколько недель их вылазки действительно стали настолько обыденными, что римские караульные открывали ворота при их приближении, не задавая никаких вопросов и не беспокоясь о безопасности.

Ганнибал собрал примерно 10 000 человек и спрятал их в овраге в нескольких километрах от города. В назначенную ночь командующий римским гарнизоном был приглашен на ужин в дом одного видного тарентийца, где его напоили вином. Юноши, возвращавшиеся перед рассветом с охоты, подошли к воротам с тушей вепря. Едва они вошли в ворота, за ними следом в город ворвался небольшой карфагенский отряд, убив стражу и отворив после этого основные ворота. Солдаты Ганнибала быстро вошли в Тарент и захватили контроль над его улицами. Те римские солдаты, которые умудрились выжить, отступили в цитадель. Тарентийцы сдали сам город, но совсем другое дело крепость с ее высокими толстыми стенами и гарнизоном из 5000 человек²². Цитадель контролировала вход в гавань, и гарнизон мог беспрепятственно снабжаться римскими войсками, что делало длительную осаду бессмысленной. Ганнибал оставил тарентийцев наедине с этой проблемой, а сам вернулся в Кампанию, где римляне начали осаду Капуи. Хотя потеря Тарента была большой неудачей для римлян, в конце концов, в 209 г. до н. э., им удалось вернуть город.

На падение Тарента римляне отреагировали осадой Капуи (212 г. до н. э.). Кампанцы, в свою очередь, попросили помощи Ганнибала, и он снова пришел на выручку, перебросив свои силы через Центральную Италию. Здесь произошла небольшая стычка между карфагенянами и двумя

консульскими армиями. Но, когда к городу приблизилось еще одно римское войско, Ганнибал отступил со своими силами к Брундизию на Адриатическом побережье, хотя расстояние до него составляло почти 400 км. Не желая или не имея возможности блокировать этот порт, пуниец вернулся к Капуе в следующем году (211 г. до н. э.) и предпринял еще одну неудачную попытку остановить осаду. Сложно понять, о чем думал Ганнибал, беспорядочно перебрасывавший свои войска с одного побережья на другое, гоняясь за всеми зайцами и не поймав ни одного.

Местность вокруг Капуи была открытой, что давало преимущество карфагенской коннице и слонам. Но римляне возвели вокруг города вторую стену — так называемую циркумвационную линию* — и оставались за ней, игнорируя попытки пунийцев выманить их на равнину. Раздосадованный Ганнибал организовал атаку на римский лагерь одновременно с вылазкой кампанцев. Она провалилась, и от безысходности Баркид двинулся со своим войском на Рим. Хотя этот маневр должен был отвлечь римские легионы от Капуи, те все равно не покинули стен своего лагеря и продолжили осаду.

Капуя была оставлена на произвол судьбы. Оказавшись в окружении трех римских легионов, пунийский гарнизон и поддерживавшие их кампанцы чувствовали себя преданными. Солдаты жаловались, что «римский враг более надежен и достоин доверия, чем карфагенский друг»²³. Гонцы пытались выбраться из города, чтобы передать Ганнибалу мольбу о помощи, но большая их часть была схвачена римлянами. Посланникам отрубали руки и возвращали обратно в город. Припасы истощались, а надежды на помощь извне не было, на Капую медленно, но верно надвигался голод.

* Непрерывная линия укреплений, строившаяся при осаде для предотвращения помощи осажденным извне. — *Прим. пер.*

Когда Ганнибал подошел к Риму, ему хватило одного взгляда на внушительные оборонительные сооружения города, чтобы развернуться и покинуть его окрестности. У него не было ни людей, ни осадных орудий, необходимых для того, чтобы пробить такие стены. И если истинной целью пунийца было оттянуть силы врага от Капуи, то он проиграл. Когда римляне увидели Ганнибала у своих стен, сначала они подумали, что тот разгромил их войска под Капуйей, в противном случае, считали горожане, ему бы никогда не хватило смелости напасть на них. Ганнибал разыграл свой гамбит и потерпел неудачу. Решение пойти маршем на Рим было принято им на эмоциях и от разочарования. Но позднее римские писатели утверждали, что в 211 г. до н.э. город был спасен лишь милостью богов, наславших бурю на карфагенское войско.

Угроза голодной смерти в итоге вынудила жителей Капуи сдаться. Сенаторы, наиболее рьяно выступавшие против Рима, покончили с собой. Перед тем как римляне вошли в город, некоторые из них отправились на роскошный ужин, а после пышного пиршества, сдобренного огромным количеством вина, хозяин в качестве десерта предложил гостям яд — который все охотно приняли. Остальные самостоятельно лишили себя жизни на следующий день. Когда римляне заняли город, начались аресты тех сенаторов, которых подозревали в союзе с Ганнибалом и призывах покинуть римскую конфедерацию. 53 человека были допрошены, признаны виновными, выпороты кнутом и обезглавлены — все это в один день. Выживших жителей продавали на невольничьих рынках, а их собственность конфисковали в пользу римского народа. Сенат Рима лишил Капую независимости, и вскоре ее наводнили толпы мошенников и аферистов, пытавшихся поживиться на чужом несчастье. Город пал благодаря настойчивости римлян во время осады, что оказалось

эффективнее любых попыток Ганнибала спасти своих союзников. Город был наказан столь сурово, поскольку в глазах римлян ее жители были трусливыми предателями. Кампанцы просто поставили не на ту лошадь. Со временем, спустя столетие или два, отношение Рима к этому городу изменится. Капуя воспрянет и снова будет процветать, даже станет основным центром обучения гладиаторов. Именно здесь в 73 г. до н.э. начнется крупнейшее в истории Рима восстание рабов во главе с фракийским гладиатором по имени Спартак.

ГЛАВА VI

НЕСКОНЧАЕМАЯ ВОЙНА

Отправившись в поход в Италию, Ганнибал передал своему младшему брату Гасдрубалу управление испанскими территориями, находившимися под властью Карфагена. Его задачей было удерживать южную часть Испании, богатую природными и людскими ресурсами, необходимыми Ганнибалу, чтобы вести войну против Рима. Десять лет Гасдрубал сохранял номинальный контроль над испанскими племенами и отражал римские атаки, пока Ганнибал не призвал его к себе в Италию на подмогу в 208 г. до н. э. Гасдрубал во всем был равен брату: характером, мужеством, сноровкой и навыками командования. По словам Тита Ливия, он был «сыном того же Гамилькара Барки, “Молнии”» и столь же неутомимым и опытным военачальником, как и Ганнибал¹. Один Баркид в Италии уже попортил римлянам достаточно крови, а теперь и второй сын Гасдрубала собирался перейти

через Альпы со слонами и во главе армии наемников, чтобы присоединиться к войску своего брата.

Полибий также высоко оценивает личность Гасдрубала, описывая как храброго, обожаемого солдатами командира, и не отрицает его заслуг, несмотря на поражение и гибель в битве при Метавре³. Гасдрубал вошел в историю благодаря тому, что десять долгих лет оберегал карфагенскую Испанию от римлян, перешел через Альпы, полностью сохранив свое войско и затем пополнив его отрядами галлов, и едва не объединился с армией брата. Преходящие радости успехов в бою, слава и деньги не мешали ему смотреть вперед и действовать в непредвиденных обстоятельствах, когда что-то шло не по плану, как это часто случается. Эти качества Полибий считал очень редкими и ценными для любого предводителя в те дни.

И Полибий, и Тит Ливий превозносили Гасдрубала за то, что ему удалось перевести армию через Альпы быстрее брата и с меньшими потерями. Это был подвиг, равный тому, что совершил Ганнибал, но он остался в тени, войдя лишь в подстрочники истории. Гасдрубал стремительно пересек территории, населенные галлами, и перешел Альпийские горы — вероятно, этому способствовали более благоприятные погодные условия. По всей видимости, галлы позволили ему беспрепятственно пройти по их землям с примерно 20-тысячным войском и отрядом боевых слонов, но доподлинно нам не известно, был ли этот путь в действительности столь гладок. Гасдрубал достиг Италии быстрее, чем того ожидал Ганнибал, что может объяснить возникшие между ними трудности в координации действий.

Римское войско поджидало Гасдрубала на реке Метавр, берущей начало высоко в Апеннинских горах и впадающей в Адриатическое море близ современного города Фано, к северу от итальянского порта Анкона. В тот день римляне

одержали победу, ставшую поворотным моментом войны. Битва на реке Метавр является одним из величайших сражений в античной истории, несмотря на то что память о ней затмили успехи Ганнибала в битвах при Тразименском озере и при Каннах и его переход через Альпы, а исследователи уделяли ей крайне мало внимания. Разгром и смерть Гасдрубала имели особое значение, поскольку предрешили судьбу кампании его брата в Италии и его поражение в войне. Победу при Метавре римлянам обеспечили мастерство и эффективная координация сил между двумя военачальниками — консулами Гаем Клавдием Нероном и Марком Ливием Салинатором. Один из них, Нерон, — недооцененный герой этой битвы, а в некотором роде и всей Второй Пунической войны. Благодаря инициативе, стойкости и энергии он повернул ход конфликта в пользу Рима, но, подобно Гасдрубалу, остался на задворках истории. Клавдий Нерон пошел на риск, сделав смелый шаг, благодаря чему сумел сокрушить Гасдрубала и сбить с толку его брата.

Риму требовались выдающиеся военачальники, чтобы удержать Ганнибала на юге страны и остановить Гасдрубала на севере. Многие опытейшие римские полководцы, такие как братья Сципионы в Испании, погибли в прошлых битвах с пунийцами. Согласно римскому праву, один из консулов, ежегодно избираемых для командования войсками республики, должен был происходить из сословия плебеев, а другой — из аристократов-патрициев. Кандидатом на должность консула от патрициев в 208 г. до н.э. выступил Клавдий Нерон, чей потомок через 200 лет станет печально известным императором династии Юлиев-Клавдиев*. Клавдий Нерон,

* Непосредственно потомком Тиберия Клавдия Нерона был император Клавдий (правил с 41 по 54 г. н.э.) Имя Нерон Клавдий получил также усыновленный им Луций Домиций Агенобарб, вошедший в историю как император Нерон (правил с 54 по 68 г. н.э.). — *Прим. науч. ред.*

чье родовое имя (*cognomen*) или прозвище могло в зависимости от контекста означать «темный» или «сильный», был опытным военачальником, сражавшимся с Ганнибалом в Италии и Гасдрубалом в Испании.

От плебеев в консулы был выдвинут Марк Ливий Салинатор, чье прозвище значит «солевар». Он командовал римскими легионами в Иллирии, но был уличен в использовании своего положения для личного обогащения, осужден и отправлен во временное изгнание. Но, поскольку Рим отчаянно нуждался в опытных военачальниках, ему было позволено вернуться и принять участие в консульских выборах. Кандидаты ненавидели друг друга, ведь Нерон откровеннее и резче остальных обвинял Салинатора на суде. После выборов, когда сенат поручил им командование армиями и попытался наладить отношения между ними, Марк Ливий резко отверг попытки дружеского примирения, ответив, что им лучше остаться врагами. Последней надеждой Рима в самый грозный после поражения при Каннах час были два человека, презиравшие друг друга. Салинатору, принявшему командование на севере, поручили блокировать альпийские перевалы, по которым должен был продвигаться Гасдрубал, а Нерону приказали выступить против Ганнибала на юге. Но Гасдрубал, войско которого к тому моменту уже насчитывало порядка 30 000 человек, двигался намного быстрее, чем того ожидал противник. Он спустился с гор в итальянские долины раньше, чем Салинатор успел преградить ему путь.

На юге Нерон во главе 40-тысячной армии двинулся в сторону города Венузия (*Venusia*) в Апулии, чтобы встретиться лицом к лицу с Ганнибалом, затеявшим с римлянами игру в кошки-мышки. В тех стычках солдаты пунийца, по всей видимости, несли более серьезные потери. Тот факт, что Ганнибал избегал решительного боя с Нероном, вероятно, свидетельствует о том, что к этому периоду войны его армия

значительно ослабла. Внезапно он отступил еще дальше на юг полуострова, к древнегреческому городу Метапонт, где пополнил свое войско новыми рекрутами из Бруттия, набранными его племянником Ганноном. Только получив подкрепление, Ганнибал вернулся к Венузии и, проявив неприступную ему пассивность, стал ждать Нерона, чтобы сделать следующий ход.

Гасдрубал на севере избежал встречи с римской армией, но вместо того, чтобы пересечь Апеннинские горы тем же маршрутом, что и Ганнибал в недалеком прошлом, отправился, минуя Бононию, напрямик в Аримин (совр. *Римини*) на побережье Адриатического моря. Этот город был основан римлянами в 268 г. до н. э. незадолго до начала Первой Пунической войны как конечный пункт недавно достроенной Фламиниевой дороги (*Via Flaminia*) — античной версии современной суперскоростной автострады. Дорога вела из Рима к восточному побережью Италии через Апеннинские горы. Присутствие Гасдрубала в Аримине было прямой угрозой, так как от Рима его отделяло менее 3200 км по Фламиниевой дороге. По совету Нерона сенат отправил армию, чтобы перекрыть этот тракт. А пока Гасдрубал продвигался на юг вдоль побережья Адриатики навстречу своему брату, еще один небольшой отряд во главе с претором Луцием Порцием Лицином (из рода свиноводов, от лат. *porcus* — свинья) преследовал его с севера.

Желая как можно быстрее установить связь с братом, Гасдрубал послал шестерых всадников на юг вдоль побережья, приказав им найти Ганнибала. Гонцы мчались день и ночь, преодолев незамеченными более 600 км от Аримина до северных окрестностей Тарента. Они уже почти добрались до Ганнибала, отступившего в прибрежный Метапонт, как вдруг удача отвернулась от них и они столкнулись с римским отрядом, рыскавшим по сельской округе в поисках провианта. Их схватили и привели к Нерону, и под пытками они выдали подробности

своей миссии, а также размер, состав и маршрут передвижения армии Гасдрубала.

Перед Нероном встала дилемма. Мог ли он доверять информации, попавшей к нему в руки по чистой случайности, словно божий дар, и действовать согласно ей? Или же это была карфагенская уловка с целью заманить его в ловушку, которыми так известен Ганнибал? Все свидетельствовало о том, что гонцы говорили правду, вплоть до того, насколько изнурены были долгой ездой их лошади. Однако год назад войско под командованием одного из лучших римских полководцев — Марцелла — угодило в засаду на границе Апулии и Лукании. Марцелл был убит в бою, а Ганнибал воспользовался его кольцом с консульской печатью, чтобы подделать бумаги в попытке вернуть Салапию. План провалился после того, как командир римского гарнизона усомнился в подлинности документа.

Но Нерон отбросил сомнения и приступил к активным действиям, чтобы не позволить Гасдрубалу встретиться с братом. Собрав отряд из лучших своих воинов, он повел их быстрым маршем на север, чтобы присоединиться к силам Салинатора на реке Метавр. Нерон планировал быстро разбить Гасдрубала и вернуться назад прежде, чем Ганнибалу станет известно о его отсутствии. Это был рискованный шаг, и ставки были крайне высоки. Прознай Ганнибал, что Нерон с частью войска покинул юг Италии, и атакуй его немногочисленный гарнизон — случилась бы катастрофа. Открытым оставался вопрос, выдержат ли его солдаты бросок на большое расстояние, чтобы затем вступить в крупное сражение, форсированным маршем вернуться назад и снова принять бой. До какого предела можно испытывать человека на прочность? Нерон послал в Рим гонцов, чтобы рекомендовать сенату отправить легион из Капуи для усиления охраны Фламиниевой дороги, а затем сформировал экспедиционный

корпус из 6000 пехотинцев и 1000 всадников. День и ночь они двигались на север от Тарента через Центральную Италию и прибыли к городу Фан, где Метавр впадает в море.

Невероятно, но римляне преодолели это расстояние всего за неделю. Солдаты шли налегке, взяв с собой лишь необходимый минимум — в основном оружие. Нерон отправил вперед гонцов, чтобы те сообщили местным крестьянам о приближающейся армии и приготовили необходимый провиант. Благодаря этому отряд мог двигаться, не отягощенный обозами, провиантом и колонной сопровождающих. Пока армия Нерона продвигалась на север, многие простолюдины, охваченные патриотическим чувством и энтузиазмом, следовали за ней и вступали в ряды солдат. Действуя подобным образом, Нерон нарушал римские законы. Будучи консулом, он не имел права покидать место своего назначения без разрешения сената. Но он уже видел перед собой масштабы катастрофы, которая неминуемо наступит, случись двум братьям-карфагенянам объединить усилия и атаковать Рим с двух фронтов. Необходимы были решительные меры, и Нерон, преступив закон, поступил по-своему.

Тем временем Ливий Салинатор избрал крайне осторожную тактику по отношению к Гасдрубалу. Он не стал нападать на его армию, пока та переходила реку и двигалась на юг вдоль побережья. Гасдрубал разбил лагерь менее чем в километре к северу от Ливия Порция, не зная, что в тылу у него находятся солдаты Лицина. Добравшись до римского лагеря глубокой ночью, Нерон бесшумно провел свой отряд внутрь, чтобы стражи Гасдрубала не подняли тревогу. Постоянно беспокоясь из-за Ганнибала, несмотря на долгий и утомительный марш, Нерон настоял на том, чтобы выступить против его брата на следующий же день и как можно быстрее вернуться на юг.

Наутро Гасдрубал обнаружил себя зажатым между двух римских армий. Столкнувшись на Метавре с силой,

многokrатно превосходящей его войско, он решил, что его брат на юге уже потерпел поражение. Как иначе римлянам бы удалось бросить против него столь крупную армию? Гасдрубал предпочел не предпринимать активных действий, остаться в лагере и взвесить возможные варианты. Несмотря на настойчивые требования Нерона, Салинатор и Лицин отказались нападать первыми и атаковать карфагенские укрепления. Нерон пытался убедить их в том, что нельзя медлить и ждать, пока Гасдрубал сделает свой ход. Все три римских полководца хорошо понимали серьезность ситуации — время решало все. Как только Ганнибалу станет известно, что силы римлян на юге остались без главнокомандующего и сильно уменьшились в размере, он немедленно нападет на них. Все, что оставалось римским командирам, — быстро атаковать Гасдрубала, уничтожить его армию и вернуть войска Нерона назад.

Гасдрубал, однако, не собирался сражаться сразу с двумя римскими армиями. Его главной задачей было соединиться с войском брата без потерь, и с наступлением ночи он вывел свои отряды из лагеря, чтобы как можно быстрее и незаметнее перевести солдат через реку и отступить на север. Он планировал безопасно переправиться через Метавр и, оторвавшись от римлян, еще раз связаться со своим братом, хотя смутно представлял себе, где именно тот находится, и даже не знал, жив ли он вообще. Но той ночью его положение становилось хуже с каждым часом. Местные проводники бросили пунийца, и он был вынужден искать в кромешной темноте безопасный брод, чтобы перейти с войском через бурную, быструю реку. Из-за тающего в горах снега и весеннего половодья вода поднялась, и солдаты Гасдрубала оказались в ловушке на южном берегу Метавра, пока его разведчики лихорадочно искали переправу во мраке. Многие галлы принялись пьянствовать и очень скоро стали неуправляемы. Как и большинство

карфагенских армий, Гасдрубалова представляла собой «культурный котел», в котором смешались те же иберы, лигуры, галлы и африканцы, что и в отрядах Ганнибала.

Рассвет застал войско Гасдрубала в смятении. Оно оказалась прижато к вышедшему из берегов Метавра сразу тремя наступающими консульскими армиями. Когда римские командующие поняли, что пунийцы очутились в ловушке, они выдвинули пехоту вперед. Конница Гасдрубала — та часть его войска, на которую он сильно рассчитывал, потому что она давала ему преимущество над римлянами, — была бесполезна на ограниченном и холмистом пространстве побережья Метавра. У Гасдрубала не оставалось другого выбора, кроме как приказать войскам оставить попытки найти переправу и приготовиться к битве. Сколько солдат погибло в тот день, неясно: цифры, приводимые античными авторами, как обычно, или преуменьшены, или завышены, или совершенно противоречат друг другу. По словам писавшего на греческом историка Аппиана, карфагенская армия насчитывала 48 000 пехотинцев, 8000 всадников и 15 слонов. Тит Ливий утверждал, что к концу битвы насчитывалось более 61 000 убитых или взятых в плен карфагенян, но многим все же удалось избежать смерти. Эти цифры сильно превышают оценку Аппиана в 56 000 солдат. Полибий же сообщает, что потери Гасдрубала составили 10 000 воинов против 2000 у римлян.

Вероятнее всего, карфагенская армия насчитывала около 30 000 человек, включая галлов — примерно такие цифры приводит и Тит Ливий. Под командованием претора Лицина находилось два дополнительных легиона — примерно 10 000 человек, и вместе с ними у римлян было порядка 40 000 воинов, включая пополнивших их ряды итальянских добровольцев. Однако число союзных отрядов едва ли было высоким, так как некоторые члены римской конфедерации в Италии, утомленные затяжным и безуспешным

конфликтом с Ганнибалом, стали противиться требованиям Рима поставлять вспомогательные войска и платить повышенные военные налоги. Если добавить к общему числу римских солдат семитысячный отряд под предводительством Нерона, одно можно сказать точно: на реке Метавр Гасдрубал и его армия оказались в меньшинстве.

Когда Гасдрубал развернул свои ряды, его правый фланг, где находились лучшие всадники, оказался прижат к реке, а левый занял позицию в холмах, что в итоге привело к печальным последствиям. Наиболее опытные и надежные отряды, а именно африканскую и иберскую пехоту, Гасдрубал также отправил на правый фланг — участок фронта, на который он возлагал теперь все свои надежды. Центр шеренги занимали лигуры, которые, хотя и уступали ветеранам на правом фланге в мастерстве и выучке, были способны на короткую, но яростную атаку. Гасдрубал рассчитывал, что они примут на себя первый удар римлян и будут удерживать позицию, пока африканцы и иберы не обойдут противника с фланга и не разобьют его.

Галлов, как самых ненадежных своих солдат, Гасдрубал расположил слева, где спереди их защищало глубокое ущелье, а сзади — холмы. К тому моменту, по свидетельству Полибия, многие из них уже были «одурманены алкоголем»³. У Гасдрубала было десять слонов, которых он обычно использовал для укрепления центра. Но, как только начался бой, они быстро стали помехой. Напуганные шумом сражения, животные обезумели и стали без разбора топтать своих и чужих. Шесть слонов погибли, остальные удрали с поля боя, чтобы позже быть схваченными или убитыми римлянами.

Лицин развернул своих пехотинцев прямо напротив лигуров Гасдрубала, пока Салинатор возглавил римскую кавалерию на левом фланге, а Нерон разместился на правом фланге напротив галлов. Римляне первыми вступили в битву,

атаковав своим левым флангом правое крыло карфагенской армии, следом двинулся центр. Под численным перевесом противника пунийская конница вынуждена была отступить назад, хотя лигуры в центре шеренги стойко удерживали свои позиции. Но в конце концов и они не выдержали напора римлян. Клавдий попытался атаковать галлов, но ему мешали холмистая местность и овраг, из-за чего его солдаты не могли добраться до неприятеля. Тогда он принял решение, изменившее ход всей битвы: взяв примерно половину легиона, нанес сильный удар по правому флангу пунийцев. Им удалось прорвать боевую линию карфагенян, и, несмотря на отчаянные попытки Гасдрубала сомкнуть ряды, среди солдат началась паника, многие обратились в бегство. Римляне, не встречая никакого сопротивления, продолжили погоню за отступавшими в ужасе пунийцами, и именно тогда, согласно античным источникам, армия Гасдрубала понесла самые многочисленные людские потери. Карфагенский центр, находившийся в полном хаосе, был атакован сразу тремя полководцами: Лицин пошел в лобовую, Ливий и Нерон — с правого фланга. Видя безвыходность своего положения и не желая попасть в руки врага живым, Гасдрубал ринулся в гущу битвы и встретил смерть как истинный воин.

Отрезанную голову Гасдрубала римские солдаты преподнесли Клавдию Нерону в качестве трофея. Тот приказал насадить ее на пику и отдал распоряжение гонцу отправиться на юг, разыскать Ганнибала и бросить голову его брата в карфагенский лагерь. Это было сущим варварством, особенно на фоне уважения, проявленного Ганнибалом к римским военачальникам, павшим в битвах при Тразименском озере, Каннах и Южной Италии. Он дотошно следил, чтобы тела убитых были преданы огню со всеми воинскими почестями, и зачастую их прах и личное имущество отправляли обратно в Рим. Прошло почти десять лет с тех пор, как Ганнибал

в последний раз видел своего брата, и, когда ему принесли отрубленную голову, при ее виде он отшатнулся и застонал. Голова Гасдрубала стала предзнаменованием будущих несчастий. В войне произошел окончательный перелом.

Всех пленных карфагенских солдат Нерон приказал казнить, сохранив жизнь лишь самым знатым из них ради большого выкупа. Успех в битве при Метавре воодушевил римлян, придав им уверенности в том, что Ганнибал не сможет более находиться в Италии. Нерон изменил исход войны, заставив противника устраниваться в самую южную часть Италии, Бруттий (в Калабрии), где тот оставался еще четыре года, прежде чем карфагенский сенат призвал его вернуться в Северную Африку.

После поражения Гасдрубала война в Италии для Ганнибала была, по сути, проиграна. Последняя возможность собрать достаточно сил, чтобы заставить римлян сесть за стол переговоров, была упущена. Римский флот, курсирующий вдоль берегов Сицилии, сводил к нулю шансы Ганнибала на получение подкреплений из Северной Африки, и война в Италии оказалась лишь прелюдией к более серьезному конфликту, который развернулся в Испании и вскоре достиг Северной Африки. В течение четырех лет, пока Ганнибал отсиживался в Бруттии, военные действия в Италии практически остановились — за исключением еще одной попытки Карфагена оказать ему военную помощь в 205 г. до н. э.

Эта миссия легла на плечи младшего из сыновей Гамилькара Барки — Магона, который, как и его братья, был готов сражаться с Римом до последней капли крови. Младший Баркид был опытным и искусным военачальником, совершившим вместе с Ганнибалом переход через Альпы — именно благодаря ему карфагенская армия одержала победу на реке Треббии. Он блестяще проявил себя в битве при Каннах и затем собрал для брата дополнительные войска в Бруттии.

Магон отправился в Карфаген, чтобы возвестить сенату о победе при Каннах, а затем, в 215 г. до н. э., прибыв в Иберию, он со своим старшим братом Гасдрубалом и Гасдрубалом Гисконом вел войну против двух римских военачальников — Гнея и Публия Сципионов (215–212 гг. до н. э.). Когда римляне пошли в решительное наступление в 211 г. до н. э., именно он сыграл главную роль в битве против братьев Сципионов, в которой оба они и погибли.

Магон отправился в Италию из Испании в 205 г. до н. э. Вместо очередной попытки перехода через Альпы он выбрал морской маршрут, снарядив порядка 30 кораблей с 14 000 воинов на борту. Поскольку Ганнибал находился на самом краешке полуострова на Адриатическом побережье, добраться до него по морю из Испании было практически невозможно. Такой путь был бы слишком долгим и опасным из-за риска попасть в шторм или столкнуться с кораблями неприятеля. Поэтому Магон предпочел двигаться вдоль побережья Лигурии и высадился в районе Генуи. Оттуда он направился на север Италии, попутно рекрутируя в свою армию как можно больше лигуров и галлов — как когда-то его брат Гасдрубал. Поскольку территории по обеим сторонам Апеннинских гор и основные дороги на юг контролировались римлянами, Магон со своим войском был вынужден провести на севере два года, в основном устраивая партизанские вылазки. Наконец в 203 г. до н. э. римляне вынудили Магона принять решающую битву неподалеку от современного Милана. Магон противостоял четырем римским легионам с войском, состоявшим из нумидийской и иберской конницы, пехоты и слонов, объединенных с отрядами лигуров и галлов. Во время битвы он был сильно ранен в бедро и отступил в Геную, чтобы укрыться на своих кораблях.

Но там его уже ждали послы из Карфагена с приказом вернуться в Северную Африку. Вместо себя Магон оставил

полководца по имени Гамилькар с небольшим отрядом, поручив тому продолжать военные вылазки против римлян на севере Италии. Магон скончался от полученных ран в пути, когда карфагенский флот оставил позади Сардинию. В то время Ганнибал был заперт в Бруттии, на маленьком отрезке земли между побережьем Адриатики и территорией, которую сегодня занимают национальные парки Италии — так называемая Сила (*Sila*). Своим убежищем Ганнибал выбрал Кротон — греческий город, известный благодаря жившим в нем философу Пифагору и атлету Милону, олимпийскому чемпиону и самому прославленному борцу Античности. Роскошь, утонченная культура и множество увеселительных заведений роднили Кротон с Капуей, и здесь Ганнибал провел два года (с 205 по 203 г. до н. э.), пока римляне перенесли основные боевые действия в Испанию и Северную Африку. Оказавшись в изоляции, когда один брат уже погиб, а второй был близок к смерти, его отряды существенно поределели, а ресурсы почти иссякли, Ганнибал больше не контролировал ход войны и был вынужден отсиживаться в бездействии в ожидании подкреплений.

Для того чтобы окончательно связать Ганнибалу руки, римская армия под командованием молодого Сципиона отправилась с острова Сицилия через Мессинский пролив на юг Италии и захватила греческий порт Локры к югу от Кротона. Порт был важен для военных действий Ганнибала, но, несмотря на предпринятую им контратаку, он не смог отбить город. В нескольких километрах к югу от Кротона находится мыс Лациний (*Cape Lacinium*), известный сегодня как мыс Капо-Колонна (*Capo Colonna*). Нынешнее название ему дала единственная дорическая колонна, возвышающаяся на берегу среди руин над бескрайней и пустынной морской гладью. Одинокая колонна — все, что осталось от величественного когда-то греческого храма, воздвигнутого в честь богини

Юноны Лацинии⁴. Главным его сокровищем была золотая колонна, и, по слухам, Ганнибал решил узнать, вся ли она состоит из золота или только покрыта им. Убедившись, что она целиком вылита из драгоценного металла, он задумал переплавить ее в слитки и присвоить добычу, пока однажды пунийцу во сне не явилась богиня и не пригрозила лишить его единственного зрячего глаза, коли тот осмелится осквернить ее святилище⁵.

По свидетельствам источников, именно в этом храме в конце своего итальянского похода Ганнибал приказал установить бронзовую табличку. Надписи на ней были сделаны на двух языках: на древнегреческом — общеупотребимом в античном мире того времени — и на родном Ганнибалу пуническом. На этой табличке были перечислены все его подвиги: переход через Альпы, сражения в Италии, величина его армии и число понесенных им людских потерь⁶. Такие таблички, или «деяния», как называли их римляне, были обычным явлением в Античности. Они служили своеобразными памятниками честолюбию и самомнению важных персон. И хотя табличка так и не была найдена, есть только литературные свидетельства ее существования, упоминание о ней дало повод для пересудов о том, что Ганнибал стал воспринимать себя царем и даже правителем Южной Италии и эту металлическую пластину оставил для потомков, чтобы те помнили о его свершениях, победах и чаяниях.

В то же время эта табличка может означать молчаливое признание Ганнибала в том, что его итальянская кампания окончена, так как у него больше нет людей и ресурсов для противостояния римским легионам. От своего македонского союзника помощи он не дождался, а последняя его надежда рухнула, когда 80 вспомогательных судов, вышедших из Карфагена с целью доставить Ганнибалу провизию,

сбились с курса и попали из-за сильной бури в руки римлян. Потеря этих кораблей предрешила судьбу Ганнибала — в 203 г. до н. э. ему было приказано вернуться в Карфаген.

Услышав об этом требовании, Ганнибал едва смог сдерживать ярость. Он заскрежетал зубами и воскликнул, что предан и сражен аристократами из фракции Ганнона, а не римлянами на поле боя. Ганнибал стenal, что проиграет войну по той же причине, что и его отец 40 лет назад — из-за отсутствия поддержки его собственного народа⁷. Несколько городов в Бруттии, предвидя неизбежное, отвернулись от Ганнибала и попросили мира с Римом. В ответ пуниец разослал солдат, которых считал «непригодными к службе», в гарнизоны тех городов Бруттия, которые теперь держались его скорее из страха, чем из верности.

Готовясь к возвращению в Северную Африку, Ганнибал приказал своим людям привезти из Бруттия в Кротон древесину, пригодную для строительства кораблей. Построенные суда сопровождал домой эскорт из нескольких военных кораблей, которым удалось ускользнуть от римского патруля и достичь Кротона. Баркид готовился к отплытию с чувством «печали и сожаления»⁸. Собрав лучших своих воинов — около 20 000 ветеранов, на тот момент это были преимущественно италийцы из Бруттия и Лукании, — он объявил о возвращении в Северную Африку. Их ответ походил на мятеж. По свидетельствам античных авторов, многие италийцы воспротивились приказу и укрылись в храме Юноны Лацинии, считавшемся неприкосновенным. Они были уверены, что Ганнибал не посмеет осквернить эту святыню, но недооценили человека, никогда в жизни не страшившегося гнева богов. Согласно одному из источников, он приказал окружить храм и перебить несколько тысяч взбунтовавшихся солдат вместе с лошадьми и даже выючными животными.

Масштабы этой резни ученые, как правило, считают сильно преувеличенными, что, вероятно, связано с сообщениями о 3000 забитых лошадей, которых невозможно было взять на отплывающие в Африку корабли⁹. Конечно, в армии Ганнибала на тот момент могли быть мятежники, которых он действительно казнил. Но итальянские отряды составляли ядро его армии — это были лучшие ветераны, и он в них нуждался. К тому времени в его рядах могли еще оставаться некоторые наемники, совершившие вместе с ним знаменитый альпийский переход. Вероятно, это были итальянцы, те, что воевали с ним в Южной Италии и были готовы сопровождать его в Карфаген, именно они окажутся самыми надежными воинами на последнем этапе этой тяжелой и разрушительной войны.

ГЛАВА VII

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АФРИКУ

Летом 203 г. до н. э. Ганнибал, запертый на целых два года на южной оконечности Италии, получил приказ от карфагенского сената вернуться в Африку. Но даже после отступления он оставался для Рима угрозой. Если бы ему вместе с остатками армии Магона удалось достичь берегов Ливии, в совокупности их сил было достаточно, чтобы повлиять на ход войны. Однако в источниках лишь вскользь упоминается о попытках римлян помешать Магону отплыть из Генуи и ничего подобного не говорится о Ганнибале. Римский флот, базировавшийся на Сицилии, контролировал воды у побережья Северной Африки. На пути в Карфаген обоим братьям нужно было как-то проскользнуть мимо него, но лишь Тит Ливий упоминает, что римский сенат отдал флоту приказ перекрыть карфагенянам путь домой¹. Там же он объясняет, что римские флотоводцы не стали даже пытаться остановить

Ганнибала из нерешительности и даже страха. В итоге корабли обоих братьев достигли берегов Северной Африки без каких-либо происшествий.

К тому моменту Рим сосредоточил внимание на Иберии. Сципион-младший, наследуя погибшим отцу и дяде, принял на себя командование римскими легионами в Испании и повернул ход боевых действий в свою пользу. Захватив Новый Карфаген в 210 г. до н. э. и одержав победу в битве при Илипе (недалеко от Севильи) в 206 г. до н. э., он вынудил Карфаген уйти в оборону. Публий был настолько популярен, что его даже избрали консулом, хотя по закону он был слишком юн для этой должности. На следующий год он отправился в Северную Африку со свежими легионами и вместо того, чтобы напрямую атаковать Карфаген, осадил прибрежный город Утика, находившийся примерно в 25 км к западу.

Под стенами этого города Сципион наголову разбил отправленную снять осаду карфагенскую армию под командованием Гасдрубала Гискона и его зятя Сифакса. Потрясенные поражением, карфагеняне послали самых уважаемых сенаторов, чтобы обсудить со Сципионом условия мира. Заискивая перед консулом, они уверяли, что, хотя формально ответственность за развязывание войны лежит на Карфагене, всему виной непомерное честолюбие клана Баркидов. В ответ на их обращение с просьбой прекратить военные действия Сципион-младший потребовал отозвать все войска из Италии, очистить территорию Испании и всех островов между Апеннинским полуостровом и Северной Африкой, сдать римлянам весь свой флот и боевых слонов, выплатить репарацию в размере 5000 талантов, а также обеспечивать римский гарнизон продовольствием до тех пор, пока римляне не покинут территорию Ливии. Когда делегация вернулась в Карфаген и передала требования римлян сенату, тот приказал Ганнибалу и Магону как можно скорее возвращаться. Сенат же тем

временем попытался затянуть переговоры, тогда как Сципион, теряя терпение, угрожал возобновить войну. Вскоре сенаторы согласились на все его требования с оговоркой, что карфагенская делегация отправится в Рим, чтобы ратифицировать договор в местном сенате. Это была всего лишь уловка с целью выиграть время, пока Баркиды не вернутся в Ливию со своими армиями, чтобы продолжить войну.

Карфагенские послы добрались морем в порт Путеолы на берегу Неаполитанского залива, после чего сушей направились в Рим. Прибывшую делегацию заставили ждать у стен города, пока сенат не соизволил принять ее возле Марсова поля (*Campus Martius*) — названного в честь римского бога войны места публичных собраний, где каждую весну все граждане мужского пола получали воинские назначения и раз в пять лет проводилась перепись населения. Атмосфера встречи была враждебной: с первых же минут римляне обвинили карфагенян в вероломстве и нарушении предыдущих договоренностей. Посланникам был дан резкий ответ: не может быть и речи ни о каком мирном договоре, так как пунийцам нельзя доверять, ведь они откажутся от соблюдения его условий, как только баланс сил изменится в их пользу. В свою очередь, послы взмолились о мире, продолжая винить во всем Ганнибала и его братьев: якобы он атаковал Сагунт, не имея на то оговоренных полномочий, и перешел через Альпы в Италию, действуя лишь по собственной инициативе². Тут римляне напомнили, как много лет назад, когда римские легаты выступили против нападения Ганнибала на Сагунт и предложили карфагенянам выбор между войной и миром, их сенат восторженно поддерживал войну, пошел на риск и проиграл. Теперь пришла пора платить по счетам.

Сенаторы удалились обсудить свои дальнейшие действия, оставив послов в ожидании. Все пришли к мнению, что,

поскольку война в Испании практически выиграна, а легионы Сципиона заняли доминирующие позиции в Северной Африке, Карфаген находился в отчаянном положении и потому просит о мире. Римляне знали или, по крайней мере, догадывались, что за Ганнибалом и Магоном уже послали гонцов и что пунийцы пойдут на любую хитрость, лишь бы оттянуть время до их возвращения и ослабить римский натиск. Многие сенаторы выступали за то, чтобы Сципион продолжал военные действия в Северной Африке, и отказывались идти на какой-либо компромисс с Карфагеном до тех пор, пока Ганнибал и Магон остаются на итальянской земле. Как только Риму стало известно, что Баркиды покинули Италию, сенат ратифицировал мирное соглашение на условиях, сформулированных прежде Сципионом.

Римляне двояко отнеслись к известию об отплытии Ганнибала. С одной стороны, они были рады, что им удалось изгнать его из Италии — уже появлялись первые признаки экономического восстановления страны. С другой же — римлян беспокоило его влияние на ход военных действий в Северной Африке. В честь изгнания своего злейшего врага и в надежде заручиться поддержкой богов в кампании Сципиона в Ливии были устроены игры и жертвоприношения в Большом цирке (*Circus Maximus*) — ипподроме, располагавшемся в долине между холмами Авентин и Палатин, где проходили состязания на колесницах и устраивались массовые представления. Однако дальнейшие планы Ганнибала в Африке не переставали волновать римлян. Сципион-младший пользовался поддержкой далеко не всей римской аристократии, и некоторые сенаторы сомневались в результатах возможной битвы с Ганнибалом. Сципион был слишком молод, и его победы в Испании и Северной Африке еще не делали его равным Ганнибалу полководцем. Еще не зная о кончине Магона, сенаторы опасались, что Сципиону придется противостоять сразу двум

опытнейшим военачальникам, командовавшим закаленными в боях ветеранами. Немало консулов пало в сражениях с Баркидами на полях Италии и Испании, и в руках пунийцев было больше трофейных римских стягов, чем легионов в армии Рима на тот момент. Не весь сенат единодушно поддерживал Сципиона: целая фракция, традиционно настроенная против его семьи, мечтала сместить Публия с поста консула и поставить на его место своего кандидата. Перед смертью бывший диктатор и уважаемый советник сената Квинт Фабий предостерегал соотечественников, что Ганнибал, защищая свой дом, будет еще более страшным противником, чем он проявил себя в Италии³. И хотя Баркид покинул полуостров, многие сенаторы понимали, что война еще далека от завершения.

Сходные опасения в отношении Ганнибала высказывали и аристократические фракции в Карфагене. Если в Риме некоторых заботила молодость Сципиона, то в карфагенском сенате нашлись такие, кто считал Ганнибала слишком старым. Признавая его заслуги, они были крайне обеспокоены потерей Испании и тем, что 15-летняя война не принесла ничего, кроме тщетных усилий и потраченных на кампанию в Италии ресурсов. Сципион наголову разбил армии Гасдрубала Гискона и Сифакса всего в нескольких километрах от Карфагена, и дальнейшие поражения неминуемо означали, что условия мира станут намного жестче нынешних. Карфаген будет захвачен, разграблен и сожжен дотла. Сенат разделился на тех, кто стремился немедленно заключить с Римом мир и сохранить свое имущество, и не менее настойчивую и влиятельную фракцию, выступавшую в поддержку Ганнибала и за продолжение войны.

Когда карфагенский флот отплыл от берегов Италии, Ганнибал в последний раз взглянул на земли, которые разорял много лет. Должно быть, это был самый горький момент

в его жизни. Ганнибал перешел Альпы, будучи еще молод и полон надежд — ему едва исполнилось 30, а в 44 он покинул Италию, не сумев выиграть войну и даже навязать римлянам мир на своих условиях. Он проклинал богов за то, что Фортуна отвернулась от него, но, оглядываясь назад, винил себя за то, что после победы при Каннах не повел на Рим своих воинов, «залитых кровью врага»⁴. Ганнибал завидовал молодости и успехам Сципиона, но в то же время его возмущало, что тот никогда не командовал войсками ни в одной битве в Италии, а теперь осмеливается идти на Карфаген! Так, полный раскаяния и сожалений, заклятый враг Рима покинул Италию и отправился в Африку, чтобы написать новую главу этой истории.

Несколько дней спустя корабли Ганнибала высадились южнее Карфагена, где-то на побережье неподалеку от древнего города Гадрумета — современного Суса. Это была вотчина рода Баркидов, и Ганнибал разбил лагерь на земле, которую оставил еще ребенком много лет назад, — и теперь эта земля и ее люди должны были казаться ему более чужими, чем Испания и Италия, в которых он так долго жил и воевал. Вероятно, он предпочел быть подальше от Карфагена, поскольку опасался, что местные политические фракции захотят свести с ним счеты за военный провал. Если сенат признает его виновным в разжигании войны в Италии, то, несмотря на все его победы и авторитет, Ганнибала ждал суд или даже распятие на кресте. Как писал Тит Ливий, «победил Ганнибала не римский народ, столько раз им битый и обращенный в бегство, а карфагенский сенат своей злобной завистью»⁵. Наученный опытом своего отца в Первой Пунической войне, он, видимо, решил действовать как военный диктатор, а не военачальник на службе своего полиса.

На юге армии Ганнибала и Сципиона разделяла буферная зона, благодаря которой у Баркида было достаточно времени,

чтобы собрать необходимые силы и подготовиться к новому этапу кампании. Свои войска Ганнибал, вероятно, рассчитывал пополнить за счет кланов и племен, населяющих окрестности Гадрумета и на протяжении многих поколений хранивших верность роду Баркидов. Некоторые из этих племен присоединились к нему, опасаясь потерять независимость, так как в случае поражения Карфагена нумидийский царь и союзник Рима Масинисса овладел бы большей частью Северной Африки⁶. Поэтому они вступили в ряды армии Ганнибала, и тогда же из Северной Италии возвратились остатки армии Магона, сообщив о кончине своего командира.

Все еще не связанный условиями договора, Сципион позволил своей армии грабить сельскую местность к западу от Карфагена — точно так же, как долгое время поступал в Италии Ганнибал. Баркид оставался в Гадрумете всю зиму 203/202 г. до н.э., несмотря на настойчивые требования карфагенского сената атаковать войско Сципиона. Согласно источникам, Ганнибал оставил их без ответа и чуть ли не отослал своих солдат в оливковые рощи сажать деревья, чтобы скоротать время. Какими бы ни были причины, он оставался в Гадрумете несколько месяцев, а возможно и год, прежде чем выдвинулся с войском вглубь Туниса и разбил лагерь возле города под названием Зама. О местоположении этого города толком ничего не известно, кроме упоминаний, что он находился в пяти днях пути походным маршем к юго-западу от Карфагена — примерно в 160 км и где-то на таком же расстоянии на запад от Гадрумета⁷. Некоторые исследователи считают, что речь может идти о территории к северу от руин древнего города Мактар. По другой версии, город мог стоять на месте современных Эль-Кефа и Саккет-Сиди-Юссефа, находящихся в той же области, но чуть дальше на запад и ближе к современной границе между Алжиром и Тунисом.

Среди военных историков никогда не было единого мнения о том, где именно и в какой день состоялось сражение между Ганнибалом и Сципионом⁸. Предполагают, что оно разыгралось на северо-западе Туниса в 202 г. до н.э. Битва не могла произойти летом, учитывая невыносимую жару в пустыне в это время года, когда температуры достигают опасного для человека уровня — обезвоживание и солнечные удары сильно истощили бы пехоту, слонов и лошадей. А потому более вероятно, что столкновение состоялось осенью, в промежутке между концом сентября и ноябрем. В попытках установить точную дату сражения исследователи иногда обращались к свидетельствам античного историка Диона Кассия⁹. По словам Кассия, битва происходила в день солнечного затмения, что страшно беспокоило карфагенян. Согласно астрономическим подсчетам, таким днем было 19 октября 202 г. до н.э., но, хотя солнечное затмение и могло иметь место, дальнейшие исследования показывают, что в этой широте солнце было закрыто не более чем на одну десятую. Маловероятно, что столь незначительное небесное происшествие могло быть замечено карфагенянами в пылу битвы и тем более стать причиной сильного беспокойства.

Сципион отвел свои войска на юг от побережья и разбил лагерь в местности, изобилующей водными ресурсами. Ганнибал же непосредственному доступу к пресной воде предпочел расположение, которое считал более безопасным, после чего отправил разведчиков на поиски римского лагеря. Некоторые из них были схвачены, но, вместо того чтобы по обыкновению казнить шпионов, Сципион радушно принял их, предложив осмотреть лагерь и внимательно изучить все, что они увидят¹⁰. Пока люди Ганнибала совершали обход, в римский лагерь торжественно прибыл царь Масинисса в сопровождении 6000 пехотинцев и 4000 конников. Сципион был настолько самоуверен и убежден в будущей победе, что

позволил себе использовать хитрую уловку против настоящего мастера психологической войны. Устроив разведчикам экскурсию по своему лагерю, чтобы затем отпустить их доложить обо всем, что они видели, римский консул поступил так же, как много лет назад делал Ганнибал, чтобы обескуражить своего противника.

После того как шпионы вернулись и рассказали об увиденном, Ганнибал передал римскому консулу, что хочет встретиться и обсудить возможность покончить с войной без дальнейшего кровопролития — такого с ним прежде не случилось. Хитрость Сципиона возымела успех. Поступок Ганнибала может объясняться его сомнениями в боеготовности его армии, а возможно, и в собственной способности руководить сражением. Сципион отозвался на предложение и, поскольку их лагеря разделяли всего несколько километров, согласился встретиться на полпути, на хорошо просматриваемой со всех сторон возвышенности. Сципион и Ганнибал прибыли на место в сопровождении небольших отрядов кавалерии и переводчиков. Когда два величайших в истории полководца выехали навстречу друг другу, кавалерия оставалась на некотором расстоянии от них. Впервые увидев друг друга, оба не произнесли ни слова, но не из-за сдержанности или страха, а, возможно, в силу чувства взаимного уважения и восхищения.

Поначалу Ганнибал и Сципион говорили каждый на своем родном языке, но по ходу беседы стали чувствовать себя свободнее и смогли обходиться без переводчиков, перейдя на древнегреческий. Как известно из письменных источников, оба полководца владели этим *lingua franca* античного мира. Первым взял слово Ганнибал, начав в примирительном тоне и признав свою ответственность за развязывание войны. Но, вместо того чтобы продолжить в том же духе, начал заносчиво рассказывать, как несколько раз победа оказывалась

практически у него в руках. Не очередное выигранное сражение, коих у него было немало, напомнил он Сципиону, — а победное окончание войны как таковой. Затем Ганнибал лестно отметил, что рад вести переговоры именно со Сципионом, и ни с кем другим из римских полководцев, так как никого, кроме него, не признавал как равного. Он высоко оценил консула за то, что тот принял на себя командование войсками в столь юном возрасте, хотя еще и не был достаточно подготовлен, а также за его стремление отомстить за смерть отца и дяди, убитых в Испании. Ганнибал воздал должное тому, что Сципион не позволил ненависти ослепить себя и сумел направить ее на достижение конкретных целей. Ему хватило стратегической смекалки, чтобы вторгнуться в Африку, тогда как остальные римляне помышляли лишь о защите Италии. Он был зеркалом, в котором Ганнибал узнавал себя в юности. Продолжая восхвалять молодого консула, Ганнибал отметил его полководческие способности, перечислив недавние победы в Северной Африке: он-де посеял в сердцах жителей Карфагена тот же страх, что испытывали римляне, когда Ганнибал стоял под стенами их столицы.

Затем Ганнибал принялся поучать Сципиона, рассказывая о переменчивости войны. Свою речь он закончил рассуждением о том, что перспектива реального мира дороже, чем призрачная надежда на победу. Заключив мир сейчас, Сципион получит все, что только пожелает. Но, если они будут сражаться, римлянину придется принять то, что уготовили ему боги и судьба. Ганнибал уже не мог совладать со своим эго и заявил, что в этой войне карфагеняне прославились своими победами гораздо больше, чем римляне. После чего он снова вернулся к дифирамбам — на этот раз в адрес семьи Сципиона, вспомнив, как сражался с его отцом в Северной Италии много лет назад. Ганнибал отметил, что они оба потеряли близких на этой войне: Публий — отца и дядю,

а Баркид — братьев. Нет необходимости продолжать войну, убеждал он, они могут завершить ее прямо сейчас.

Слова Ганнибала обнажили его самолюбие, демонстрировавшее силу, уверенность и решительность, но за ним прятался страх, что дни его побед сочтены и это сражение он может проиграть. Сколь более простой и счастливой могла быть жизнь, если бы правители довольствовались тем, что есть, и не жаждали чужого имущества, продолжал он. Войны и всех ее страданий можно было избежать, если бы Карфаген не пытался расширить свои владения за пределы Африки, а Рим остался в границах Италии — так говорил человек, которого «Африка еле вмещала». Ганнибал задумчиво заметил, что никто не может изменить прошлое, как бы его ни критиковали, и поэтому им придется смириться с тем, как в итоге все сложилось, даже если они стремились к другому.

Признав, что на момент переговоров преимущество на стороне Рима, Ганнибал напомнил Сципиону: исход войны еще не предрешен. Нужны лишь здравый смысл и готовность договариваться, чтобы закончить ее без дальнейшего кровопролития, и это на руку обеим сторонам. Ганнибал объяснил, что смотрит на жизнь глазами старика, который знает, сколь переменчива удача, и предпочитает полагаться на разум, а не на нее. Молодежь, наставлял он Сципиона, особенно если судьба была к ней благосклонна, верит, что так будет всегда, и в этой вере заключена ее слабость.

После этого Ганнибал наметил условия возможного перемирия, предложив отдать Риму все территории, из-за которых началась война и которые и так уже находились под его контролем: Сицилию, Сардинию, Испанию и все острова, расположенные между Африкой и Италией (в частности, Мальту). Предложение не слишком отличалось от того, что Сципион озвучил карфагенскому совету год назад. Что примечательно, именно эти условия с некоторыми

дополнениями лягут в основу мирного договора после поражения Ганнибала в битве при Заме. Ганнибал признал, что карфагеняне вели себя вероломно в прошлых переговорах и часто не соблюдали договоренности. Но ситуация изменилась, и он готов лично поручиться, что Карфаген выполнит условия соглашения, к которому они придут. Хотя Ганнибал признавал, что сам развязал войну и вел ее успешно, пока боги не позавидовали ему, лишив удачи, он уверял Сципиона, что Риму не придется сожалеть о мире, если Ганнибал будет поручителем. После этого пуниец перешел к завершению сделки и задал принципиальный вопрос: зачем вступать в битву и рисковать всем, что у тебя есть? Заключив мирный договор сейчас, Сципион выйдет из переговоров победителем, ничем при этом не рискуя. Устами Ганнибала говорил мужчина, смилившийся с тем, что Фортуна — богиня удачи и самая могущественная сила в римском античном пантеоне, отвернулась от него, но при этом он все еще оставался непобежденным полководцем и с внушительной армией за спиной представлял собой серьезную угрозу.

Сципион молчал во время речи Ганнибала, внимательно слушая и оценивая человека, с которым впервые сошелся на поле боя 16 лет назад при Треббии. Тогда Публий был 18-летним юношей, не имевшим никаких званий. Теперь же он, самый молодой консул в истории Рима, выступил с армией против его величайшего врага. Сципион был менее склонен к философским рассуждениям, чем Ганнибал, и не позволял себе долгих отступлений. Он подошел к разговору прагматично и сразу дал понять, что не сомневается в своем превосходстве и в переговорах, и на поле боя¹¹. Он напомнил Ганнибалу, что обстоятельства изменились и настоящее значит куда больше прошлых заслуг. Сципион подчеркнул, что именно карфагеняне развязали обе Пунические войны и он всеми силами пытался завершить конфликт

в переговорах. Но пунийцы нарушили условия принятого ими самими соглашения, так как были уверены, что Ганнибал после возвращения в Северную Африку сумеет изменить ход войны. Теперь же они просто пытаются избежать последствий собственного двуличия.

Сципион отметил, что Ганнибал отказывается от притязаний лишь на те территории, которые уже и так находятся под властью Рима. Он заявил, что карфагеняне не заслуживают того, чтобы после нарушения прежнего договора им предлагали те же условия. Ганнибалу нужно было договариваться о завершении войны и выдвигать удобные для себя требования до того, как он покинул Италию, а не теперь. По мнению Сципиона, у Ганнибала был лишь один способ избежать сражения — безоговорочная капитуляция. В таком случае к условиям предыдущего соглашения следует добавить компенсацию за римские грузовые суда, захваченные во время перемирия у побережья Северной Африки. Эти суда перевозили продовольствие из Сицилии, но попали в шторм у Прекрасного мыса* и были выброшены на берег. Эскадра кораблей Карфагена захватила их и отбуксировала в город, где их груз был разграблен. Сципион потребовал от карфагенян вернуть суда вместе с их грузом, а также извиниться за акт пиратства и нарушение перемирия. Но сенат Карфагена, осмелев после новостей о возвращении Ганнибала, ответил отказом. Более того, суда, на которых римские послы отправились в лагерь Сципиона, были перехвачены военными кораблями Ганнибала, и в разгоревшейся схватке погибло несколько легионеров, что окончательно усугубило ситуацию¹². Поэтому консул потребовал компенсации за их гибель и неприемлемое обращение с его послами.

* Возможно, речь идет о мысе Эт-Тиб, ближайшей к Сицилии точке африканского побережья, но существуют и другие версии. — *Прим. пер.*

В ответ Ганнибал занял жесткую позицию и предупредил Сципиона, что в таком случае им придется сражаться и позволить судьбе определить победителя и решить, кто будет править западным Средиземноморьем — Карфаген или Рим. Встреча была окончена, и полководцы вернулись в свои лагеря, чтобы подготовить войска к сражению. На следующий день два прославленных военачальника Античности встретились на широкой равнине во главе сильнейших армий самых богатых городов мира. Битва при Заме наряду с битвой у Метавра является одной из наиболее недооцененных в истории, несмотря на то что исход обоих сражений ознаменовал собой зарождение могущества Римской империи и, возможно, предопределил развитие всей западной цивилизации.

Сошедшиеся в тот день армии были примерно равны по величине — римляне имели лишь небольшое преимущество в коннице. К 1500 всадников Сципиона присоединились 4000 конных воинов и 6000 пехотинцев от Масиниссы. Вместе с нумидийцами и 23 000 римлян и италийцев его пехота насчитывала чуть более 34 000 солдат. У Ганнибала было около 40 000 солдат, в том числе лигуры, галлы, пращники с Балеарских островов, мавританцы — всех их он поместил на первой линии. Он считал их наиболее ненадежной частью войска и потому, как и в предыдущих боях в Италии, отвел им роль буфера, чтобы они приняли на себя первый удар, понеся основные потери. Такая жертва должна была облегчить задачу воинам, идущим за ними. Тит Ливий называет первую линию «разноплеменным сбродом, наемниками, не знающими верности, удерживаемыми только корыстью»¹³.

Впереди этой линии для отражения атаки римлян Ганнибал поставил 80 слонов — никогда раньше он не бросал их в бой в таком количестве. Вторую линию образовали карфагенские и африканские пехотинцы, а третья оставалась в резерве, чтобы вступить в сражение в решающий момент.

Эту роль он отвел матерым ветеранам-бруттиям, остаткам наемников, которые вернулись с ним из Италии. В качестве подкрепления к ним добавили около 4000 тяжеловооруженных македонских пехотинцев, присланных Филиппом. Ганнибал намеренно удерживал их в стороне от сражения, чтобы в нужный момент они вступили в бой «со свежими силами».

Как обычно, на флангах Ганнибал разместил конницу — нумидийцев слева, а карфагенян справа. Но на этот раз его всадники не имели такого численного преимущества, к которому привык пуниец. Чтобы вдохновить солдат на битву, Ганнибал играл на их страхе и корыстолюбии. Галлы, лигуры и бруттии ненавидели римлян, но их прельщала также перспектива добычи. Нумидийцы, из которых состояла африканская часть войска Ганнибала, сражались ради денег, но, кроме того, опасались, что в случае победы Рима его союзник Масинисса обратит их в рабство. Карфагеняне в случае поражения теряли все: их город разграбят и сожгут, а выживших жен и детей заберут в рабство. Победа же означала, что они сумеют восстановить свое торговое господство над западной частью Средиземноморья со всеми проистекающими из этого выгодами.

Общаясь к войскам, Ганнибал напомнил ветеранам о годах совместных сражений в Италии, хотя по большей части в армии были новобранцы италийцы и нумидийцы. Те, с кем он отправлялся в поход из Испании, либо погибли, либо давно покинули его. Он рассказал о побежденных легионах и сраженных римских консулах. Узнав одного из ветеранов, отличившегося в прошлых битвах, Ганнибал остановился перед строем, назвал его по имени и перечислил его подвиги, чтобы все вокруг слышали о них. Проблема была лишь в том, что такая «старая гвардия» была очень малочисленна, а большая часть войска была заметно хуже тех солдат, с которыми он пересек Альпы. При Заме он командовал разрозненной

толпой, большая часть которой была очень недолго под его командованием, и потому их ничего не связывало с пунийцем, кроме денег и страха. В отличие от испанских наемников, у него почти не было времени, чтобы обучить новую армию и создать из нее столь же сплоченную и преданную силу. И потому Ганнибалу было не суждено повторить в Северной Африке успехи, которых он добился в Испании и Италии.

В римском лагере была похожая картина. Сципион напомнил своим солдатам о победах в Испании и Ливии и заявил, что им нечего бояться Ганнибала, потому что от его бывшего величия осталась лишь бледная тень. Консул подчеркнул, что именно Ганнибал недавно приходил к нему, моля о мире — и не потому, что хотел прекратить войну, а потому, что боялся проиграть. Сципион обещал солдатам, что скоро они получат свою добычу и смогут вернуться домой к семьям — как богатые, доблестные воины, достойные своего отечества, которому они стяжают главенство над всем миром¹⁴.

Расставляя войско перед битвой, консул поместил впереди гастатов (*hastati*) — метателей копий. В гастаты обычно набирали самых молодых и бедных мужчин в римской армии, которые в лучшем случае могли себе позволить лишь недорогое снаряжение, чаще всего кольчугу. Они первыми шли в бой и принимали основной удар на себя. Если противник справлялся с гастатами, он наталкивался на вторую линию обороны, более искусных пехотинцев принципов (*principes*). Эти воины происходили из более зажиточных слоев, сражались с мечами и большими щитами, были лучше вооружены и имели больше опыта. Третью линию составляли триarii — самые возрастные и богатые воины, которые могли позволить себе лучшее снаряжение. Они носили тяжелую броню и большие щиты и шли в бой, выстроившись фалангой. Обычно триarii вступали в сражение

лишь в решающий момент, из-за чего в Риме возникла поговорка: *res ad triarios venit* («дело дошло до триариев»). Расставив пехоту, Сципион отправил италийских всадников на левый фланг, а нумидийцев под командованием Масиниссы — на правый.

Одной из причин успеха Сципиона стала оригинальная расстановка сил. Армии той эпохи обычно выстраивались либо греческой фалангой, когда солдаты шли в бой плотным строем, плечом к плечу и сомкнув щиты, либо в более свободном шахматном порядке, ставшем характерным для римлян во время и после Второй Пунической войны. Но, когда Сципион увидел, что Ганнибал выставил впереди слонов, он изменил шахматный строй, приказав второй линии встать сразу за гастатами, а третьей линии — за второй, близко друг к другу. Такой порядок позволял солдатам в колоннах расступаться, образуя сквозные проходы, в которых Сципион разместил легковооруженных велитов (*velites*). Как и в случае с гастатами, эти отряды состояли из молодых и бедных мужчин, но зато они были самым мобильным видом римской пехоты. Велиты сражались почти обнаженными и были вооружены дротиками. Их главной задачей было изнурить врага при столкновении, но не вступать в схватку. Велиты были застрельщиками и, сделав свое дело, быстро отступали за спины товарищей. Сципион хотел, чтобы во время атаки слонов они расступались перед ними и начинали мучить животных: забрасывать с боков дротиками, целя в глаза и ректальную область.

Когда армии сошлись, Ганнибал приказал погонщикам направить слонов на переднюю линию врага. Римские пехотинцы в ответ стали стучать мечами о щиты, и из-за этого шума вкупе с ревом труб некоторые животные запаниковали и повернули на своих. Остальные устремились на римское войско, но инстинктивно выбрали путь наименьшего

сопротивления, угодив в проходы между манипулами. Там на них обрушились велиты, вытесняя с поля боя.

Сначала первая линия войска Ганнибала умудрилась отбросить римлян назад. Но через некоторое время легионеры перестали отступать и уперлись. Противники оказались так плотно прижаты друг к другу, что побросали копья и, выхватив мечи, начали рукопашную. В самый ответственный момент, когда Ганнибал приказал карфагенским отрядам второй линии выступить на помощь наемникам, те отказались идти вперед. По формулировке в одном из античных источников, карфагеняне «совершенно оробели»¹⁵. Вполне возможно, что Ганнибал изначально не слишком доверял им как раз по причине их «врожденной трусости» и специально разместил между первой линией и опытными ветеранами, чтобы вынудить вступить в бой, когда придет их черед. Оставшись без поддержки, солдаты стали отступать, оказавшись между римлянами и карфагенянами, преграждавшими им путь к отступлению. Многие солдаты Ганнибала погибли в тот день от рук своих же, а те, кому все же удалось избежать схватки, обнаружили перед собой стену из сомкнутых щитов и опущенных копий бруттиев и македонян третьей линии.

Остатки первых двух линий пунийского войска оказались отброшены на фланги и попытались бежать. Но на открытой местности у них не было шансов уйти от резни — почти все были захвачены или убиты римскими всадниками, поджидавшими на флангах. Пространство между двумя армиями было завалено убитыми и умирающими, а земля пропиталась кровью людей и животных. Повсюду громоздились зловещие горы трупов с торчащими во все стороны скрюченными руками и ногами. Перелом наступил, когда римские и нумидийские всадники, обратив в бегство карфагенскую конницу, вернулись на поле боя и напали с тыла на третью

линию Ганнибала. Ровная местность давала им преимущество даже над лучшими пехотинцами карфагенян, которым в хаосе и смятении теперь приходилось сражаться и с отступавшими своими, и с ударившими в спину римлянами.

Как сообщают источники, Ганнибал потерял в этой битве 20 000 убитыми и примерно такое же число попало в плен. Если верить античным авторам, потери Рима составили лишь 1500 солдат. Пунийская армия была разгромлена, и римляне отправились грабить ее лагерь. Битва закончилась, а Ганнибал, некогда наводивший ужас на всю Италию и заклятый враг Рима, дезертировал вместе с немногими своими приближенными, бросив остатки собственной армии. Они скакали через пустыню всю ночь и следующий день, пока не достигли безопасного берега возле Гадрумета. И хотя Ганнибал проиграл при Заме, древнегреческий историк Полибий не усмотрел в этом его вины и ни разу не усомнился в правильности его решений.

Согласно Полибию, все дело было в том, что обстоятельства и судьба в тот день не были на стороне Ганнибала. Ему противостоял равный по силам противник, и, как считает историк, Ганнибал сделал все возможное, чтобы избежать сражения. Он попытался договориться о перемирии, а когда переговоры провалились и он вынужден был сражаться, Ганнибал действовал в соответствии с самыми высокими стандартами. Но римские войска у Замы отличались от тех, с которыми он сражался в Италии. Солдаты и их командир могли похвастаться бóльшим опытом и лучшей выучкой, чем легионы, разгромленные при Треббии, Тразименском озере и Каннах. За 16 лет войны римляне проделали большой путь и многому научились. При Заме Ганнибал столкнулся с дисциплинированным войском, во главе которого стоял полководец нового поколения, мысливший не как политик, а как профессиональный военный.

При попытке проанализировать это сражение в первую очередь возникает вопрос: почему Ганнибал проиграл? Стало ли причиной тому его решение придержать лучшие отряды, пока остальную часть армии кромсали на куски? Это противоречило его обычному образу действий. Почему, пока еще держалась первая линия, а римской конницы не было на поле боя, Ганнибал не бросил в сражение свежих ветеранов, одновременно атакуя легионеров всадниками с фланга или пытаясь окружить врага, чем он прославился в Италии? Его сбило с толку неподчинение второй линии? И почему вообще он позволил римлянам взять фланги под свой контроль?

Ганнибал был непривычно пассивен при Заме, уступив Сципиону инициативу. Он почему-то занял оборонительную позицию и позволил вовлечь себя в банальную бойню. Несмотря на восхваления Полибия, Ганнибал не продемонстрировал ни хитрых маневров, ни оригинальных тактических решений, а ведь именно это умение бросить вызов традициям давало ему преимущество даже над превосходящими силами противника. Определенно это был уже не тот военачальник, что одерживал победы при Треббии, Тразименском озере и Каннах десятилетие назад.

Разграбив лагерь Ганнибала, Сципион вернулся с армией в Утику. Оттуда он направил гонца в Рим, чтобы сообщить сенату о своей победе, и начал готовиться к наступлению на Карфаген. Половина его войска выступила к городу по морю, остальная двигалась по суше. Сам Сципион находился на одном из судов, когда неподалеку от Карфагена его встретил корабль, «украшенный шерстяными повязками и масличными ветвями»¹⁶. На нем плыли десять первых людей города, чтобы просить о пощаде. Сципион отослал их обратно и приказал ждать, пока он разобьет лагерь рядом с Карфагеном на месте современной столицы Туниса.

Пунийцам попытался помочь сын Сифакса, атаковавший лагерь значительными силами пехоты и конницы, но римляне прогнали нумидийцев обратно в пустыню.

Карфагеняне прислали к Сципиону еще одну делегацию, на этот раз состоявшую из 30 самых уважаемых граждан, моливших об аудиенции, чтобы обсудить условия мирного соглашения. Но им оказали холодный прием, потому что римляне «помнили их недавнее вероломство». Сципион собрал своих ближайших советников, чтобы обсудить ответные действия, и большая их часть выступила за то, что Карфаген должен быть разрушен. Правда, когда на совете стали обсуждать детали, масштабы задачи и возможная продолжительность осады отрезвили даже самые горячие умы. Кроме того, не стоило забывать и о возможных политических осложнениях. Несмотря на свои успехи, Сципион пользовался популярностью не у всех фракций римского сената и поэтому подзревал, что на его место в любой момент могут поставить другого военачальника. А если это произойдет, его преемник может присвоить себе победу в войне без единого сражения. Поэтому было принято решение отказаться от осады Карфагена и как можно быстрее заключить мир, выдвинув сравнительно мягкие требования.

Карфагенских послов снова пригласили к Сципиону, где их еще раз сурово отчитали за вероломство и затем выдвинули на удивление терпимые условия мирного соглашения. Карфагену разрешалось сохранить статус независимого государства, без ввода римских войск. Жители сохраняли свой государственный строй и продолжали жить по собственным законам. Карфаген сохранял контроль над всеми территориями в Африке, принадлежавшими ему перед началом войны, а всех римских пленных, дезертиров и беглых рабов должен был вернуть. Весь карфагенский флот, за исключением десяти кораблей, и все оставшиеся боевые слоны

передавались Риму. Карфагену было запрещено объявлять войну кому бы то ни было без позволения римлян, а Масинисса получал обозначенную Римом территорию в Северной Африке. Карфагеняне должны были кормить и выплачивать жалование солдатам Сципиона на протяжении как минимум трех месяцев или пока послы не вернутся из Рима с ратифицированным договором. Это было перемирие, но все еще не мирное соглашение. Чтобы гарантировать соблюдение условий перемирия, Сципион отобрал сотню заложников в возрасте от 14 до 30 лет из самых знатных семей Карфагена. Все римские корабли, захваченные пунийцами, следовало вернуть их владельцам, которым также причиталась компенсация за потерю груза. Наконец, Карфаген был обязан выплачивать ежегодную контрибуцию в размере 10 000 талантов, что было значительно больше 2200 талантов, причитавшихся Риму по условиям мирного соглашения, заключенного в 241 г. до н. э. по итогам Первой Пунической войны.

Послы вернулись в Карфаген, чтобы представить условия на одобрение сената. Ганнибала вызвали из Гадрумета, вероятно чтобы он объяснил причины своего поражения. Когда Ганнибал прибыл в город и ознакомился с условиями Сципиона, он призвал сенат принять их и доверять римскому консулу. Когда требования римлян были оглашены на форуме, народ поначалу воспринял их неодобрительно. Ораторы сменяли друг друга на трибуне, и все выступали против ратификации договора. Люди устали от войны, хотя большинство из них напрямую от нее не пострадали. Они жаловались на новые налоги, которые придется ввести, чтобы совершить первую выплату контрибуции Риму.

Присутствовавший на собрании Ганнибал был настолько возмущен, что силой стащил одного из выступавших с трибуны, вызвав ропот в толпе. Раздались выкрики, что в Карфагене власть принадлежит народу и у каждого есть право

высказывать свое мнение. Когда Ганнибал поднялся на трибуну, его встретили насмешки, но он быстро успокоил публику, объяснив, что он простой солдат, непривычный к «свободам городской жизни». Почти 40 лет он провел вдалеке, воюя за их свободу, и ему требовалось время, чтобы привыкнуть к «гражданским порядкам, законам и обычаям»¹⁷. Ганнибал пользовался огромным уважением, и люди благосклонно приняли его извинения. Они внимательно слушали, пока он объяснял истинное положение дел и справедливость условий Сципиона. Они согласились с его замечанием, что народ чувствует тяготы войны, только когда они бьют по его кошельку. Для людей обеспеченных, живущих в комфорте и безопасности, нет ничего более болезненного, чем потеря денег, отметил он¹⁸. В тот день Ганнибал убедил толпу согласиться на требования римлян, и, почти не имея других вариантов, сначала народное собрание, а затем и сенат одобрили соглашение.

Между тем события, разворачивавшиеся в Риме, оправдывали страхи Сципиона. В 201 г. до н. э. состоялись консульские выборы, и одну из должностей получил Гней Корнелий Лентул. Опираясь на сенаторов, критически настроенных к Сципиону, он попытался заполучить Африку в качестве своей провинции. Честолюбивые люди стремились занять должности, которые позволили бы им вкушать плоды победы, не подвергая себя особым рискам. Назначение в Северную Африку сулило серьезные прибыли, и Лентул рассчитывал, что с окончанием сражений сможет присвоить себе итоговую победу и почести. Даже если боевые действия продолжатся, он был уверен, что это будут лишь локальные стычки, а финансовые и политические выгоды от предприятия заметно перевешивали возможные риски. Но попытки Лентула провалились благодаря маневру сторонников Сципиона, в обход сената обратившихся к народному собранию с просьбой дать

Сципиону «империй» (*imperium*) над Африкой, то есть надеть высшей исполнительной властью в военной, политической и экономической сферах. После этого Сципион стал единственным командующим римскими сухопутными войсками в Африке и получил полномочия на ведение мирных переговоров. Карфаген передал ему свой флот, и около 500 кораблей были отбуксированы и в море сожжены и потоплены в пределах видимости с городских стен. Также карфагеняне выдали слонов и 4000 пленных, перебежчиков и беглых рабов. Сципион отправил пленных солдат на родину, дезертиров-римлян приказал распять, а итальянцам отрубить головы, рабов же выпороли плетью и вернули хозяевам.

Завершив свои дела в Африке, Сципион стал готовиться к путешествию в Рим. Перед самым отплытием он передал все территории Сифакса Масиниссе и, переправившись через Мессинский пролив, отправился в Рим по суше, а проигравший нумидийский царь следовал в цепях за его повозкой¹⁹. Толпы людей высыпали на дорогу, встречая спасителя Италии. В Рим он въехал с доселе невиданным триумфом. Сципион продемонстрировал трофеи и внес в казну более 60 т серебра, прежде щедро вознаградив каждого из своих солдат. Сенат объявил период благодарения, когда устраивались игры и гулянья, а Сципион оплачивал все увеселения. Но самой большей честью для Публия стало данное ему прозвище Африканский в ознаменование его победы над Карфагеном, которое он носил до конца жизни. Сципион стал первым военачальником, прозванным в честь покоренного им народа, и в дальнейшем каждый могущественный римлянин жаждал подобной почести, а римские императоры осыпали себя агноменами в честь собственных завоеваний — как реальных, так и вымышленных. Источники не сообщают, было ли прозвище присвоено Сципиону солдатами, народом или сенатом²⁰. Доподлинно известно,

что, несмотря на статус народного героя и самого популярного политика Рима, враждебность к Сципиону и его семье после возвращения полководца лишь выросла и возглавил оппозиционные силы консервативный и настроенный резко против Карфагена тосканский землевладелец и сенатор по имени Катон.

Сципион пощадил Ганнибала и оставил его на свободе, и, по общему признанию ученых, сенат согласился на это из-за популярности консула²¹. Тем самым он нажил себе еще больше врагов в сенате. Помимо личного уважения к Ганнибалу у Сципиона были и другие причины, чтобы помиловать его. Нет никаких сомнений, что из всех возможных вождей Карфагена Сципион доверял Ганнибалу больше всего в том, что касалось соблюдения условий договора и своевременных выплат контрибуции Риму.

Доподлинно неизвестно, чем занимался Ганнибал в годы, последовавшие сразу за завершением войны (с 201 г. до н.э. по 196 г. до н.э.). Лишь два источника пишут о нем в этот период, причем их свидетельства отрывочны, а порой даже противоречат друг другу. Ганнибал сошел со сцены вскоре после заключения мира, но в одном из источников есть неясное упоминание, что пуниец «вместе с братом Магоном продолжал военные действия в Африке до 200 г. до н.э.». Однако из других источников мы знаем, что Магон умер в море за три года до этого! Более того, из этих слов непонятно, с кем именно воевал Ганнибал — с африканцами или римлянами? В другом, гораздо более позднем источнике отмечается, что Баркид очень беспокоился из-за безделья своих солдат и заставил их сажать оливковые деревья. Впрочем, в этом сообщении не указана точная дата, а значит, описываемые события могли произойти и за год до битвы при Заме, когда Ганнибал находился в Гадрумете, и после ратификации Римом мирного договора. По крайней мере, мы

можем с уверенностью сказать, что он жил уединенно вдали от Карфагена.

Единственное заслуживающее доверия свидетельство о вооруженном сопротивлении пунийцев Риму относится примерно к 200 г. до н. э. и связано с действиями карфагенянина Гамилькара²² — офицера, оставленного на севере Италии Магоном в 203 г. до н. э. Другой автор утверждает, что Гамилькар был оставлен Гасдрубалом после перехода через Альпы в 207 г. до н. э. В любом случае он мог получить приказ от Гасдрубала, а позже присоединиться к Магону, но любопытно, что ни один из основных источников не описывает его действия в подробностях. Очевидно, этот Гамилькар на протяжении нескольких лет устраивал набеги на римские колонии вроде Плацентии и Кремоны на севере Италии во главе войска, состоявшего из галлов и лигурийцев. Если верить источникам, его силы в итоге разрослись до 40 000 солдат, превысив или как минимум сравнявшись в размерах с армиями Ганнибала, Гасдрубала и Магона, в разное время действовавшими в этом регионе.

По-видимому, римские войска в Северной Италии были недостаточно многочисленны, чтобы вступить в бой с этим Гамилькаром, и поэтому из Рима в Карфаген отправили послов с требованием отозвать его или убедить сдаться. Но единственное, что могли сделать в Карфагене, — это объявить Гамилькара изгнанником и конфисковать имущество его семьи в Северной Африке — это свидетельствует о том, что он мог действовать без всяких приказов с родины. В итоге получившие значительное подкрепление римские легионы разбили Гамилькара и его войско в битве при Кремоне. Сам он погиб в бою вместе с 35 000 своих солдат — еще одно чрезвычайно сомнительное число, ведь в таком случае это сражение по количеству убитых уступает лишь битве при Каннах, где римляне понесли ужасающие потери.

Но позже, вспоминая об этом сражении, тот же источник утверждает, что Гамилькара взяли живым²³, а затем мы встречаем третью версию, согласно которой он был схвачен и шел закованным в цепи перед колесницей командующего Корнелия во время его триумфального вступления в Рим²⁴. Но какой бы ни была судьба Гамилькара, был ли он убит на поле боя или казнен, сам факт его присутствия в Северной Италии вызывает множество вопросов. Это можно расценивать как свидетельство тайного карфагенского сопротивления Риму в духе секретных спецопераций. С другой стороны, он и в самом деле мог действовать независимо, став чем-то вроде «полевого командира» у галлов. Возможно, именно наличие на севере Италии армии ненавидевших римлян галлов во главе с Гамилькаром было причиной попытки Ганнибала убедить селевкидского царя Антиоха вторгнуться в Италию, а не в Грецию, о чем более подробно написано в следующей главе.

Конец Второй Пунической войны знаменует и серьезные политические изменения внутри Карфагена. Традиционно управлявшие обществом аристократы вступили в борьбу за власть с народными собраниями. Долгое время наиболее широкими полномочиями в Карфагене обладал так называемый «совет судей», состоявший из 104 богатейших людей города, назначавшихся пожизненно. Они настолько рьяно отстаивали свои интересы, что, если кто-то в Карфагене задевал кого-нибудь из их сословия, против него ополчались все²⁵. Несмотря на коррупцию и неэффективное государственное управление, судьи были настолько могущественны, что годами душили любые попытки реформ. Они были типичными олигархами, нажившимися на войне, заботившимися лишь о собственных карманах и стремившимися переложить налоговый гнет, связанный с выплатами Риму, на бедняков.

Когда наступил срок выплаты первой контрибуции за 199 г. до н. э., Карфагену не хватало средств, поэтому в Рим

послали серебро низкого качества. Таланты были проверены чиновниками из римского казначейства, и выяснилось, что они на 25% состоят неблагородных металлов. Римляне совершенно обоснованно предположили, что пунийцы опять взялись за старое. Когда у карфагенского сената потребовали объяснений за столь наглую попытку расплатиться порченным серебром, тот, чтобы избежать возобновления войны, быстро решил компенсировать нехватку средств, еще больше подняв налоги для обычных людей. За следующие два года общественное недовольство достигло критических масштабов. Ганнибал был уверен, что настало время ограничить власть олигархов, и вернулся в политику в 196 г. до н. э., когда был избран суффетом, то есть главнокомандующим Карфагена, народным собранием. Это была высшая должность в исполнительной власти города, аналогичная консулу в Риме. Обычно народное собрание выбирало двух суффетов, одновременно управлявших государством в течение одного года, подобно тому как избирались римские консулы, выполняющие аналогичные функции. Двое — чтобы суффеты могли контролировать друг друга во время исполнения религиозных и судебных обязанностей, управления государственными финансами, подготовки законов и председательствования на народных собраниях. Но в 196 г. до н. э. в качестве суффета упоминается лишь Ганнибал, так что, возможно, в тот год он был выбран один или же имя другого суффета затерялось в истории.

В своей «избирательной кампании» Баркид обличал «высокомерие» судей и обвинял их в попрании свободы и экономического благополучия простых людей²⁶. Он вернулся на политическую сцену, выступая против привилегий и коррупции того самого класса, из которого происходил сам. И хотя в Карфагене всегда царила плутократия, поражение во Второй Пунической войне и последовавшие контрибуции

вызывали массовый протест против попыток олигархии с помощью специальных сборов переложить основную тяжесть выплат на плечи среднего класса и бедноты. Но олигархи столь беззастенчиво злоупотребляли властью и расхищали казну, что Карфаген столкнулся с угрозой невыполнения финансовых обязательств перед Римом, и это послужило поводом для новых налогов. Слишком долго государственные финансы транжирились и разворовывались, так что казна стремительно пустела. Но, когда Ганнибал поручил провести аудит налоговых поступлений от землевладений и собираемых в порту пошлин, он обнаружил, что их размеров было более чем достаточно, чтобы рассчитаться с римлянами, если бы эти средства, как обычно, не прикарманивали олигархи. После обнародования результатов проверки начались массовые протесты, и Ганнибал стал предводителем тех, кто хотел свергнуть власть богачей над Карфагеном. Он выступал против дополнительных налогов за счет народа, доказывая, что в них нет нужды.

Народное собрание поддержало эти обвинения, и как суфет Ганнибал был уполномочен провести реформу государственного и фискального управления городом, что привело к его конфликту с олигархатом. Несмотря на то что каждый член совета судей избирался пожизненно, Ганнибал с помощью народного собрания провел закон об их ежегодном переизбрании, устанавливавший также предельный срок пребывания в этой должности — не более двух лет. Это был серьезный вызов традиционной структуре власти Карфагена, и хотя закон сделал Ганнибала популярным среди низших слоев населения, он же стал причиной открытой вражды со стороны богачей.

Война изменила Карфаген. Хотя ограниченная демократия в форме народных собраний существовала в этом государстве веками, она всегда жестко контролировалась

олигархией. После завершения войны народные собрания увеличили свое влияние на публичную политику, решительно выступив против аристократии. Люди требовали права голоса в определении политики, а избиравшийся ими напрямую и председательствовавший во время собраний суфпет стал их заступником, особенно при Ганнибале. В Риме же события разворачивались по обратному сценарию. Благодаря эффективному управлению государством во время войны сенат стал доминировать в общественной жизни, хотя и не имел на то легальных оснований, сокращая влияние народных собраний и все более открыто действуя в интересах аристократии. Сенат существовал со времени основания Рима Ромулом (756 г. до н. э.), изначально он был лишь совещательным органом при римских царях и состоял из 100 богатейших граждан. К началу Пунических войн сенат увеличил свою численность, авторитет и влияние. Обладавшие высшей гражданской и военной властью консулы также происходили из аристократии, и, хотя кандидатов на эти посты определял сенат, избирал их народ. Они отчитывались перед сенатом и после завершения срока службы становились его пожизненными членами. Так что в интересах консулов было следовать не желаниям своих избирателей, а воле группы, в состав которой им предстояло войти и с которой их экономические интересы были тесно переплетены. После завершения Второй Пунической войны потребуются несколько десятилетий, чтобы в Риме произошли изменения, сходные с теми, что осуществились, пусть и на время, в Карфагене при Ганнибале. Эти изменения будут связаны с усилением трибунов, ежегодно избиравшихся плебеями, чтобы отстаивать их интересы и разрешать их разногласия с аристократией.

За короткий срок Ганнибалу удалось провести некоторые реформы, но из-за слишком глубоко укоренившейся коррупции среди аристократов и последующего изгнания он

не сумел осуществить какие-либо долгосрочные изменения, и Карфаген вскоре вернулся к своему привычному существованию. Поскольку город избежал разорения во время войны, его экономика была обречена на процветание. Карфагеняне пользовались услугами наемников и потому обошлись без серьезных людских потерь. За следующие десять лет Карфаген сумел извлечь серьезные прибыли из своих владений в Северной Африке, несмотря на потерю заморских территорий. Средства, которые прежде тратились на ведение войн, теперь шли на экономическое развитие — феномен, известный как «реванш побежденных»²⁷. Карфаген восстановился до такой степени, что мог поставлять достаточное количество зерна, чтобы кормить население Италии и римские армии, сражавшиеся в Македонии и Греции²⁸. Уже через десять лет пунийцы экспортировали более 12 500 т зерна²⁹, а к 171 г. до н. э. эта цифра превысила 50 000 т³⁰. Карфаген оправился так стремительно, что смог даже предложить Риму выплатить оставшуюся контрибуцию в полном размере единым платежом, на что римляне ответили отказом.

Одной из областей, обеспечивших восстановление экономики, стала оживленная торговля готовыми изделиями — карфагеняне производили и продавали, а римляне покупали. Карфагенская гавань, согласно недавним раскопкам, была серьезно обновлена и даже расширена после Второй Пунической войны, что объясняется исключительно экономическими успехами города. Кроме того, были обнаружены свидетельства активной застройки как в самом Карфагене, так и за его пределами во время правления Ганнибала, и вряд ли можно назвать совпадением, как мы увидим в следующей главе, ее схожесть с проектами, по которым возводились города царей Армении и Вифинии.

На фоне преобразований Ганнибала олигархическая аристократия в Карфагене столкнулась с растущим общественным

недовольством и призывами привлечь ее к ответственности за коррупцию и злоупотребления властью. Оказавшаяся на грани потери своего привилегированного положения и вынужденная компенсировать разворованные из казны средства, группа олигархов организовала заговор с целью дискредитировать Ганнибала и лишить его должности. Зная, как гарантированно вызвать тревогу римлян, эта фракция стала давить на больное место — перспективу новой военной угрозы со стороны Ганнибала. Они передали сообщение в Рим — якобы они подозревают, что Ганнибал планирует еще одно вторжение в Италию, на этот раз с армией, частично состоящей из македонских наемников, предоставленных царем Филиппом. Заговорщики заявили, что он ведет переписку с царем Сирии Антиохом III, чтобы тот профинансировал его замысел, и даже встречается с его послами в Карфагене³¹. Олигархи еще больше разжигали подозрения, настаивая, что «дух этого мужа неукротим и неусмирим» и, по его убеждению, «в мирное время государство впадает в спячку, и проснуться может только от звона оружия».

Сципион попытался защитить Баркида во время обсуждения этого вопроса в римском сенате. Публий возражал против, как он считал, беспочвенных обвинений³² и советовал сенаторам не позволять втянуть себя в распри и мелочную борьбу между политическими группировками карфагенской аристократии. Но Сципион и сам столкнулся с претензиями, так как в сенате многие считали, что он слишком доброжелателен к Ганнибалу. Кроме того, против него затеяли расследование по подозрению в растрате средств, выделенных ему во время кампаний в Испании и Сицилии.

Поздней весной или летом 195 г. до н.э. в Северную Африку была послана делегация римских сенаторов под предлогом урегулирования территориального спора между Карфагеном и Масиниссой. Все три входящих в нее сенатора были

откровенно враждебны Сципиону и собирались возбудить дело против Ганнибала. Но еще до прибытия делегации Ганнибал покинул Карфаген и погнал верхом на лошади на юг в Гадрумет. Там он нанял корабль и отплыл к Керкеннским островам примерно в 50 км к востоку от побережья Туниса. Керкенна служила базой снабжения для судов, плававших по Средиземноморью, и оттуда Ганнибал намеревался отправиться в Тир, находящийся на территории современного Ливана.

Ганнибала сразу узнали, стоило ему появиться в Керкенне. Он стал знаменитостью в античном мире, и «в каждом городе каждый человек жаждал его лицезреть»³³. Начальству в порту свое присутствие Ганнибал объяснил тем, что послан с дипломатической миссией в Тир. Опасаясь, что новость о его местонахождении вскоре будет передана с одним из множества ежедневно выходивших из гавани кораблей в Карфаген, что могло осложнить его отплытие из Керкенны, он прибег к хитрости. Ганнибал объявил о подготовке к жертвоприношению, за которым последует огромный пир — и все это за его счет. Команды всех кораблей в порту были приглашены в полном составе, а чтобы у пирующих была защита от полуденного летнего солнца, он попросил капитанов судов снять паруса и использовать их в качестве навесов. Моряков со всех кораблей, кроме того, на котором приплыл Ганнибал, спустили на берег и сопровождали на место торжества. Жертвы были принесены, а пир длился до глубокой ночи, и в самый разгар веселья Ганнибал вернулся на свой корабль и вышел в море.

Ни одно из судов, находившихся в порту, не было способно догнать его на следующий день. Страдавшим от похмелья морякам потребовалось немало времени, чтобы вернуть оснастку на корабли. Когда до Карфагена дошел слух, что Ганнибал в Керкенне, сенат выслал два боевых судна, чтобы

догнать его. Судьи и сенаторы объявили Ганнибала «вне закона», конфисковали имущество его семьи, а его дома разрушили до основания — возможно, в попытке убедить римских послов, что карфагенские аристократы ничего не знали о планах Ганнибала по возобновлению войны.

Но к тому времени, как карфагенские корабли вышли в море, Ганнибал уже обрел свое первое убежище в изгнании. Человек, бывший на протяжении почти четверти века движущей силой войны в западном Средиземноморье, приготовился к роли покорного просителя у ног эллинистических правителей Востока. По иронии судьбы его первой остановкой стал город, из которого легендарная основательница Карфагена Элисса бежала шестью веками ранее. Ганнибал стоял на пороге новой главы в своей жизни, которая мало что обещала человеку, наводившему ужас на всю Италию и оставившемуся в шаге от того, чтобы изменить ход истории.

ГЛАВА VIII

ИЗГНАНИЕ

Осенью 195 г. до н. э. Ганнибал покинул Тир и направился вдоль побережья на север в Антиохию, расположенную возле современной границы между Сирией и Турцией. Он искал аудиенции у Антиоха III, шестого царя этого эллинистического государства, созданного вскоре после смерти Александра Великого в 323 г. до н. э. его наследниками Селевкидами. Антиох взошел на престол в 223 г. до н. э. в возрасте 18 лет и в первое десятилетие своего правления пытался отвоевать земли на востоке, покоренные Александром столетием раньше и власть над которыми была постепенно утрачена. На пике своего могущества государство Селевкидов включало в себя Малую Азию на западе, Центральную Анатолию, Персию, Левант, Месопотамию и части современных Кувейта, Афганистана, Туркмении и Пакистана. Молодой царь сначала выступил против Египта, но потерпел неудачу, когда его армия была разгромлена в Палестине недалеко от Газы в 217 г. до н. э. Несмотря на это, Антиох повел

войско на восток в Армению в 212 г. до н.э., затем совершил походы в Персию (современный Иран) в 211 г. до н.э., Бактрию (Афганистан) в 208 г. до н.э., а к 206 г. до н.э. достиг границ Индии. После этого он повернул назад и через Аравийский полуостров вернулся в свою столицу Антиохию в 204 г. до н.э. Неудовлетворенный победами на востоке, Антиох стал заглядываться на Грецию и в 202 г. до н.э. заключил тайное соглашение с Филиппом Македонским. Наконец, довольный размахом своих завоеваний и открывавшимися перед ним перспективами, царь пожаловал самому себе титул «Великий». Этот эпитет отражал веру Антиоха в то, что он является новым Александром своего времени.

После окончания Второй Пунической войны римляне, установив свою власть над западным Средиземноморьем, обратили взгляд на восток — Иллирию, Грецию и Малую Азию. Захват Македонии открывал перед ними ворота в Грецию, и в 202 г. до н.э. они объявили войну Филиппу. Поводом для этого послужил союз Филиппа с Ганнибалом и участие македонской фаланги на стороне пунийцев в битве при Заме. Римскими войсками в Македонии и Греции командовал консул Тит Квинкций Фламинин, который был слишком молод, чтобы сражаться и заработать себе имя во Второй Пунической войне, но желал достичь триумфа на востоке, сравнимого с достижениями других римских военачальников на западе. Фламинин был убежден, что добьется в Греции того же, что удалось Сципиону в Африке и Испании. Происходивший из известного патрицианского рода в Риме, честолюбивый Фламинин был поклонником греческой культуры и преподносил себя грекам как их спасителя от тирании алчного македонского варвара Филиппа.

Фламинин нанес поражение Филиппу в Фессалии на северо-востоке Греции в битве при Киноскефалах (буквально — «собачьи головы») в 197 г. до н.э. В этом сражении римские

легионы показали свое превосходство над казавшейся некогда непобедимой македонской фалангой, с помощью которой Александр Великий захватил восточную часть античного мира. Филипп тут же согласился на переговоры, и сенат в Риме ратифицировал заключенный мирный договор. На следующий год Фламинин использовал проводившиеся в Коринфе Истмийские игры — спортивные соревнования, соперничавшие по размаху с Олимпийскими играми, — чтобы объявить миру, что отныне Рим и лично он выступают гарантами свободы всех греков¹.

В том, что Филипп выбыл из игры, Антиох увидел шанс расширить свою империю на запад. Он двинулся с войском на север вдоль побережья Малой Азии, взял греческий Эфес, а затем и другие города на пути к Геллеспонту (древнее название пролива Дарданеллы). Антиох пересек пролив и высадился в области, известной в то время как Фракия, охватывающей северо-восток современной Греции, юг Болгарии и запад Турции. Он хотел проверить реакцию римлян на это вторжение. Тогда и появился на сцене Ганнибал: в 195 г. до н. э. он прибыл в Эфес, ища аудиенции у царя, только что вернувшегося из Фракии. Антиох находился на вершине своего могущества и бесспорно был самым влиятельным правителем в античном мире на тот момент. Ганнибал нуждался в защите и хотел поступить на службу. Пуниец был чуть старше царя, но тот, хотя и признавал авторитет выдающегося полководца и успехи Ганнибала, себя считал непревзойденным. И все же Ганнибал мог быть полезен Антиоху. В то время ни у кого во всем античном мире не было столь богатого опыта сражений с римлянами, и наличие такого соратника могло дать царю психологическое превосходство над противником. Само присутствие Ганнибала на стороне Антиоха могло действовать устрашающе и парализовать волю к сопротивлению в случае его вторжения в Грецию. И дело

было бы не только в том, что Ганнибал возглавил армию Антиоха, — скорее они могли опасаться, что царь профинансирует еще одну его кампанию в Италии.

Служба у Антиоха, даже в подчиненном положении, давала Ганнибалу возможность продолжить борьбу с Римом. Но для этого ему нужно было смириться со второстепенной ролью, что было непросто для человека, всю жизнь отдававшего, а не получавшего приказы. И Ганнибал, и Антиох обладали немалым эго. Царь считал себя правителем, покоровшим недоступные Ганнибалу вершины, к тому же гораздо в более юном возрасте. В то же время Ганнибал почти два десятилетия командовал войсками Карфагена и уж точно не был готов находиться в тени другого человека. Был ли Ганнибал готов безоговорочно выполнять приказы Антиоха, а Антиох — советоваться с Ганнибалом? Или же их колоссальные эго неизбежно должны были столкнуться?

Следующие три года Антиох вел, как это называют некоторые современные историки, античную версию «холодной войны»² с Римом. На первом этапе, с 195 по 194 г. до н. э., Ганнибал почти не воевал, потому что царь больше полагался на дипломатические методы, надеясь добиться уступок от римлян. В 193 г. до н. э. Антиох отправил к Фламинину посланников с предложением мира, но лишь при условии, что Рим признает его власть над Малой Азией и Фракией. Консул отклонил предложение и посоветовал им держаться подальше от северо-восточной Греции, но царь отказался соблюдать запрет. В тот же год Ганнибал убедил правителя профинансировать экспедицию в Африку, которая больше напоминала современную секретную операцию.

Первым пунктом плана было внедрение в Карфаген агента под прикрытием, который должен был установить контакты со сторонниками Ганнибала. Для этой миссии выбрали торговца из Тира по имени Аристон. Получив в распоряжение

сотню боевых кораблей, Ганнибал должен был высадиться на берегу Северной Африки с 10 000 пехотинцев и 1000 всадников и быстрым маршем добраться до стен города, пополнив по пути свое войско местными рекрутами. Успех этого замысла зависел от того, удастся ли сторонникам Баркидов одолеть гарнизон и открыть Ганнибалу городские ворота. На случай провала атаки на Карфаген предусматривался альтернативный вариант: сразу покинуть Африку и отправиться морем в Южную Италию. Высадившись предположительно возле Бруттия, пуниец со своим небольшим отрядом возобновил бы партизанскую войну с римлянами на их же земле, а Антиох в то же время начал бы вторжение в Грецию³. Замысел был в том, чтобы воспользоваться эффектом неожиданности и втянуть Рим в войну на два фронта.

Как только Аристон прибыл в Карфаген, по городу ползли слухи. Аристона призвали на «совет судей», чтобы допросить об истинных целях поездки. Торговец был достаточно осторожен, чтобы не иметь при себе никаких компрометирующих писем, и сумел уйти от прямых ответов на вопросы судей. Понимая, что ему грозит заключение или даже распятие, Аристон воспользовался временным освобождением, пока идет расследование, и скрылся на корабле. Перед побегом он сумел оставить послание на всеобщее обозрение, возможно, на рыночной площади, в котором намекал на участие многих судей в заговоре, в подстрекательстве к которому его обвиняли. Благодаря этому торговец сумел перевести подозрения с тех, с кем действительно должен был встречаться, на самых высокопоставленных чиновников⁴.

Из-за того, что послание Аристона получило широкую огласку, судьи были вынуждены отправить делегацию в Рим, чтобы объяснить случившееся, а также пожаловаться на набеги нумидийского царя Масиниссы на карфагенские границы. Масинисса также отправил послов к римлянам, чтобы

представить свою точку зрения, нагло заявив, что Карфаген вправе претендовать в Северной Африке разве что на узкую полосу побережья, которую древняя финикийская царица Элисса* обманом отняла у нумидийцев несколько столетий назад. В ответ карфагеняне обвинили Масиниссу в нарушении границ, установленных Сципионом по договору 201 г. до н. э. Сенат отправил Сципиона с двумя помощниками в Карфаген, чтобы разрешить спор и разобраться в обвинениях, выдвинутых Аристоном.

Примерно в то же время, вероятнее всего осенью 193 г. до н. э., римляне отправили в Эфес на переговоры с Антиохом делегацию. Ганнибал в тот момент находился в городе, но о его роли в этих переговорах ничего не известно. Однако точно известно, что члены римской делегации сообщили царским советникам о своих тайных встречах с Ганнибалом⁵. Это вызвало у Антиоха подозрения, что Ганнибал вступил в сговор с Римом, из чего легко сделать вывод, что римляне намеренно пытались скомпрометировать пунийца. Согласно Титу Ливию⁶, один из римских послов — бывший консул Публий Виллий Таппул — действительно общался с Ганнибалом с целью вбить клин между ним и царем.

Одна из встреч Ганнибала с римлянами в Эфесе превратилась в легенду и упоминалась в римской литературе столетиями⁷. Согласно этой легенде, в составе делегации был Сципион Африканский и однажды они случайно столкнулись с Ганнибалом в гимнасии. Они провели вместе остаток дня, гуляя по улицам города, и их беседа была настолько приятной, что Ганнибал пригласил Сципиона отужинать с ним тем вечером. На правах старшего говорил в основном Ганнибал. Как можно догадаться, они обсуждали военное дело,

* Легендарная основательница Карфагена, также известная как Дидона. — *Прим. пер.*

поэтому неизбежно встал вопрос: кто является величайшим полководцем в истории? Ганнибал без малейших колебаний назвал Александра Македонского. Он считал его величайшим, потому что Александр сумел завоевать почти всю восточную часть античного мира с небольшой, но необычайно преданной ему армией. Когда его спросили, кто идет следом за Александром, Ганнибал назвал Пирра — греческого царя, вторгшегося в Италию и сражавшегося с римлянами за несколько лет до начала Первой Пунической войны. Пуниец восхищался не только его воинскими способностями и искусной дипломатией, но и умением вовремя выйти из боя с наименьшими потерями. На третье место Ганнибал поставил себя. Когда Сципион осведомился, на какое бы место Ганнибал поставил себя, если бы победил его при Заме, тот снова без всяких колебаний ответил, что тогда он был бы впереди Александра. Сципион оценил этот тонкий комплимент. И хотя эта история веками была одной из ключевых в легендах о Ганнибале, некоторые современные историки сомневаются в ее правдивости, указывая, что Сципион не мог быть в Эфесе, так как входил в делегацию, отправленную в Карфаген⁸.

Из-за встреч с римлянами и последовавших подозрений в сговоре позиции Ганнибала при дворе пошатнулись. Полководца перестали приглашать на встречи царя с советниками, а его роль в будущей войне с Римом решили свести к минимуму. Вместо того чтобы поручить Ганнибалу руководство всей операцией или поставить его во главе одной из армий, пунийца с небольшим отрядом отправили в Африку, чтобы отвлечь внимание, пока Антиох готовится к вторжению в Грецию⁹. К этому царя подстрекал грек из числа его приближенных — этолиец по имени Александр. Антиох, несмотря на протесты Ганнибала, согласился. Этолия представляла собой конфедерацию племенных

общин и городов-государств Центральной и Западной Греции, пытавшихся с помощью Антиоха отбиться от посягательств Рима. Ганнибал выступал за вторжение в Италию, а не в Грецию, что вынудило бы римлян занять позицию обороны, чтобы защитить свои источники снабжения. Нападение на Италию, по его словам, оказало бы психологическое воздействие на местных жителей, напомнив им об ужасах Второй Пунической войны. А вторжение в Грецию, говорил он, даст римлянам небольшое преимущество над Антиохом с точки зрения тылового обеспечения, так как один из их главных портов — Брундизий — находился ближе к театру военных действий. Отсюда враг мог легко перебрасывать подкрепления через Адриатическое море. Ганнибал прекрасно знал эту местность, но Александр считал, что не хуже разбирается в том, как и где нужно сражаться с римлянами, к тому же имел влияние на царя. Он убеждал Антиоха опасаться Ганнибала и сосредоточить усилия на вторжении в Грецию вместо Италии.

Поначалу Ганнибал молча сносил немилость при дворе и последовавшие за этим унижения. Как пишет Тит Ливий, он более «не был взыскан ни одной почестью»¹⁰. В итоге пуниец, не в силах больше выносить остракизм, попросил аудиенцию у царя, чтобы прямо спросить его, почему тот гневается. Антиох не стал уходить от ответа. Он сказал, что подозревает Ганнибала в сговоре с римлянами и больше не доверяет ему. В ответ пуниец заявил, что во всем царстве не найдется более преданного Антиоху и полезного в борьбе с Римом союзника. Он напомнил, что посвятил всю свою жизнь лишь одному — сражениям с римлянами и почти 40 лет вел войну, в которой потерял своих братьев и семью. Его изгнали с родины, и единственным, что он знал в жизни, была борьба с Римом. «Я ненавижу римлян и ненавистен им!»¹¹ — завершил Ганнибал свою речь.

Ганнибал доказывал, что никогда не пошел бы на стогвор с врагом, и в подтверждение своей ненависти к римлянам рассказал царю о клятве, которую дал еще мальчишкой. Когда Гамилькар собирался в Испанию, он, как это принято в Карфагене, приготовился к жертвоприношению, чтобы его плавание было безопасным, а миссия увенчалась успехом. Ганнибала поставили перед алтарем, где проводились «жуткие ритуалы» с принесением в жертву младенцев, и там он наблюдал, как убитому животному вскрыли внутренности, по которым жрец попытался предсказать будущее.

В этот момент Гамилькар потребовал, чтобы сын поклялся перед богами Карфагена, что он «огнем и мечом» сотворит с Римом то же, что греки сделали с Троей¹². Эта нерушимая клятва обязывает его продолжать борьбу с римлянами любой ценой и до самой смерти. Даже в изгнании, где бы он ни находился, если он сможет найти союзника в этой борьбе, он не раздумывая к нему присоединится. Ганнибал пошел бы на все, чтобы приблизить уничтожение своего заклятого врага¹³. Если Антиох хочет мира с Римом, ему следует обратиться к кому-то другому. Но если ему нужна война, то он не найдет лучшего советника и более преданного союзника. Однако, несмотря на утверждения источников об их примирении, после этого Ганнибал никогда не играл серьезной роли в военных планах царя.

Антиох проигнорировал совет пунийца и начал вторжение в Грецию осенью 191 г. до н. э. Он переправился со своей пехотой, всадниками и слонами через пролив Геллеспонт (Дарданеллы), а затем отправился во Фракию. Следующей весной царь перебросил войска на юг, чтобы сразиться с римлянами у Фермопил — узкого ущелья, являвшегося воротами в Центральную Грецию.

Две армии столкнулись в том самом месте, где в 480 г. до н. э. три сотни спартанцев пожертвовали собой, преградив

путь огромной армии персидского царя Ксеркса, и вошли в историю, обессмертив свои имена. Спартанцы удерживали персов в заливе достаточно долго, чтобы другие греческие города-государства успели объединить свои армии и в итоге отразили вторжение. Но теперь в Фермопилах предстояло сразиться римлянам под командованием консула Мания Ацилия Глабриона и военных трибунов Марка Порция Катона и Луция Валерия Флакка против селевкидского царя и его греческих союзников. Ганнибал в сражении не участвовал. Антиох занял ущелье, но история повторилась, и отряд из 200 римлян во главе с Катоном (тем самым, что происходил из рода, некогда занимавшегося разведением свиней) ночью прошел через горы в тыл врагу, как несколькими веками ранее это сделали персы. На рассвете они неожиданно напали на армию Антиоха. Попав в окружение, Антиох вместе с группой советников и новой женой, совсем еще девочкой, бежал в Малую Азию. Одно сражение стоило ему всей Греции. Глабрион вместе со своей армией обрушился на города-государства, поддерживавшие Антиоха. И хотя царю удалось бежать, его беды на этом не закончились.

После поражения в Фермопилах военные действия между Антиохом и Римом переместились в Малую Азию, превратившись в борьбу за контроль над морями у западного и южного побережий современной Турции. Римляне объединились с родосцами, считавшимися одними из лучших моряков античного мира, и пергамским царем Эвменом II. Они с радостью встали на сторону Рима, чтобы отразить постоянно растущую угрозу со стороны Антиоха, и не поняли, что, пытаясь прогнать селевкидского волка, впустили в свои владения тигра.

Из Остии, главного римского порта, в Малую Азию отправился большой флот под командованием Гая Ливия Салинатора, сына Марка Ливия Салинатора, победившего брата

Ганнибала в битве при Метавре. Флот состоял примерно из 50 транспортных судов, к которым возле берегов Сицилии присоединились шесть кораблей из Карфагена и еще 25 кораблей от различных италийских союзников. В порту Афин Пирее 25 судов под командованием римского претора Авла Атилия Серрана усилили флотилию, в состав которой также вошли 50 кораблей, присланных Эвменом. Селевкидским флотом, не уступавшим по силам римскому, командовал изгнанник-родосец Поликсенид. Он вступил в бой с римлянами у мыса Мионесс к северу от Эфеса и неподалеку от острова Хиос. Родосцы имели преимущество благодаря тому, что в носовой части их кораблей размещались сосуды с горючей смолой — вероятно, ранней версией знаменитого «греческого огня», оружия, активно использовавшегося Византийской империей в VIII в. н. э. Емкости поджигали, а затем с помощью системы блоков сбрасывали на палубы селевкидских кораблей, воспламеняя их. Поликсенид был побежден, и Антиох потерпел еще одну неудачу, утратив контроль над важными морскими путями в Эгейском море. Еще раз обратим внимание, что в источниках ничего не говорится об участии Ганнибала и в этом сражении, после которого война переместилась во внутреннюю часть Малой Азии.

Младший брат Сципиона Африканского Луций вернулся в Рим и выиграл консульские выборы 190 г. до н. э. Согласно жребию он должен был отправиться в Малую Азию, но по неизвестной причине, вероятно вследствие оппозиции Сципионам в сенате, провинцию отдали другому консулу — Лелию. После настойчивых протестов Сципиона Африканского сенат согласился вернуть провинцию его брату, но только если сам Сципион будет помогать ему в качестве легата. История повторялась, пусть и по слегка измененному сценарию. Двадцать пять лет назад отец и дядя Сципионов погибли вместе в боях с карфагенянами в Испании (217–211 гг. до н. э.),

следующее поколение стало свидетелем столкновения Публия Корнелия с Ганнибалом в Африке, а теперь вырисовывалась возможность еще одной встречи Ганнибала со Сципионом и его младшим братом на поле боя. Но обстоятельства изменились: ни Ганнибал, ни Публий не обладали всей полнотой власти, оказавшись на вторых ролях — Сципион при своем брате, а Ганнибал при Антиохе.

В какой-то момент в 190 г. до н. э. Антиох послал Ганнибала в Тир, чтобы собрать новый флот. Примечательно его превращение из командующего сухопутными войсками в адмирала, но, возможно, в античном мире не существовало такого разделения. Пуниец собрал флот, и, когда он отплыл с ним из Финикии на северо-запад, находившиеся в союзе с Римом родосцы отправили на перехват свои корабли. Флотилии встретились у юго-западного берега Турции, неподалеку от Сиде — греческого порта в заливе Памфилия. Несмотря на то что Ганнибал имел численное преимущество и захватил инициативу в начале сражения, родосцы — опытные моряки, управлявшие лучшими кораблями того времени, — вынудили его отступить. Ганнибал нашел убежище в Сиде на восточном берегу Ликии, где был заперт родосским флотом. Причины поражения Ганнибала, вероятно как и в битве при Заме, связаны с тем, что он командовал наспех собранным флотом, в состав которого входили моряки и солдаты, никогда не служившие под его началом. Если это действительно было так, то он выжал максимум из того, что было в его распоряжении. Как бы то ни было, в итоге он оказался блокирован в Сиде, и, пока родосский флот продолжал патрулировать побережье, чтобы не позволить ему вырваться, война продолжалась без него.

После утраты контроля над морями у Антиоха не осталось иного выбора, кроме как просить о перемирии. Он предложил римлянам выплатить контрибуцию, соответствующую

половине их военных расходов, и отказаться от притязаний на Северную Грецию и нескольких городов на западном побережье Малой Азии. В ответ Луций Сципион потребовал покрыть все военные издержки Рима и отказаться от прав на все царские владения к западу от Таврских гор. Иными словами, Антиох должен был уступить почти все свои территории в Малой Азии. Царь решил обойти Луция и напрямую обратился к Сципиону Африканскому. Он пообещал освободить сына Сципиона, захваченного в плен в начале войны при неясных обстоятельствах¹⁴. Вместо того чтобы потребовать выкуп, Антиох предложил солидную сумму денег и намекнул, что Публий всегда может рассчитывать на важную и прибыльную должность в будущем управлении империей Селевкидов¹⁵.

Антиох и Сципион не походили друг на друга ни по темпераменту, ни по взглядам на жизнь. Выходцы из разных культур, они во многом не совпадали. Если коррупция и прочие пороки были в порядке вещей для тиранов Востока и Карфагена, то у консервативных римлян вроде Сципиона — патриотов, преданных своему государству, — они вызывали отвращение. Публий ответил, что будет благодарен за освобождение своего сына, но никогда не примет и не отдаст за это ничего, что могло бы скомпрометировать его служение Риму. Он подчеркнул, что Антиох проиграл войну, потому что не сумел защитить переправы через Геллеспонт, позволив римлянам без всякого сопротивления попасть из Греции в Азию. Римляне уже находились в Малой Азии, а учитывая последние победы на море, ворота в царство Антиоха для них были открыты. Сципион Африканский посоветовал царю принять требования Луция Сципиона, но тот отказался.

Между тем все больше римских легионов прибывало на север Малой Азии через Геллеспонт под защитой царя Эвмена, обеспечивавшего безопасность переправы. Они

двигались на юго-восток вдоль побережья полуострова, захватывая города на своем пути. Не сумев договориться с римлянами, Антиох решил рискнуть всем и дать врагу генеральное сражение на равнинах близ Магнесии-у-Сипила, примерно в 30 км к северо-востоку от современного Измира, в декабре 190-го или январе 189 г. до н.э. Перед боем царь вернул Сципиону сына целым и невредимым, не потребовав выкуп. По всей видимости, это просто был жест доброй воли — от отца отцу. Публий отправил выражения благодарности в укрепленный лагерь царя, защищенный широким ровом и высоким двойным валом.

Когда римские legionеры подошли к его лагерю, Антиох не стал вступать с ними в бой. Царь тянул время, он ждал, что с началом зимы римляне вернутся на зимние квартиры, где пробудут до весны, и лишь тогда война возобновится. Но под давлением собственных солдат, которым не терпелось вступить в схватку, и опасаясь, что в случае промедления он лишится их поддержки, Антиох был все-таки вынужден покинуть безопасный лагерь и выйти на равнину.

Масштаб битвы при Магнесии требовал полководца с опытом и талантами Ганнибала. Но в античных источниках не говорится, какую роль он сыграл в тот день, более того, неизвестно, принимал ли Ганнибал вообще участие в сражении. Если пуниец все же находился в лагере Антиоха, то царю не удалось использовать его со всей возможной для себя выгодой — из-за эгоизма, недоверия или опасений за собственную безопасность. В источниках лишь дважды встречаются краткие упоминания об участии Ганнибала в битве при Магнесии. Первое относится к более поздним римским событиям: когда двоюродный брат Сципиона выступал перед сенатом, давая показания во время суда над обвиняемым в растрате Луцием Корнелием, он сказал, что Ганнибал вместе с другими генералами присутствовал на поле боя

во время сражения с Антиохом. Второе упоминание можно найти у Тита Ливия, когда он пишет, что Ганнибал был военачальником в армии царя, что бы это ни означало. Правда, автор не конкретизирует, присутствовал ли Баркид на поле боя у Магнесии.

Готовясь к сражению, Антиох стянул силы со всей своей империи, и численность его армии, по разным оценкам, составляла от 60 000 до 80 000 человек. Наиболее многочисленной была пехота, которую поддерживали отряды серпоносных колесниц, наездников на верблюдах, обычных всадников и индийских слонов. Их развернули традиционным глубоким строем, и в итоге фланги настолько далеко выдавались вперед, что, как утверждают источники, их не было видно из центра, откуда античные восточные цари обычно управляли войском. По-видимому, единственной стратегией Антиоха в тот день было задавить числом римскую армию под командованием Луция Сципиона, насчитывавшую от 30 000 до 40 000 солдат. При Магнесии предстояло повториться сценарию битвы при Каннах, с той лишь разницей, что на этот раз римляне оказались в роли победителей.

Антиох добился успеха в первоначальном столкновении, возглавив правый фланг своего войска. Он оттеснил левый фланг римлян и почти захватил их лагерь. Но левый фланг его армии был разбит римскими всадниками. Слоны в центре вышли из-под контроля и стали нападать на своих же солдат, ломая их ряды и обращая в бегство. Антиох допустил тактический просчет, решив использовать слонов против пехоты вместо того, чтобы поставить их на фланги, где, имея пространство для маневра, в столкновении с римскими всадниками животные были бы более эффективны. Когда их направляли на шумную толпу людей, слоны зачастую впадали в панику и их было легко обратить против собственных солдат.

Антиох проиграл сражение, а его потери, как утверждается, превысили 50 000 убитыми, что было сравнимо с потерями римлян при Каннах. Если верить источникам, римская армия потеряла всего 300 пехотинцев и 24 всадника — уменьшение, которое вызывает серьезные сомнения. Сбежав с поля боя, Антиох сперва отступил в Сарды, расположенные в нескольких километрах от места, где разворачивалось сражение, но вскоре он отправился еще дальше на восток, вглубь своей империи. Царь остановился в Апамее, неподалеку от современного турецкого города Динар. Как только стало известно о его поражении, большая часть крупных городов Малой Азии вроде Эфеса сразу же перешла под власть Рима. Из Апамеи Антиох отправил послов к Сципиону Африканскому с просьбой о прекращении войны. Из-за болезни Публий не участвовал в сражении и поэтому перенаправил делегацию к своему брату Луцию. Антиох надеялся, что Сципион Африканский сможет выступить посредником в переговорах с его братом, но никаких переговоров не было. Луций потребовал от Антиоха безоговорочной капитуляции.

Поражение при Магнесии предредило исход Сирийской войны, и, хотя Антиох поручил послам добиться максимально выгодных условий, по сути, им пришлось принять все требования римлян. Царь был вынужден оставить все свои европейские завоевания и передать территории Малой Азии к северу от Таврских гор союзнику Рима Эвмену. Кроме того, он должен был платить ежегодную контрибуцию в размере 50 000 талантов. Чтобы обеспечить эти выплаты, римляне взяли в заложники 20 видных человек из окружения царя, включая его сына. Также они потребовали выдать им Ганнибала. Это требование прозвучало впервые. В ходе предыдущих переговоров Антиоха со Сципионом перед битвой при Магнесии, например у Геллеспонта, не было сказано ни слова ни о пунийце, ни о его выдаче. После Магнесии, хотя имя

Ганнибала заметно выделялось в списке тех, кого требовалось выдать Риму, он был назван лишь как один из нескольких греческих изгнанников, нашедших пристанище при дворе царя Селевкидов и кого римляне объявили представляющими угрозу их безопасности.

С Антиохом было покончено, и образовавшийся в этой части света вакуум власти был вскоре заполнен римлянами — сначала с помощью марионеток вроде царя Эвмена, а затем и их собственными наместниками. Расстановка сил в восточной части Средиземноморья изменилась в пользу Рима так же, как это ранее произошло на западе после завершения войны с Карфагеном. Римляне усилили свое влияние в Малой Азии и изменили эту часть мира, а Антиох нашел свою смерть тремя годами позже: его убили во время грабежа не большого храма неподалеку от Суз в Иране.

После того как условия мирного договора были согласованы, царским послам приказали отправиться вместе с Луцием Сципионом обратно в Рим и предстать перед сенатом, который должен был ратифицировать соглашение. Луций вернулся в Рим в 189 г. до н. э. с триумфом даже более впечатляющим, чем тот, какого был удостоен его брат после победы над Ганнибалом при Заме и возвращения из Африки в 201 г. до н. э.¹⁶ В знак признания его успехов сенат и народ Рима присвоили ему когномен Азиатский. Но через два года события неожиданно повернулись таким образом, что герой битвы при Магнесии был арестован и предстал перед судом по обвинению в злоупотреблении средствами, выделенными ему на ведение войны, и в присвоении части захваченных у Антиоха богатств. Публий Сципион Назика (буквально — остроносый), кузен братьев Сципионов, избранный консулом в 191 г. до н. э., призвал трибунов и сенаторов не отправлять Луция в тюрьму, ссылаясь не просто на его невиновность, но и на принесенные им жертвы

и верное служение всего рода Сципионов во время Второй Пунической войны и войны против Антиоха. В своих показаниях Назика обратился к битве при Магнесии, заявив, что помимо прочих генералов Селевкида в соперниках у Луция в тот день был и главный враг Рима — Ганнибал¹⁷.

Вскоре после того сражения Ганнибал бежал на остров Крит¹⁸. Некоторыми историками выдвигается гипотеза, что Ганнибал покинул Антиоха еще до сражения, но Тит Ливий утверждает, что он был *rectorum militae*, или военачальником при царе, из чего можно предположить, что пуниец должен был участвовать в битве при Магнесии¹⁹. При отплытии от берегов Памфилии — региона на юго-востоке Турции, расположенного к югу от Апамеи, где укрылся царь, — у Ганнибала имелся небогатый выбор мест, где он мог получить укрытие. Неподалеку находится Кипр, но об этом варианте даже не шла речь, потому что остров был в союзе с Римом. Тир на ливанском побережье все еще оставался частью государства Селевкидов, и, скорее всего, на него распространялись условия мирного договора, заключенного Антиохом. Единственным подходящим вариантом был Крит, до которого, как и до Кипра, можно было быстро добраться по морю. Также Ганнибал мог выбрать этот остров по причине его близости к Северной Африке. Благодаря своему удобному расположению Крит мог стать базой для будущих кампаний против Карфагена, кроме того, он сохранял нейтралитет во время войны Рима с Антиохом.

Но на этом этапе Ганнибал был в бегах и не обладал ресурсами для организации какого-либо вторжения. Скорее всего, он воспринимал Крит как временное прибежище, где он мог «поразмыслить, куда деваться дальше»²⁰. Остров служил гаванью для пиратов, которые зарабатывали на жизнь, похищая ради выкупа всякого, до кого они могли добраться. Тот факт, что Ганнибалу удалось обрести там безопасное

убежище, говорит о том, какое уважение и страх испытывали по отношению к нему люди в античном мире. Возможно, греки, включая проживавших на Крите, видели в нем последнюю защиту от окончательного покорения римлянами после поражений Филиппа и Антиоха. Ганнибал обосновался в Гортине, наиболее процветающем городе на всем острове, имевшем тесные связи с династией Птолемеев в Египте. В классической греческой мифологии именно в Гортину Зевс, превратившись в быка, увез принцессу Европу, чтобы овладеть ею подальше от глаз своей ревливой жены Геры. Впоследствии у Европы родилось трое сыновей, правивших островом из своих минойских дворцов, самым знаменитым из которых является Кносс. Гортина также известна благодаря своему своду законов, найденному во время раскопок в 1884 г. и представляющему собой наиболее полное собрание греческих законов из всех известных. Сейчас этот свод можно увидеть на том самом месте, где его нашли, — посреди руин, расположенных примерно в 50 км от современного Ираклиона.

По прибытии в Гортину Ганнибал привлек к себе внимание местных властей не только в силу своей репутации, но и из-за слухов, что он привез с собой «большие богатства» в виде золотых и серебряных монет²¹. Тогда пуниец, живший на вилле за пределами города, обратился к властям с просьбой разрешить ему оставить свое состояние на хранение в храме Дианы, на что те с удовольствием согласились.

Ганнибал прибыл в храм со множеством больших узкогорлых амфор. Его появление вызвало немалый интерес у местного населения, так что у святилища собралась внушительная толпа. Но только Ганнибал знал, что амфоры на самом деле наполнены свинцом и лишь сверху, где горлышки сужались, были присыпаны золотом и серебром. Но жрецы и знатные горожане поверили, что они заполнены ценными монетами,

и, опечатав, разместили их в безопасной части храма. Вскоре жители Гортины потеряли всякий интерес к Ганнибалу, позволив ему наслаждаться удобствами его виллы и спокойствием ее сада. Сад выглядел весьма убого, был не ухожен, несколько очень простых бронзовых статуй разного размера разбавляли неопрятный антураж.

Когда через несколько месяцев Ганнибал решил покинуть город, он попросил у жителей разрешения оставить амфоры в святилище, пока он не придет за ними. Они с радостью согласились оказать пунийцу такую услугу и никак не препятствовали его отъезду. Среди вещей, доставленных на отправляющийся корабль, были и наполненные золотом и серебром садовые статуи, но критяне об этом не знали.

Пока Ганнибал находился в Гортине, большой отряд римлян высадился на острове и приступил к поискам римских солдат и граждан, захваченных в плен. Командовавший войском консул разослал по городам Крита гонцов с требованием выдать всех пленных римлян, а в случае отказа жителям острова грозили серьезные последствия. Возможно, с этим связано неожиданное решение Ганнибала покинуть Крит. Он отправился на север, скорее всего по морю, к Геллеспонту и через здешние проливы попал в Черное море. Пуниец продолжил свое плавание вдоль северного берега Малой Азии и, по всей видимости, достиг греческого порта Трапезунт. Сойдя на сушу, он отправился на юг через современную Грузию в Армению, где получил убежище при дворе местного царька Артакса²².

Армения была бывшей персидской провинцией, или сатрапией, подчиненной Антиохом в 212 г. до н. э. Он посадил Артакса на престол в качестве своего вассала, и это объясняет, почему Ганнибал отправился именно туда. Армения оставалась удаленной, но все же цивилизованной частью античного мира и была идеальным местом, чтобы спрятаться

от римлян. После поражения Антиоха при Магнесии Артакс провозгласил независимость, перенес столицу в Артаксату (совр. *Арташат*) на берегу реки Аракс, которую турки называют Арас. Римляне сумеют подчинить Армению лишь более чем через столетие, когда Помпей победит царя Тиграна II в 66 г. до н.э. и превратит царство в римский протекторат. Римский император Траян в 114 г. н.э. посетит Артаксату, остававшуюся столицей Армении по крайней мере до конца V в. н.э., после чего город был заброшен.

Артакс тепло принял Ганнибала и поручил ему следить за строительством новой столицы в месте, где сливались две реки — Аракс и менее крупный Азат. В наши дни вдоль Аракса проходит граница между Арменией и Турцией, которая остается закрытой из-за напряженных отношений между государствами. Эта река несет свои воды мимо горы Арарат, легендарного места, где покоится Ноев ковчег, если верить Книге Бытия. Руины древней Артаксаты находятся в 30 км от нынешней столицы Армении Еревана и расположены над развалинами урартской крепости, заброшенной за четыре века до того, как Артакс решил возвести здесь новый город. Сейчас эта местность состоит из 12 холмов, в двух из которых проводились раскопки, четыре были уничтожены в ходе добычи мрамора в советскую эпоху, а еще шесть оставались сравнительно нетронутыми на момент написания книги²³.

Артаксата стала процветающим торговым центром, что подтверждается результатами последних раскопок, и получила известность в античном мире как «Армянский Карфаген». Город соперничал с другими эллинистическими столицами вроде Пергама благодаря своему расположению на пересечении торговых путей из Персии, Месопотамии, Кавказа и Малой Азии.

Покинув Армению, Ганнибал вернулся в Анатолию и направился в Вифинию. Это царство находилось на северо-востоке

Малой Азии, а его границы достигали Мраморного моря на азиатской стороне Босфора. Здесь правил Прусий I, воевавший с царем Пергама Эвменом за область, известную как Мисия. Она была передана Антиохом отцу Эвмена Атталу I и захвачена Прусием в 196 г. до н. э. Эвмен в тот момент был слишком занят участием в войне против селевкидского царства на стороне римлян и оказал слабое сопротивление правителю Вифинии. Но ко времени прибытия Ганнибала (примерно в 187–186 гг. до н. э.) конфликт между ними перерос в открытые военные действия.

Прусий считал пунийца ценным советником в этой войне. Баркиду же представилась еще одна возможность продолжить борьбу с римлянами и сдержать свою клятву. Несмотря на то что он мог остаться в Армении и провести остаток жизни в относительном комфорте и безопасности, Ганнибал предпочел вернуться на запад ради войны с союзником Рима, что не могло не привлечь к нему внимание самих римлян. Преимущество в этом конфликте находилось на стороне Эвмена, чье царство было больше, обладало более обширными ресурсами и находилось в союзе с Римом. Прусий же был стеснен в средствах и людских ресурсах. Ганнибал стал у него военачальником и сразу же начал активно проявлять дипломатическую инициативу, заключая союзы с правителями других небольших государств Малой Азии, чтобы увеличить численность царского войска. После этого под предлогом войны с Эвменом пуниец приступил к обучению армии Прусия, но, вероятно, его настоящей целью было затеять в будущем новую кампанию против римлян. Хотя это и маловероятно, но, возможно, он даже рассматривал еще одно вторжение в Италию.

В то же время Прусий убедил Ганнибала принять на себя контроль над возведением нового города на границе с Мисией, из-за которой и разгорелся конфликт. Пуниец,

по-видимому, взялся за проект, по крайней мере на начальной стадии, и в наши дни руины античной застройки можно обнаружить под турецким городом Бурса. Город, получивший название Пруса, достиг расцвета, став первой столицей Османской империи в 1326 г. Сам Прусий намеревался в итоге перенести сюда свою столицу из Никомедии.

Боевые действия между Эвменом и Прусием начались в 186 г. до н. э., и Ганнибал сыграл в этом конфликте заметную роль. В битве в Мраморном море в 184 г. до н. э.²⁴ флот Прусия численно уступал пергамскому, но Ганнибал был готов к этому. Он намеревался убить Эвмена в начале боя, после чего его солдаты потеряли бы желание продолжать сражаться и война в итоге завершилась бы в пользу Вифинии. Пуниец планировал вычислить корабль, на котором находился правитель Пергама, и бросить все свои силы на то, чтобы изолировать корабль и убить царя. Когда два флота выстроились друг напротив друга, Ганнибал выслал вперед лодку с гонцом, который нес жезл глашатая. Этот жезл, называвшийся кадуцей (*caduceus*), считался у всех цивилизованных народов античного Средиземноморья символом мирных переговоров и гарантировал тому, кто его нес, дипломатическую неприкосновенность. Кадуцей представлял собой короткий жезл, обвитый двумя змеями и увенчанный крыльями. В наше время он часто ошибочно используется в качестве символа медицины, как атрибут античного бога врачевания Асклепия. Но у Асклепия был посох, обвитый одной змеей, и без крыльев. Когда гонец приблизился к флоту пергамцев, держа в руках жезл и письмо царю, его сразу сопроводили на корабль, на котором находился Эвмен, и благодаря этой уловке Ганнибал узнал, где его цель. Пуниец использовал античный аналог белого флага, чтобы получить тактическое преимущество над противником. Конечно, это был обман, но в представлении

Ганнибала, вероятно, победа (которая всегда была его целью) оправдывала средства.

Ганнибал сконцентрировал свою атаку на царском судне, и кораблям пергамцев пришлось ломать строй, чтобы заблокировать продвижение вражеского флота. Тогда Ганнибал во второй раз удивил противника. С кораблей Вифинии на пергамские суда катапультами были запущены сотни глиняных горшков. При ударе о палубу горшки разбивались, выпуская наружу смертоносное содержимое — ядовитых змей всевозможных размеров. Рептилии в поисках укрытия сразу устремились в трюм, где находились гребцы, и на кораблях воцарился ад. Суда теряли ход и выходили из-под управления. Многие из них полностью останавливались прямо в открытых водах. Эвмену, на его счастье, удалось ускользнуть со своего корабля и вернуться на берег под защиту оставшихся там отрядов. Ганнибал выиграл битву, несмотря на превосходящие силы врага, перехитрив его, как делал много раз раньше. После сражения Прусий устроил огромный пир, чтобы отпраздновать победу, но веселью предавались все, кроме Ганнибала. Когда его спросили, почему он остается единственным угрюмым гостем на этом празднике, Ганнибал ответил, что Эвмен вернется вместе со своими римскими союзниками. Он предупредил, что римляне — гораздо более серьезный противник, они не поведутся на тот же трюк, и подчеркнул, что эта победа не более чем отсрочка. Расплата настигнет их, это лишь вопрос времени.

Пытаясь избежать нежелательных последствий, Прусий отправил в Рим послов, чтобы представить свою точку зрения на конфликт с Эвменом и обсудить возможность участия в мирных переговорах с римлянами в роли посредника. Во время своего пребывания в Риме некоторые послы были приглашены на ужин в дом бывшего консула Тита Квинкция Фламинина. Именно он одолел Филиппа Македонского

и поэтому считал себя освободителем и защитником Греции. После возвращения в Рим в 189 г. до н. э. Флиминин был избран цензором, что было высочайшей должностью в республике и венцом успешной политической карьеры. Ко времени описываемых событий он вынужденно оставил государственную службу и вышел на пенсию. Тем вечером один из послов небрежно обронил, что Ганнибал нашел пристанище в Вифинии, и это привлекло внимание Фламинина, увидевшего возможность вернуться на политическую сцену и заслужить почет.

На следующий день Тит Квинций обратился к сенату с просьбой отправить его в Вифинию, чтобы пленить Ганнибала. Между сенаторами завязался спор, представляет ли все еще Ганнибал угрозу Риму. И хотя многие выступали за его поимку и казнь, другие видели в пунийце лишь безобидного старика, которого следует оставить в покое и позволить провести ему остаток жизни в изгнании. «Старая птичка, лишившаяся хвостового оперения и способности летать», — пренебрежительно отозвался о нем один из сенаторов. Фламинин возразил, что, покуда Ганнибал жив, он несет угрозу Риму, и хотя время лишило его юношеской энергии, оно не уменьшило его ненависти к римлянам и не лишило пунийца полководческих талантов. Лишь его пленение и казнь могли унять тревогу римлян.

Сенат одобрил просьбу Фламинина, и тот отплыл в Вифинию вместе с послами Пруссия. Когда бывший консул прибыл в Никомедию и встретился с царем, потребовав выдать Ганнибала, тот умолял не вынуждать его нарушать законы гостеприимства — пуниец все-таки был царским гостем. Но Прусий боялся римлян и нуждался в их поддержке, а потому не мог отказать в их требованиях. Царь Вифинии, очевидно, не входил в число наиболее принципиальных и решительных правителей своего времени, и он вполне мог сам предложить

предать Ганнибала в обмен на союз с Римом. В любом случае он согласился не препятствовать захвату пунийца, сообщил римлянам его местонахождение и отправил своих солдат вместе с ними.

Ганнибал занимал небольшую крепость на берегу Измитского залива примерно в 50 км от Никомедии. Почти два десятка лет Баркид прожил под дамокловым мечом в ожидании дня, когда он все-таки оборвет нить его жизни. Этим мечом, который уготовила ему судьба, были римляне — неизменная и неминуемая угроза, от которой он был вынужден скрываться. Ганнибал жил с постоянным ощущением надвигающейся беды, которое родилось из страха римлян перед ним и подпитывалось его ненавистью к Риму. Он никогда не доверял Прусию и боялся, что однажды римляне придут за ним, и поэтому вырыл множество секретных тоннелей, которые вели от крепости в окружающую ее местность. Когда пуниец увидел, что его убежище окружено, а все выходы находятся под охраной солдат, он предпочел покончить с собой, но не дать себя пленить.

Когда известия о смерти Ганнибала достигли Рима, в городе ликовали, но нашлись и те, кто считал поступок Фламинина недостойным римлянина. Его критики заявляли, что вместо того, чтобы победить достойного противника на поле боя, Фламинин довел до самоубийства безобидного старика. Они напоминали, что после битвы при Заме Сципион Африканский отнесся к Ганнибалу с уважением, оставил его на свободе и даже дал пунийцу возможность вернуться к мирной жизни, хотя на тот момент он оставался серьезной угрозой. Сторонники Фламинина парировали, что именно милосердие Сципиона стало причиной того, что Ганнибал продолжил борьбу с Римом на эллинистическом востоке годы спустя.

Руины крепости, которая, как считается, стала последним пристанищем Ганнибала, находятся на азиатской стороне

Босфора возле Гебзе, примерно в 60 км или часе езды от Стамбула. Она известна как замок Эскихисар (*Eskihisar Kalesi*) и представляет собой небольшое, типично средневековое обветшалое строение, расположенное над крохотным живописным портом на пустынном, продуваемом всеми ветрами холме. Нет никаких археологических свидетельств, которые напрямую связывали бы ее с Ганнибалом, — лишь старая местная легенда и романтическая убежденность автора книги, что это действительно так. По-турецки слово *eskihisar* значит «старая крепость», оно же дало название местному порту. Свидетельства источников достаточно точно определяют ее местонахождение, и чувство, которое возникает у каждого посетителя этих руин, подсказывает, что они не ошиблись.

Неподалеку от крепости, на вершине такого же пустынного холма, как утверждают, находится могила Ганнибала, или по-турецки *Hannibalin Mezari*. Это место найти непросто: оно закрыто для публики, окружено колючей проволокой и патрулируется охраной. Такие меры безопасности связаны с тем, что здесь располагается Государственный институт мер и весов — исследовательский и конструкторский центр, который работает под эгидой Совета Турции по научно-техническим исследованиям (TUBITAK) и на территории которого оказалось захоронение. Официально задачей TUBITAK является обеспечение точности всех измерительных систем, используемых в торговле и промышленности, а также интеграция их на международном уровне. Но проволока и охрана вокруг этого места, строгий запрет на фотографии и необходимость сдавать паспорт, чтобы получить пропуск, наводят на подозрения, что это не все, чем занимается организация.

Попав внутрь, посетитель может дойти до захоронения по грунтовой дороге. Как таковой могилы не существует — только гранитная глыба в парке. В центре камня высечена

небольшая голова Ганнибала. В разные стороны от монумента расходится пять пешеходных дорожек на расстояние примерно 30 м, каждая ведет к большой мраморной доске с надписью — на турецком, английском, итальянском, немецком и французском языках. На всех одни и те же слова: «Этот памятник построен по велению Мустафы Кемаля Ататюрка в 1934 году в честь столетия со дня его рождения и чтобы почтить память Ганнибала — одного из величайших в истории военачальников и государственных деятелей. Ганнибал, которого вели вперед ненависть к Риму и влияние его отца, при помощи своих слонов победил римлян при Барлетте (то есть Каннах) в 217 г. до н.э.». (При Каннах слоны не использовались.) Далее следует рассказ о том, как Ганнибал был вынужден прекратить свою борьбу с римским империализмом из-за недостаточной поддержки со стороны царя Сирии Антиоха и царя Вифинии Прусия, как его предал человек, у которого он находился в гостях, и как он покончил с собой в Либиссе (совр. *Гелбзе*) в 183 г. до н.э.

Но, возможно, развалины настоящего захоронения Ганнибала находятся в нескольких километрах к западу от мемориала Ататюрка, в заброшенной промышленной зоне. От могилы или памятника, построенного в 193 г. н.э. по приказу Септимия Севера — карфагенянина и первого африканского императора Рима²⁵, — осталась лишь кучка мраморных булыжников. Мавзолей в честь пунийца был построен из белого мрамора над его могилой. В начале XX в. немецкий археолог Теодор Виганд заявил, что обнаружил его местонахождение к западу от Эскихисара²⁶.

Ганнибал никогда не верил, что найдет свою смерть в Малой Азии. В последние годы он чересчур уверовал в пророчество оракула: «Либисский дерн покроет тело Ганнибала». Ливией (*Lybya*) в древности греки называли Северную Африку, и поэтому Баркид думал, что умрет именно там. Видимо, он

не подозревал, что невдалеке от его крепости в море впадала небольшая река, которую местные жители называли Либисса (*Libyssa*). Пророчество исполнилось, Ганнибал умер в 183 г. до н.э., как считает большинство историков, в возрасте 63 лет. Он был не просто военачальником: он умел вести за собой, как никто из его современников. Дань восхищения звучит в словах римского историка Корнелия Непота, написавшего, что Ганнибал был настолько же лучше других полководцев, насколько римляне превосходили храбростью все остальные народы. Он не знал поражений в битвах с римлянами в Италии и, если бы не зависть соотечественников в Карфагене, мог бы захватить Рим. В итоге, как пишет Непот, ничтожность и завистливость массы взяла верх над талантами и храбростью одного великого человека²⁷.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ганнибал — это загадка, поистине гомеровский трагический герой, посвятивший всю свою жизнь войне с заклятым врагом, неспособный на компромисс или примирение, которому суждено было в итоге потерпеть поражение. Источники рассказывают, насколько он был предан своему отцу и по настоянию Гамилькара в юном возрасте у алтаря богов Карфагена дал клятву вечно бороться с Римом. В основе их отношений с отцом — героем Первой Пунической войны и исторической фигурой — лежала патологическая ненависть к Вечному городу. Ненависть, которая в итоге, кажется, поглотила весь род Баркидов. Гамилькар хвалился, называя трех своих сыновей «львиным выводком» и утверждая, что вырастит из них разрушителей Рима. Для достижения этой цели он использовал и трех дочерей, правда, их полем боя стала постель — каждую выдали замуж, чтобы укрепить политические и военные связи семьи. Что касается самого Ганнибала, то мы обладаем лишь скудной информацией о его личных

отношениях с женой и сыном, да и та полна догадок и предположений. Мы ничего не знаем о его семье — не знаем даже, была ли таковая вообще. Его жизнь — это непрерывная борьба с Римом, которая в итоге обеспечила Ганнибалу место в истории. Он был необычайно талантливым полководцем, добившимся, как пишут ученые, «беспрецедентного успеха», но в то же время и невероятным неудачником, как мы попытались показать в этой книге. Единственное, что остается неясным даже после 2000 лет исследований и изучения бесконечных теорий: почему Ганнибал вообще решил покинуть Африку и начать войну с Римом? Был ли он верным солдатом, выполнявшим приказы своего правительства, чтобы сохранить экономическое господство Карфагена в западном Средиземноморье, или же действовал на свое усмотрение, *ultra vires* — превышая полномочия, — бунтарь, движимый внутренними демонами и данной отцу клятвой? Была ли Вторая Пуническая война, самая разрушительная в античном мире того времени и изменившая ход истории, всего лишь результатом кровной мести и ненависти к сопернику?

Что делало Ганнибала выдающимся предводителем? И греческие, и римские античные историки утверждают, что он обладал невероятным даром вдохновлять следовавших за ним людей и сеять страх среди врагов, парализуя их. Он был изобретателен в бою, зачастую действуя непредсказуемо и переворачивая все с ног на голову для нерешительных и шаблонно мысливших врагов. Именно умение мыслить нестандартно делало Ганнибала особенным. Он чаще нарушал общепринятые правила ведения войны, чем следовал им. Даже его подход к формированию армии был нетрадиционен, ведь она состояла из наемников, чьей мотивацией чаще всего была обычная жадность. Эти люди говорили на разных языках и происходили из различных культур, могли

дезертировать или перебраться на другую сторону при первой неудаче или изменившихся обстоятельствах. Выходцы из Африки, Испании, Галлии и даже Греции были превращены Ганнибалом в слаженную и эффективную боевую единицу, которая оставалась неистово преданной ему на протяжении почти 16 лет. Он хорошо понимал человеческую природу, особенно если речь шла о солдатах, и осознавал, что ими движут, как писал Наполеон, лишь две вещи — страх и личная выгода. Поэтому Ганнибал был щедр к тем, кто служивал награды и был верен ему, и безжалостен с теми, кто выступал против него на поле боя или в его собственном лагере. Его интересовало лишь одно — победа любой ценой, никакой другой исход его не устраивал. Быть вождем для него значило добиваться от последователей полной самоотдачи, максимально использовать их сильные стороны, чтобы перехитрить врагов.

Характер Ганнибала был настолько же сложен, насколько отличались между собой люди, которые шли за ним. Временами он мог быть жадным и жестоким, а порой щедрым, сострадательным и гуманным — в зависимости от настроения и обстоятельств. Пуниец мог чтить данное им слово, а мог лицемерно нарушать договоры и обещания, которые более его не устраивали. Он был способен проявить милосердие по отношению к проигравшему в одной ситуации и оказаться беспощадным в другой. Возможно, он действительно сражался за освобождение галлов, италийцев и греков от гнета и эксплуатации римлян, а мог преследовать личную выгоду. Согласно римскому поэту Ювеналу, Ганнибала вело вперед его разрушительное эго, и Африка была слишком мала, чтобы удовлетворить его амбиции, даже после присоединения Испании. Ювенал изображал пунийца безумцем, опустошившим античный мир одноглазым полководцем верхом на огромном слоне, который перешел со своим войском

через Альпы, разрушив преграждавшие ему путь скалы с помощью огня, укуса и собственного упорства. После поражения в Северной Африке Ганнибалу пришлось искать убежище при дворах эллинистических царей Малой Азии. Лишившись власти и ресурсов, которые ему давал статус верховного командующего Карфагена, он стал лишь тенью бывшего себя, превратившись в просителя, покорно и терпеливо ожидающего у входа в покои правителей, пока они проснутся и удостоят его аудиенции. По мнению Ювенала, в итоге Ганнибал был обречен стать в истории не более чем объектом восхищения для впечатлительных школяров¹.

Вторую Пуническую войну часто называют «Ганнибаловой войной» из-за ключевой роли, которую он сыграл в этом конфликте, как и его отец в Первой Пунической войне. Ганнибал перехватил инициативу и изменил расстановку сил в античном мире, совершив то, что в его время считалось невозможным. Он пересек с армией Альпы перед самым наступлением зимы и начал войну в тылу у римлян, что было совершенно невообразимо. Переход через горы с войском и слонами обессмертил его образ в массовом сознании, а боевые победы — в военной истории. Уже в Италии Ганнибал побеждал римские армии, вдвое превосходившие его войско по численности, и годами Рим находился на грани катастрофы, пока его солдаты грабили округу.

Уже в начале боевых действий на Апеннинах пуниец одержал ряд ошеломляющих побед, каждая из которых должна была завершить конфликт в его пользу. Его тактические ухищрения помогли добиться блистательных успехов у берегов Треббии в Северной Италии и Тразименского озера в центральной части полуострова, а также на равнинах возле Канн на юге, ошеломив римлян уже на начальном этапе. Битва при Каннах, величайшая победа Ганнибала, стала «архетипической войной на уничтожение» и привела

к разгрому римской армии как единой боеспособной единицы. Она вошла в учебники истории как классический урок тактического мастерства и изучается во всех военных академиях от Вест-Пойнта до Сандхерста. Но победы Ганнибала при Каннах оказалось недостаточно, чтобы выиграть войну, так как римляне показали себя гораздо более стойким противником, чем он ожидал. Теряя свои армии, они набирали и бросали в бой новых солдат, рекрутируя даже преступников из тюрем и рабов из своих поместий. Каждый раз, когда Ганнибал сбивал римлян с ног, они, как герой греческой мифологии Антей, становились еще сильнее, словно черпая силу у земли. Они были упрямы и начали войну на истощение с Ганнибалом, уже страдавшим от нехватки людей и финансов. В итоге их стойкость и решимость довести конфликт до конца взяли верх над его тактическим гением. Как чаще всего и бывает, в этой войне ресурсы в конечном итоге оказались важнее талантов.

Так как римляне вышли победителями, именно они писали учебники истории. Мы видим Карфаген и Ганнибала их глазами, что усугублялось, согласно некоторым современным ученым, близорукими фашистскими, расистскими, ориенталистскими и империалистическими представлениями XIX и XX вв. о третьесортности Африки в целом. Такое восприятие античного Карфагена частично было сформировано под влиянием опубликованного в XIX в. эротического романа Гюстава Флобера «Саламбо», ставшего в Париже модным поветрием. Его часто приводят в качестве вопиющего примера предвзятого изображения Карфагена как общества филистимлян, людей, одержимых деньгами, идолопоклонством и развратом. Целое поколение британских и европейских художников, таких как Лоуренс Альма-Тадема и Жан-Леон Жером, изображали на холсте античный мир в таком же искаженном виде, в каком Флобер представлял

его на своих страницах. А кинопродюсеры, такие как итальянец Джованни Пастроне в фильме 1914 г. «Кабирия», вынесли этот образ в массы. Таким образом, по мнению этих ученых, к Карфагену всегда относились с предубеждением.

Надо признать, что и эта книга не беспристрастна. Она рассматривает Ганнибала через призму высказывания лорда Актона* о том, что все выдающиеся люди, которые творят историю и могут даже изменить ее ход, неизбежно творят и зло. Возможно, способность творить зло является необходимым элементом, обязательным условием (*sine qua non*) успешного командования. Был ли Ганнибал великим героем и патриотом Карфагена, человеком, посвятившим себя служению своей стране, или же его вели вперед внутренние демоны, эго в сочетании с жадностью и он следовал лишь собственным интересам? Лично я был всегда убежден, что все выдающиеся предводители Античности неизменно представляют собой сплав всего худшего, что есть в человеческой натуре, с некоторыми лучшими ее проявлениями. Чем больше власти они получали, тем чаще их пороки и эгоизм брали верх над разумом, воздержанностью и простой способностью сопереживать. Возможно, Актон был прав и абсолютная власть действительно развращает, искажая даже лучшее, что есть в человеке. Ганнибал мог быть сострадательным и милосердным, но в то же время не менее жадным, жестоким и мстительным. Хотя большая часть его достижений заслуживает похвалы и восхищения, они были достигнуты ценой огромных людских жертв и страданий. И возможно, он сам заплатил самую высокую цену. Его братья погибли в сражениях с Римом. Ганнибал пережил их, но лишь для того, чтобы погибнуть не на поле боя, а от собственных рук,

* Джон Дальберг Актон — английский историк и политик XIX — начала XX в., исследовавший взаимоотношения политики и нравственности. — Прим. пер.

вдалеке от родного Карфагена, без друзей и родных, которые могли облегчить его участь и оплакать его смерть.

Если говорить о Ганнибале как о лидере, то в эту эпоху он стоит в одном ряду с двумя широко известными предводителями и завоевателями — Александром Великим, царем Македонии, подчинившим всю восточную часть античного мира в IV в. до н. э., и Юлием Цезарем, покорившим его западную часть в I в. до н. э. Оба создали империи, ими восхищались, перед ними преклонялись, их ненавидели, и оба погибли насильственной смертью от рук убийц. Имена Александра и Цезаря широко известны, и люди обычно представляют себе их место в истории. Из древних источников мы многое знаем как об их военных и политических достижениях, так и о личной жизни и взглядах, что значительно упрощает задачу пишущим о них современным историкам. Ганнибал так и не создал империю, но он развязал одну из наиболее продолжительных и разрушительных войн в истории Рима, определив ход римской экспансии в античную эпоху. И пусть в итоге он потерпел поражение, этот снесаемый ненавистью человек и предводитель, отказывавшийся признавать поражение или идти на уступки, когда речь шла о его врагах, остается выдающейся фигурой в военной истории.

БЛАГОДАРНОСТИ

Несколько человек в различной степени внесли свой вклад в эту книгу, и я бесконечно обязан каждому из них. На этапе разработки концепции мой агент Эндрю Стюарт помог мне подготовить презентацию проекта, а потом и претворить его в реальность. Он продолжает направлять мою карьеру своими рекомендациями по следующей книге. Мои дорогие друзья Стив Форбс и Ларри Киршбаум подбадривали меня и помогали советами на каждом этапе работы.

Мой старый друг Родерик Эбботт, бывший посол Евросоюза и заместитель генерального директора Всемирной торговой организации, объездил со мной на своем внедорожнике Италию, проследовав по пути, пройденному Ганнибалом, и посетив места всех сражений. Я признателен Бобу Пиджону, моему редактору, за его советы и наставления. Мы с Бобом с перерывами работаем вместе на протяжении уже почти 20 лет, начиная с моих ранних произведений *Xenophon's March* («Поход Ксенофона», 2001) и *Alexander*

the Great («Александр Великий», 2004), а теперь и над «Клятвой Ганнибала». Профессор Университета Южной Флориды Джонатан Скотт Перри — мой близкий друг и коллега, взявшийся прочитать черновики рукописи и высказавший ценные замечания для ее улучшения.

Сэнди Томас из Сент-Питерсберга, штат Флорида, помог мне в работе над картами, которые чрезвычайно важны для данной книги, так как позволяют читателю посмотреть на одиссею Ганнибала по Средиземноморью с точки зрения географии и понять ее масштаб.

Наконец, я выражаю благодарность Мэвис Гибсон, которая поддерживала меня на протяжении всей писательской карьеры, начиная с подачи на публикацию моей первой рукописи 20 лет назад и во время написания и выхода последовавших за этим пяти книг. Все эти годы она путешествовала со мной, посещая и фотографируя места археологических раскопок в Тунисе, Испании, Франции, Италии, Греции и Турции. Мы не в состоянии вспомнить, сколько раз пробирались через Альпы, я в неоплатном долгу перед ней, и нет слов, чтобы выразить мою благодарность.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ РЕДАКТОРА ПЕРЕВОДА

Античные источники, на которые ссылается автор, в большинстве случаев переведены. Там, где это так, в примечаниях указаны российские издания, и цитаты приводятся по ним. При отсутствии нужной цитаты в российском издании она дается в прямом переводе с английского языка. Ссылки, для которых нам не удалось найти соответствия в российских изданиях, мы воспроизводим по оригиналу.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРОЛОГ

1. По версии римского сатирика Ювенала, Ганнибал принял яд, высыпав его в вино из кольца, которое всегда носил при себе. См.: Тит Ливий. *История Рима*. Кн. 39, гл. 51; Ювенал. *Сатиры*. Кн. 4, Сатира 10.

ГЛАВА I

1. Талант представлял собой слиток золота или серебра весом около 25 кг.
2. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. I.
3. Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках. Кн. XXII «Гамилькар» и кн. XXIII «Ганнибал», гл. 1.
4. В книге «Династия Ганнибала» (2005) Декстер Хойос опровергает историю о педофилических притязаниях Гасдрубала по отношению к своему юному шуруну Ганнибалу как бездоказательную. Однако упоминания об их отношениях встречаются не только у Ливия (кн. XXI, гл. 3), но и у Диодора Сицилийского (Историческая библиотека. Кн. XXV, гл. 12), а также Корнелия Непота в книге «Гамилькар». И хотя скептики продолжают считать подобные обвинения не более чем очередной попыткой римских историков очернить своих врагов, гомосексуализм был разрешенной практикой у древних греков и хорошо знаком римской культуре. См.: Richard Stoneman, *Education of Cyrus*, 1992, pg. xviii.
5. Cambridge Ancient History, Volume VII, Part II, pg. 515.
6. Во время Троянской войны Ифигения, дочь микенского царя Агамемнона, была принесена в жертву богам в портовом городе Авлида, чтобы те послали попутный ветер кораблям, идущим к берегам Трои. В то время как Ганнибал стоял у ворот Рима, римляне сожгли две супружеские пары — греков и галлов, чтобы боги спасли город.
7. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. XXV, гл. 10.
8. Полибий. Истории. Кн. II, гл. 1; Корнелий Непот. Ганнибал. Гл. IV.

9. Cary and Scullard, *A History of Rome*, p. 125; Cambridge Ancient History, Vol. VIII, p. 30; Leonard Cottrell, *Enemy of Rome*, 1960, p. 14; Ernle Bradford, *Hannibal*, 1981, pp. 33–34; Serge Lancel, *Carthage*, 1992, p. 380.
10. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 3.
11. Он же. Кн. XXIV, гл. 41.
12. Полибий. Кн. III, гл. 15.
13. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 10.
14. Там же. Гл. 10; Сицилий Италик. Пуника. Кн. II, 300–302.
15. Сиций Италик. Пуника. Кн. 11, 395–400.
16. Аврелий Августин. О Граде Божиим. Т. III, 20.
17. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 18.
18. Там же. Гл. 22.

ГЛАВА II

1. Тит Ливий. Кн. XXVIII, гл. 37; Полибий. Кн. III, гл. 33. Само название «балеарский» (*balearic*) на древнегреческом означает «бросать» (*βάλλειν*).
2. Такую цифру сообщают два античных источника — Полибий (Кн. III, Гл. 42), чьи книги были написаны в том же веке, в котором умер Ганнибал, и Аппиан (Римская История, Кн. VII, «Война с Ганнибалом»).
3. Leakey and R. Lewin, *The Sixth Extinction*, 1996, Chapter 2, “Elephant Story.”
4. John Wilford, “The Mystery of Hannibal’s Elephants,” in *New York Times* science section, September 18, 1984.
5. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 23; Полибий. Кн. III, гл. 35. Оба источника сходятся примерно на одних цифрах, говоря о численности карфагенской пехоты и кавалерии. Полибий обосновывает точность своих данных, ссылаясь на то, что видел бронзовую пластину, на которой

сам Ганнибал написал эти цифры, на южном побережье Италии, в районе современной Капо-Колонны.

6. Полибий. Кн. IX, гл. 24.
7. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 23.
8. Полибий. Кн. III, гл. 35.
9. Там же. Гл. 42.
10. Исследования, называющие территорию между Фурком и Бокером наиболее вероятным местом переправы армии Ганнибала: W. W. Hyde, *Roman Alpine Routes*, 1935; Sir Gavin De Beer, *Alps and Elephants*, 1956; J. F. Lazenby, *Hannibal's War*, 1978; Robert Ellis, *Treatise on Hannibal's Passage of the Alps*, 1853; Cecil Torr, *Hannibal Crosses the Alps*, 1924; S. Lancel, *Hannibal*, 1998, Dexter Hoyos, "Crossing the Durance with Hannibal," 2006. А здесь авторы предполагают, что, вероятнее всего, переправа была чуть выше по реке от Оранжа: Napoleon, 1816; Jean-Louis Larouza, *Histoire critique du passage des Alpes par Annibal*, 1826; William J. Law, *Alps of Hannibal*, 1866; Theodore Dodge, *Hannibal*, 1891; R. Hall, *Romans on the Riviera*, 1898; and Douglas Freshfield, *Hannibal Once More*, 1914.
11. Греческая стадия (στάδιον) составляла 185 м.
12. Полибий. Кн. III, гл. 46.
13. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 30.

ГЛАВА III

1. Английское слово *pass* происходит от латинского *passus*, что означает «тропа» или «шаг».
2. M. Cary, *The Geographic Background of Greek and Roman History*, 1950, p. 251.
3. Полибий. Кн. III, гл. 49.
4. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 31.

5. Там же. Гл. 31.
6. Там же. Гл. 35.
7. Там же. Гл. 32.
8. Возможно, у них была сильно увеличена щитовидная железа из-за недостатка йода в употребляемой ими пище.
9. Диодор Сицилийский. Кн. 4, гл. 39.
10. Baedeker's Southern France, 1907, p. 418.
11. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 34.
12. Полибий. Кн. III, гл. 52–53.
13. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 33–35.
14. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 35.
15. По просьбе съемочной группы телеканала ВВС автор провел эксперимент, чтобы установить, возможно ли на самом деле нагреть скалу этой горы и раздробить таким способом. Все происходило не на высоте 3000 км, а на небольшом подъеме над перевалом с французской его стороны. Мы выбрали скалу подходящего размера и развели вокруг нее костер, поддерживая его в течение четырех часов. Затем облили ее парой галлонов промышленного уксуса, приготовленного специально для этого эксперимента, и скала распалась на части буквально от первых ударов кувалдой.
16. Полибий. Кн. III, гл. 60.
17. Два самых авторитетных источника по истории Ганнибала, Полибий и Тит Ливий, несколько расходятся в этих цифрах. По версии Полибия, при переходе через Альпы Ганнибал потерял половину своей армии, состоявшей из 46 000 воинов (Полибий. Кн. III, гл. 60). В этом случае в Италию вместе с ним добралось всего порядка 26 000 человек. Ливий же утверждал, что Ганнибал лишился 36 000 воинов и большого числа выючных животных (Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 38).

18. Полибий. Кн. III, гл. 60.
19. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 39.

ГЛАВА IV

1. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 40.
2. Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 44.
3. Там же. Гл. 46.
4. Полибий. Кн. III, гл. 74; Тит Ливий. Кн. XXI, гл. 58. Полибий говорит, что умерли все, кроме одного. А Ливий утверждает, что семь слонов выжили, погибнув следующей весной во время перехода через Апеннинские горы в Центральную Италию.
5. Полибий. Кн. III, гл. 78.
6. Силий Италик, Кн. IV, 763–829.
7. Полибий. Кн. III, гл. 83.
8. Тит Ливий. Кн. XXII, гл. 6.
9. Картина Жозефа-Ноэля Сильвестра (1847–1926) «Дукарий обезглавливает Фламиния» выставлена в Музее изобразительных искусств во французском Безье.
10. Тит Ливий. Кн. XXII, гл. 5.
11. Там же. Гл. 13.
12. Он же. Кн. XXIII, гл. 13.
13. Полибий. Кн. III, гл. 93; Тит Ливий. Кн. XXII, гл. 16–17.
14. Тит Ливий. Кн. XXII, гл. 23.
15. Некоторые источники оценивают размер армии в 87 200 человек. См.: Lancel, Hannibal, p. 104 на основании данных Тита Ливия, Кн. XXII, гл. 36 и Полибия, Кн. III, гл. 107.
16. Тит Ливий. Кн. XXII, гл. 39.
17. Полибий. Кн. III, Гл. 117.
18. Тит Ливий. Кн. XXII, гл. 49.
19. Он же. Кн. XXIII, гл. 12.

20. Силий Италик. Кн. VII, 675–676.
21. Полибий. Кн. III, гл. 117.
22. Тит Ливий. Кн. XXII, Гл. 57.
23. Там же. Гл. 58.
24. Там же. Гл. 51.
25. Он же. Кн. XXII, гл. 51 и Кн. XXVI, гл. 7.
26. Силий Италик. Кн. X, строки 331 и 332.
27. Тит Ливий. Кн. XXIII, гл. 24.

ГЛАВА V

1. Тит Ливий. Кн. XXVI, гл. 38; Аппиан. Война с Ганнибалом. Гл. 45.191 и 47.205.
2. Он же. Кн. XXIII, гл. 30.
3. Там же. Гл. 4.
4. Там же. Гл. 6.
5. Там же. Гл. 5.
6. Там же. Гл. 7.
7. Там же. Кн. XXIII, гл. 7. Многие историки оспаривают правдивость этих данных, отмечая, что они явно преувеличены, чтобы выставить Ганнибала в максимально невыгодном свете. Напр., см.: Sir Nigel Bagnall, *The Punic Wars*, 1990, pg. 236. Похожий рассказ можно найти и у Диона Кассия, но он относится ко взятию Ганнибалом Нуцерии. Согласно Кассию, в этом городе всех проримски настроенных сенаторов заперли в банях, где они сварились заживо. Такие истории действительно могли быть придуманы в целях пропаганды, после чего они стали кочевать из одного античного источника в другой. Но в то же время они могли быть и правдой.
8. Там же. Гл. 8.
9. Там же.

10. Аппиан. Война с Ганнибалом. Гл. 9.63; Тит Ливий. Кн. XXIII, гл. 15.
11. Тит Ливий. Кн. XXII, гл. 14.
12. Он же. Кн. XXIII, гл. 13.
13. Там же. Гл. 17–18.
14. Диодор Сицилийский. Кн. 26, гл. 9.11.
15. Тит Ливий. Кн. XXIII, гл. 18–19; Флор. Эпитомы Римской истории. Кн. 1, гл. 22.
16. Силий Италик. Кн. 11, 385–423.
17. Аппиан. Указ. соч.; Тит Ливий. Кн. XXVII, гл. 26; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Марцелл, 11.
18. Силий Италик. Кн. 12, 286–287; Тит Ливий. Кн. XXIII, гл. 18.
19. Тит Ливий. Кн. XXIII, гл. 46.
20. Там же. Гл. 11–12. При этом Ливий замечает, что, хотя в источниках и сообщается о четырех пеках, по его мнению, там было не более одного.
21. Марк Юниан Юстин. Эпитама сочинения Помпея Трога «*Historiarum Philippicarum*». Кн. XXXII, гл. 4.11.
22. Аппиан. Указ. соч. Гл. 32.35.
23. Тит Ливий. Кн. XXVI, гл. 12–13.

ГЛАВА VI

1. Тит Ливий. Кн. XXVII, гл. 44.
2. Полибий. Кн. XI, гл. 2.
3. Полибий. Кн. XI, гл. 3.
4. Геры — жены Зевса.
5. Тит Ливий. Кн. XXVIII, гл. 46; Цицерон. О природе богов. Кн. I, разд. 48.24. По его словам, Цицерон услышал эту историю от Целия Антипатора, а тот, в свою очередь, узнал ее непосредственно от Силена

Калактинского — историка, сопровождавшего Ганнибала в походах.

6. Полибий утверждает, что своими глазами видел эту табличку, когда посещал храм Юноны. См.: Полибий. Кн. III, гл. 33.18; Ливий пишет о ней в книге XXVIII, гл. 46.
7. Тит Ливий. Кн. XXX, гл. 20.
8. Там же.
9. Тит Ливий. Кн. XXX, гл. 20; Аппиан, 59; Диодор Сицилийский. Кн. XXVII, гл. 9.

ГЛАВА VII

1. Тит Ливий. Кн. XXX, гл. 21.
2. Там же. Гл. 22.
3. Там же. Гл. 28.
4. Там же. Гл. 20.
5. Там же.
6. Полибий. Кн. XV, гл. 3.
7. Там же. Гл. 5.3; Тит Ливий. Кн. XXX, гл. 29.2.
8. Современный тунисский писатель и политик Абдель Азиз Бельходжа в книге «Ганнибал Барка, подлинная история» (*Hannibal Barca, l'histoire veritable*), а также во время жарких дискуссий в Тунисе в июне 2014 г. утверждал, что битвы не было вовсе. Он настаивает, что битва при Заме выдумана римлянами, которые хотели завершить историю долгой и дорогостоящей войны решительной победой над доселе непобедимым Ганнибалом. Бельходжа — владелец и глава издательства Apollonia Press.
9. Кассий цитируется в более позднем труде Иоанна Зонары «Сокращенная история», кн. 14, 7.
10. Полибий. Кн. XV, гл. 5.

11. Полибий. Кн. XV, гл. 8; Тит Ливий. Кн. XXX, гл. 31.
12. Полибий. Кн. XV, гл. 2; Тит Ливий. Кн. XXX, гл. 24.
13. Тит Ливий. Кн. XXX, гл. 35.
14. Полибий. Кн. XV, гл. 10.
15. Там же. Гл. 13.
16. Тит Ливий. Кн. XXX, гл. 36.
17. Там же. Гл. 37.
18. Там же. Гл. 44.
19. Источники расходятся относительно дальнейшей судьбы Сифакса. Тит Ливий (кн. XXX, гл. 45) настаивает, что он умер еще до прибытия Сципиона в Рим, а Полибий (кн. XVI, гл. 23) утверждает, что его протащили в цепях по городу во время триумфальной процессии и он позднее скончался в тюрьме.
20. Тит Ливий. Кн. XXX, гл. 45.
21. Sir Gavin De Beer, Hannibal, 1969, pg. 290; Lancel, Hannibal, p. 180.
22. Тит Ливий. Кн. XXXI, гл. 10.
23. Он же. Кн. XXXII, гл. 30.
24. Он же. Кн. XXXIII, гл. 23.
25. Там же. Гл. 46.
26. Там же.
27. Среди современных примеров государств, добившихся процветания после поражений в опустошительных войнах, можно назвать Японию и Германию после Второй мировой, Южную Корею и Вьетнам.
28. Тит Ливий. Кн. XXXI, гл. 19.
29. Он же. Кн. XXXVI, гл. 4.
30. Он же. Кн. XLIII, гл. 6.
31. Он же. Кн. XXXIII, гл. 45.
32. Там же. Гл. 47.
33. Диодор Сицилийский. Кн. XXVIII, гл. 10; Тит Ливий. Кн. XXXIII, гл. 48–49.

ГЛАВА VIII

1. Полибий. Кн. XVIII, гл. 44.4, 46.5; Тит Ливий. Кн. XXXIII, гл. 32.5.
2. Серж Лансель. Ганнибал. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2002. С.300.
3. Тит Ливий. Кн. XXXIV, гл. 60. 3–6.61; Марк Юниан Юстин. Кн. XXXI, гл. 3, 7–10.
4. Тит Ливий. Кн. XXXIV, гл. 61.16.
5. Он же. Кн. XXXV, гл. 14.2–3.
6. Там же. Гл. 14.
7. Там же. Гл. 14.
8. Серж Лансель. Указ. соч. С. 303–304.
9. Тит Ливий. Кн. XXXV, гл. 188.
10. Там же.
11. «Odi odioque sum Romanis». Там же.
12. Силий Италик. Кн. 1, 115–125.
13. Полибий. Кн. III, гл. 11.8–9.
14. Тит Ливий. Кн. XXXVII, гл. 34. Его сын служил в римской армии, и Ливий сообщает, что его схватили либо на море, либо во время разведывательной операции в Малой Азии.
15. Полибий. Кн. XXI, гл. 15.3–4; Тит Ливий. Кн. XXXVII, гл. 36.2.
16. Тит Ливий. Кн. XXXVII, гл. 59.2.
17. Он же. Кн. XXXVIII, гл. 58.10.
18. О побеге Ганнибала на Крит сообщают Корнелий Непот (Ганнибал, гл. 9) и Марк Юниан Юстин (Кн. XXXII, гл. 4), в то время как Тит Ливий (Кн. XXXIX, гл. 51) и Полибий (Кн. XXIII, гл. 13) не упоминают о его нахождении на острове, сообщая, что пуниец отплыл в Вифинию.
19. Тит Ливий. Кн. XXXVII, гл. 51.

20. Корнелий Непот. Ганнибал. Гл. 9.
21. Там же.
22. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Лукулл. Гл. XXXI.
23. Richard Stillwell, ed., Princeton Encyclopedia of Classical Sites, 1975; Lori Khatchadourian, «Unforgettable Landscapes» 2007; A. Tonikian, «The Layout of Artashat and Its Historical Development» 199).
24. Корнелий Непот, Кн. Ганнибал. Гл. 10–11.
25. Иоанн Цец. Хилиады. Кн. I. Ч. 27. Стр. 798–805. Плиний. Естественная история. Кн. 5. Плиний утверждает, что в его время, то есть в середине I в. н.э., захоронение Ганнибала представляло собой лишь курган неподалеку от крепости.
26. Theodore Wiegand, «Zur Lage des Hannibalgrabes,» 1902, pp. 322–326.
27. Корнелий Непот. Ганнибал. Гл. 1.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1. Ювенал. Сатира X. Стр. 147–167.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Азия, Малая 255, 256, 264, 265
потеря Малой Азии
Антиохом 270
смерть Ганнибала 282
Александр Великий
 (Македонский) 42, 61,
 74, 76, 93, 98, 183, 186,
 257, 261
Аллоброги, племя 99–102
Альма-Тадема, Лоуренс 288
Альпы
 Грайские 96
 Дофине 97, 99, 100
 Коттские 97
 переход через 14, 82, 95,
 118, 206, 215, 218
 Приморские 91, 96
Амфоры 273, 274
Антей 288
Антиох 16, 255, 257–259,
 261–271

 вторжение в Грецию 259,
 261, 263
Аппиан 212, 295, 299–301
Апулия, Италия 150, 152–154,
 163, 164, 167, 171, 189,
 197, 207, 209
Арарат (гора) 275
Арекомиски (арекомики),
 племя 87
Аримин 125, 208
Аристократия
 Карфагена 40
 коррупция 248, 250, 267
 Рима 123, 131, 224
Аристон 258, 259
Армения 16, 251, 256,
 274–276
Арно, река 140
Артакс 275
Артаксата 275
Асклепий 277
Ататюрка, мемориал 282

Африка
предубеждения британцев
и европейцев в ее
отношении 288

Африканские слоны 75
Ацерры, Италия 175, 183, 185
Ацилий Глабрион 264

Б

Бегство
Ганнибала на Крит 272
после Второй Пунической
войны 239
Бисексуальные отношения 43
Битвы
при Каннах 14, 61, 156, 159–
161, 163, 166, 170, 174,
175, 178, 184, 186–188,
192, 193, 196, 207, 215,
226, 246, 269, 270, 287
с Эвменом 277
при Запе 15, 161, 232, 234,
239, 240, 245, 256, 261,
266, 271, 280, 301
при Киноскефалах 256
при Магнесии 16, 268, 270–
272, 275
при Тразименском озере
144, 149, 170
при Треббии 14, 130, 132,
133, 135, 136, 139, 143,
149, 155, 166, 170, 187,
188, 192, 215, 232, 239,
240, 287
Боги
Вaal 44, 45
Юнона Лациния 193, 218,
219
Бои 83, 84, 90, 92, 106, 107,
124
Большой цирк 224
Босфор 31, 276, 281
Брундизий 129, 195, 201

Бруттий 161, 175, 182, 189,
208, 215, 217, 219

Бурн, река 102

Бурса 277

В

Виганд, Теодор 282
Византийская империя 265
Вифиния 16, 31–33, 35, 251,
276–279, 282
Вольки 87, 88
Вольтурно, река 153
Вторая мировая война 114
Вторая Пуническая война 11,
14, 15, 42, 43, 52, 68, 75,
76, 122, 124, 135, 206,
237, 247, 248, 250, 251,
256, 262, 272, 285

Г

Гадрумет 226, 227, 239, 242,
245, 253
Гай Теренций Варрон 154–156,
158, 164
Гай Фламиний 137, 138, 141,
143, 144, 145, 147, 150,
298
Галлы, племя 8, 39, 48, 52,
67–72, 78, 83, 84, 88,
107–110, 118, 120–122,
127, 129–132, 134–136,
138, 145, 146, 149, 151,
157–159, 164, 165, 171,
205, 211–213, 216, 234,
246, 247, 286, 294
Гамилькар Барка 12, 36, 38, 42,
47, 204, 215, 301
Гамилькар, карфагенянин 246,
247
Ганнон 37, 40, 42, 53, 59, 60,
142, 157, 158, 174, 175,
188–190, 197, 219
Гвадалквивир 56

Гебзе 281, 282
 Геллеспонт (Дарданеллы) 257,
 263, 267, 274
 Гидасп, река 74, 88
 Гиль, река 111
 Гимилькон 174, 175, 188, 191
 Гирпины, клан 174
 Гландаж 103
 Голод 41, 78, 92, 114, 118, 120,
 126, 151
 Гортина 10, 273, 274
 Государственный институт мер
 и весов 281
 Грах, Тиберий Семпроний 197
 Греция 16, 17, 33, 34, 42, 52,
 74, 162, 171, 192, 194,
 195, 247, 251, 256–258,
 262–264, 267, 279, 286,
 292
 Греческая фаланга 237
 Грузия 274

Д

Де-Га, ущелье 103
 Демократия 176, 242, 249
 Деций Магий 181, 182
 Динар, Турция 270
 Диодор Сицилийский 45, 105,
 294, 297, 300–302
 Дром, река 97, 102
 Дукарий 145, 298
 Дюранс, река 86, 98, 103, 105,
 110, 111

Е

Египет 182, 255, 273

Ж

Жером, Жан-Леон 288
 Жертвоприношения 44, 45, 57,
 106, 143, 160, 224
 Жрецы-друиды 106

З

Заговор с целью убийства
 Ганнибала в Капуе 180
 Заложники 107
 Зама, битва при 235, 239

И

Изер, река 97, 102
 Измир 268
 Измитский залив 31, 280
 Илипа, Испания 222
 Иллирия 192
 Имилька, жена Ганнибала 56,
 57, 143
 Индийские слоны в бою 74,
 241
 Инженеры 88, 89, 113
 Испанская (иберийская)
 конница 87, 157
 Италик, Силий 56, 57, 62, 142,
 163
 Италия 8, 9, 12–15, 32–34,
 36, 40, 41, 48, 52, 57,
 64, 66–71, 74, 77–80,
 83, 84, 86, 90–92, 95,
 96, 105, 112, 113, 117–
 123, 127–129, 137,
 138, 142, 148–152,
 160–163, 166–174,
 176–178, 187, 191–
 193, 195, 197, 198,
 204–209, 212, 214–218,
 220–222, 224–227,
 230, 231, 234, 235,
 239, 240, 244, 246,
 247, 251, 258, 262,
 283, 287, 292, 296

К

Кадуцей 277
 Казин, Италия 152
 Кампания, Италия 171

Каннибализм 79
 Капуя, Италия 152, 153, 172,
 175–178, 180–183, 185–
 188, 200–202, 209
 Карпетаны, племя 81
 Картагена 13, 47, 56
 Карфагеняне 38, 50, 110, 235,
 241, 242, 251
 Карфалон 161
 Катон, Марк Порций 264
 Квинт Фабий Максим 147, 148,
 150–154, 156, 159, 160,
 167, 188, 225
 Керкена 253
 Кипр 272
 Клятва Ганнибала 263, 284
 Коль-де-Гримон 103
 Коль-де-ла-Траверсет 111
 Комб-де-Кейра 105, 110, 111
 Компса, Италия 174
 Кортон 141–143
 Коттские Альпы 97
 Крит 16, 272–274
 Кротон 172, 188, 193, 217, 219
 Ксенофан 193, 194

Л

Ла-Фори 103
 Ле-Пузен 102
 Ливий, *см. также* Тит Ливий
 56, 99, 157, 158, 163,
 186, 207, 210, 214, 223,
 264, 294, 297, 298, 300,
 301, 303
 Литанский лес 164, 165
 Луций Бантий 184
 Луций Валерий Флакк 264
 Луций Корнелий Сципион
 Азиатский 34, 154,
 184, 206, 265, 267, 270,
 271
 Луций Постумий Альбин 163,
 164

Луций Сципион 265, 267, 270,
 271
 Луций Эмилий Павел 154–158,
 164

М

Магал 90, 93
 Магарбал 146, 161
 Магнесия, битва при 268–270,
 272
 Магон Барка
 итальянский поход 216
 после победы 159
 Магон Баркид
 смерть 217, 245
 Македония 12, 48, 52, 163,
 193–196, 251, 256, 290
 Македонская фаланга 256, 257
 Марк Клавдий Марцелл 183–
 185, 209, 300
 Марк Ливий Салинатор 207,
 210, 211, 213
 Марк Минуций Руф 148
 Марк Помпонию 147
 Марк Порций Катон 264
 Марсово поле 223
 Марцелл, Марк Клавдий 183–
 185, 209, 300
 Масинисса 227, 228, 234, 235,
 237, 242, 244, 259
 Массилия 47, 84, 85, 90–92,
 120, 122
 Месопотамия 255, 275
 Метавр, река 15, 75, 205, 209–
 213, 215, 234, 265
 Мон-Дофен 98, 104, 105, 110,
 111
 Моногамия 56
 Мономах, Ганнибал 79
 Монте-Визо, гора 111
 Мопсии, клан 174
 Мраморное море 31, 276
 Мутина 84

Н

- Наемники 8, 13, 37, 39–41, 44,
46, 59, 72, 101, 117, 120,
126, 128, 134, 136, 137,
155, 157, 169, 187, 191,
205, 220, 234–236, 238,
251, 252, 285
- Назика 271
- Неаполь, Греция 152, 172, 175,
176, 187, 196, 197
- Непот, Корнелий 43, 283, 294,
303, 304
- Нерон, Гай Клавдий 56, 206–
211, 213–215
- Никомедия 31, 32, 277, 279,
280
- Ноев ковчег 275
- Нумидийская конница 90, 140,
157, 197, 235, 237, 241,
260
- Нумидийские всадники 187,
238
- Нумидийцы 15, 73, 235
- Нучерия, Италия 152, 175, 179,
183, 299

О

- Олигархи 247–251
- Осая 142
- Остия 264
- Отец Ганнибала
Гамилькар Барка 12, 36, 38,
47

П

- Палестина 65, 255
- Первая Пуническая война
12, 13, 36, 38, 41, 59,
66, 69, 74, 126, 148,
208, 226, 242, 261,
284, 287
- Пергам 275

- Перго, долина 142
- Переход через Пиренеи 9, 80,
93
- Персия 67, 255, 275
- Петелия, Греция 172, 174, 188
- Пиза, Италия 121, 139, 141
- Пирр 12, 74, 162, 261
- Пистоя, Италия 139
- Пленники 38, 178, 179, 194,
198
- Плиний Старший 105
- Плутократия 248
- Полибий 40, 41, 85, 86, 99,
158, 205, 212, 213, 239,
240, 294, 295–303
- Помпей 122, 275
- По, река и долина 71, 84, 90,
112, 117, 121, 145
- Продовольственное снабжение
38, 69, 78, 131, 253, 262
- Прусий 16, 31–34, 276–280,
282
- Птолемей 77, 182
- Публий Виллий Таппул 260
- Пунические войны 7, 17, 67,
232, 256
- Путеолы 152, 175, 223
- Пьяццано, Италия 142

Р

- Рабы 34, 45, 51, 78, 80, 127,
153, 160, 181, 194, 197–
199, 203, 241, 244, 288
- Регий, Италия 188
- Родосцы 264, 265
- Рона, переправа 86, 90, 98, 117

С

- Сагунт 10, 14, 47, 48, 52, 56–
64, 71, 73, 125, 126, 223
- Салапия 173, 174, 197, 198,
199
- Самоопределение 173

- Сангинетто, Италия 142, 145
 Сервилий, Гней 137, 138, 147
 Сицилия 12, 13, 36–41, 44,
 46–48, 65, 67, 68, 70, 74,
 124, 137, 169–171, 173,
 176, 178, 188, 196, 215,
 217, 221, 233, 252, 265
 Слоны 74, 77, 241
 в Первой Пунической войне
 41
 индийские 76, 77
 переход через Альпы 89,
 108, 112
 Смерть
 Антиоха 271
 Гамилькара 13, 50
 Ганнибала 283
 Гасдрубала 214
 Магона 217, 245
 Обезглавливание 130, 145,
 164, 185, 202
 Совет Турции по научно-
 техническим
 исследованиям
 (TUBITAK) 281
 Спартак 203
 Сполето, Италия 148
 Страбон 105
 Сузы, Иран 271
 Суицид 16, 202, 280
 Суицид Ганнибала 35
 Суффет 248
- Т**
 Таврские горы 267, 270
 Таллар 103
 Тарент 172, 193–197, 199, 200,
 210
 Тахо, река 55
 Теронтола 142
 Тиберий Семпроний Лонг 83,
 125, 132
 Тигран 275
- Тир 255
 Тит Квинкций Фламинин 256
 Тит Ливий (Ливий) 8, 38,
 99, 103, 105, 109, 179,
 204, 205, 212, 221, 226,
 234, 260, 262, 269, 272,
 293–303
 Тоннели 280
 Тразименское озеро 142, 143,
 147
 Треббия, река 14, 130, 132,
 133, 135, 136, 139, 143,
 149, 155, 166, 170, 187,
 188, 192, 215, 232, 239,
 240, 287
- У**
 Утика 222
- Ф**
 Фаланга, военный строй 236
 Фермопилы 16, 263, 264
 Филипп V 14, 52, 163
 Флобер, Гюстав 288
- Х**
 Храм Дианы 273
- Ц**
 Целеры 180, 181
- Ч**
 Человеческие
 жертвоприношения 44,
 45, 106, 143, 160, 224
 Черное море 274
- Ш**
 Шахты 186
- Э**
 Эвмен 16, 33, 34, 264, 265, 267,
 270, 271, 276–278

Элисса (Дидона) 254, 260

Эскихисар 282

Эскихисар, замок 31, 281

Этрусски 86, 141, 172

Эфес 10, 257, 260

Ю

Ювенал 30, 286, 293, 304

Юлий Цезарь 54, 78, 98, 109,
122, 198

Юнона Лациния 193, 218, 219

Т

TUBİTAK, см. также

Совет Турции по
научно-техническим
исследованиям 281

Превас Джон

Клятва Ганнибала

Жизнь и войны
величайшего
врага Рима

Руководитель проекта *Д. Петушкова*

Арт-директор *Ю. Буга*

Корректоры *С. Чупахина, М. Миловидова, М. Ведюшкина*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Иллюстрация на обложке *Hulton Archive/Staff/Gettyimages.ru*

Подписано в печать 31.10.2018. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 19,5 печ.л. Тираж 3000 экз. Заказ № .

ООО «Альпина нон-фикшн»

123007, г. Москва,

ул. 4-я Магистральная, д. 5, строение 1, офис 13

Тел. +7 (495) 980-5354

www.nonfiction.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Тамплиеры

Рождение и гибель великого ордена

Дэн Джонс, пер. с англ., 2019, 396 с.

О чем книга

Тамплиеры были одним из многих религиозных орденов, возникших в Европе и на Востоке в Средние века, но, без сомнения, самым прославленным и загадочным. Начав очень скромно, орден Храма быстро превратился в самую могущественную организацию своего времени, а его рыцари стали полулегендарными персонажами. Уничтожение ордена в начале XIV века потрясло христианский мир. Конец тамплиеров наступил столь внезапно и был таким жестоким, что породил новые легенды о них. И сегодня, когда прошло более семи веков после разгрома ордена, тамплиеры не забыты: интерес к ним не угасает, им хотят подражать, а кто-то буквально одержим ими.

Кем же на самом деле были рыцари ордена Храма? Британский историк Дэн Джонс убежден, что многое в истории тамплиеров находит мощный отклик в сегодняшнем дне. Его книга — не только о рыцарях ордена Храма, но и о нескончаемой войне в Палестине, Сирии и Египте; о международной организации, более могущественной, чем некоторые правительства; о связи финансов и геополитики; о силе пропаганды и мифотворчества; наконец, о жестокости, вероломстве и предательстве.

Почему книга достойна прочтения

Свежая, сильная и убедительная работа о самом известном духовно-рыцарском ордене крестоносцев, сочетающая серьезный научный анализ и смелую манеру письма. Перед читателем предстает история великих и ужасных воинов меча, проливавших кровь христиан и мусульман от Испании до Иерусалима.

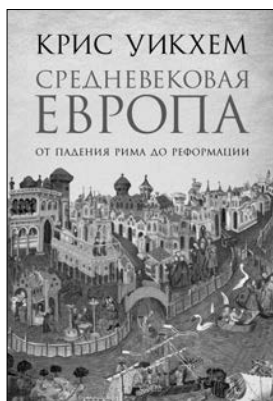
Саймон Себаг Монтефиоре,
автор книги «Иерусалим: Биография»

Кто автор

Дэн Джонс — британский историк, журналист, телеведущий. Окончил Пемброк-колледж Кембриджского университета. Автор бестселлера *The New York Times* «Плантагенеты» (The Plantagenets). Джонс был консультантом и сценаристом многих исторических сериалов, включая нашумевшую эпическую драму «Падение ордена» (Knightfall). Является постоянным автором таких изданий, как *The Sunday Times*, *The Daily Telegraph*, *The Wall Street Journal*, *GQ* и *The Spectator*.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22

Средневековая Европа От падения Рима до Реформации

Крис Уикхем, пер. с англ., 2019, 536 с.

В Средних веках, далеких и местами очень плохо документированных, удобно выискивать подтверждение любым домыслам XX века, и в результате подобные взгляды предстают такими же далекими от реальности, как и заявления некоторых гуманистов. Однако параллельно уже больше столетия ведется упорная эмпирическая работа, благодаря которой тысячелетие Средневековья проступает более четко и ясно во всей своей сложности и очаровании.

О чем книга

Тысячелетие, прошедшее с распада Римской империи до начала Реформации, было насыщено преобразованиями, и потому его не так легко описать в рамках одной книги. Тем не менее британский историк Крис Уикхем принял этот вызов. Он показывает Средневековье как динамичный период масштабных перемен, фокусируясь на таких знаковых событиях, как падение Рима, реформы Карла Великого, распространение христианства в Европе, закат Византийской империи, эпидемии Черной смерти и т.д. Анализируя их, автор рассказывает, какие изменения они вызвали в социальной, экономической и политической сферах, а также в частной жизни людей. Перед глазами читателя разворачивается панорамная картина жизни государств и городов средневековой Европы, проходит галерея образов императоров, королей, деятелей Церкви, рыцарей, крестьян, купцов. Эта насыщенная информацией и увлекательно написанная аналитическая работа будет интересна и специалистам, и тем, кто обратится к периоду Средневековья впервые.

Почему книга достойна прочтения:

Основное внимание Уикхема сосредоточено на всеобъемлющих структурных особенностях, показывающих, чем, на его взгляд, характеризуется и чем интересен средневековый период. Его книга — это не учебник истории, описывающий последовательность событий, а насыщенная информацией аналитическая работа, отличающаяся четким и доступным изложением и при этом увлекательно написанная.

Кто автор

Крис Уикхем — британский историк-медиевист, профессор средневековой истории Оксфордского университета, член Британской академии, автор ряда исторических трудов.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22

Византия История исчезнувшей империи

Джонатан Харрис, пер. с англ., 2017, 386 с.

О чем книга

Возникнув на обломках великой Римской империи, Византия на протяжении своей более чем тысячелетней истории была ареной постоянных вторжений, осад и войн. Граница Запада и Востока, символ христианского мира — Константинополь — манил захватчиков, поражая своим богатством и великолепием. Каким образом Византийская империя, которой некогда принадлежало полмира, несмотря на все потрясения, просуществовала поразительно долго и почему в конце концов исчезла почти бесследно, словно растворилась? Древнюю державу не спасли ни мощная армия, ни искусность ее политиков, ни неприступные стены Константинополя, ни вера в то, что Бог не оставит первую на земле христианскую империю, распространившую новую религию не только по своей обширной территории, но и в соседних государствах. О том, как зародилась, правила миром и погибла Византия, а также какое наследие оставила современному миру, рассказывает британский историк Джонатан Харрис.

Почему книга достойна прочтения

Рассказ Харриса об этом удивительном обществе ярок и увлекателен... Его глаз внимателен к деталям: ему всегда удастся найти самую захватывающую историю, чтобы заинтересовать читателя центральным персонажем главы... Автор успешно преодолевает ограничения, налагаемые краткостью изложения, позволяя читателю прочувствовать, что значило быть византийцем.

Питер Хизер, *BBC History Magazine*

Кто автор

Джонатан Харрис — профессор Королевского колледжа Холлоуэй Лондонского университета. Тема его исследований — история Византии и отношения между Византией и Западом, особенно во времена Крестовых походов и в эпоху итальянского Возрождения. Автор ряда книг, а также статей и обзоров в журналах *History Today* и *BBC History Magazine*.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22

Первый крестовый поход Зов с Востока

Питер Франкопан, пер. с англ., 2018, 352 с.

О чем книга

Первый крестовый поход — величайшее событие Средневековья, изменившее историю Европы и стран Востока. Принято считать, что он начался по призыву папы Урбана II, когда тысячи рыцарей отправились отвоевывать Святую землю у мусульман. Но что, если на самом деле инициатива исходила вовсе не из Рима? Опираясь на малоизученные источники,

британский историк Питер Франкопан предлагает свой взгляд на эти события. Истинным вдохновителем и организатором Первого крестового похода он считает византийского императора Алексея I Комнина, талантливого дипломата, чудом удержавшегося на троне, но при этом сумевшего поставить военные ресурсы Европы себе на службу. Страница за страницей Франкопан распутывает хитросплетения версий и источников, разоблачает «черную легенду» о «коварном» императоре и, раскрывая неизвестную историю Первого крестового похода, показывает последствия этой экспедиции для Востока и Запада.

Почему книга достойна прочтения

Питер Франкопан не только увлекательно и ярко повествует о перипетиях Первого крестового похода, но и восстанавливает историческую справедливость в отношении истинной роли Византии в инициировании похода и обеспечении его успеха. Крестовый поход в конечном счете был «проектом» Константинополя, успешно разрешившим насущные политические задачи Византийской империи. Книга написана в популярном стиле и рассчитана на широкий круг читателей. Вместе с тем это полноценное исследование, абсолютно достоверное с точки зрения строгой науки и созданное первоклассным историком, имеющим свой особый взгляд на предмет, а также вкус к «неудобным» и «странным» деталям в событиях, будто бы давно известных.

Рустам Шукуров, доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова

Кто автор

Питер Франкопан — британский историк-медиевист, профессор Оксфордского университета, популяризатор науки. Директор Центра византийских исследований Оксфордского университета.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22

Падение Османской империи Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914–1920

Юджин Роган, пер. с англ., 2018, 559 с.

О чем книга

Первая мировая война оказала огромное влияние на формирование современного Ближнего Востока, а раздирающие его конфликты — революции, гражданские войны и противостояние между израильтянами и палестинцами — восходят корнями

к послевоенному урегулированию и разделу Османской империи. В своей книге известный британский историк Юджин Роган представляет историю Первой мировой войны, раскрывая последствия, к которым она привела на Ближнем Востоке, и ту важнейшую роль, которую сыграл в ней регион. Автор живо и увлекательно рассказывает о политических интригах и военных баталиях, развернувшихся на османских землях от Галлиполийского полуострова до Аравии. В отличие от окопной войны на Западном фронте, на Ближнем Востоке боевые действия носили динамичный и непредсказуемый характер. Прежде чем военная фортуна повернулась лицом к державам Антанты, турки нанесли им сокрушительные поражения на Галлиполийском полуострове, в Месопотамии и Палестине. Тем не менее война привела просуществовавшую больше шести веков Османскую империю к распаду, который стал эпохальным событием мировой истории.

Почему книга достойна прочтения

Западный мир очень мало знает об участии турецкого и арабского народов в Первой мировой войне. Большая часть литературы по теме отражает исключительно опыт союзных войск. За 100 лет исследований историками воссоздана исчерпывающая картина Первой мировой войны глазами солдат и полководцев Антанты. Юджин Роган предлагает взглянуть на эту войну с другой стороны линии фронта. Автор использует в своей работе архивные материалы, которые лишь недавно стали доступны западным ученым. При этом книга не только исключительно информативна, но и прекрасно написана: ее отличают живой язык, увлекательность повествования, яркие персонажи.

Кто автор

Юджин Роган — британский историк-арабист, профессор Оксфордского университета, специалист по современной истории Ближнего Востока, директор Центра ближневосточных исследований Колледжа Св. Антония.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22

SPQR

История Древнего Рима

Мэри Бирд, пер. с англ., 2017, 696 с.

О чем книга

Древний Рим — тема всеобщего интереса; опыты знакомства с его образами и историей сопровождают нас в науках, литературе, искусстве. Но насколько близки к реальности наши представления о той эпохе? Книга Мэри Бирд, одного из ведущих мировых специалистов по древней истории, неизбежно изменит многие из них. Сенат и народ, Цицерон и Катилина, Ганнибал, Цезарь, Клеопатра, Август и Нерон... Описывая взаимоотношения власти и человека, политическое устройство и конфликты, становление государственности и империи, знаменитых и никому не известных римлян, автор обрушивает множество мифов, заставляет по-иному взглянуть на многие события давней истории. Здесь есть все лучшее, что читатель может найти в научно-популярной литературе: глубокие и все-сторонние знания о предмете, великолепный язык рассказчика, умение передать пульс повседневной жизни. Читая о далеком прошлом, мы сопереживаем ему так, словно читаем блог самого Цицерона, словно играем в кости в помпейском трактире.

Почему книга достойна прочтения

Книги по истории Древнего Рима или пугают непривычного читателя шеренгами незнакомых лиц, понятий и мест, или все упрощают. Мэри Бирд предлагает иной подход: мы быстро погружаемся в увлекательную историю, удаленную от нас на две тысячи лет и больше; мы многого про нее не знаем, но все равно на ней построены почти все современные политические системы мира. Знакомство не будет простым, но без него обойтись нельзя: не зная ничего о Древнем Риме, мы не поймем современность.

Виктор Сонькин, автор книги «Здесь был Рим», лауреат премии «Просветитель»

Кто автор

Мэри Бирд — профессор истории Древнего мира Кембриджского университета, редактор раздела антиковедения *The Times Literary Supplement* (еженедельного литературного приложения к *The Times*).

Получив признание в мировом научном сообществе, стала членом Британской академии и Американской академии искусств и наук. Удостоена высших наград: ордена Британской империи, премии Национального общества книжных критиков, премии принцессы Астурийской.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22

Люди Севера История викингов, 793–1241

Джон Хейвуд, 2017, 452 с.

О чем книга

До XIX в. их считали дикими варварами сродни вандалам и готам, разграбившим античный Рим. С наступлением эпохи романтизма средневековый образ викингов — непобедимых морских разбойников — получил новую трактовку. Во второй половине XX в. и этот воинственный образ подвергся пересмотру, когда археологи обнаружили, что у викингов

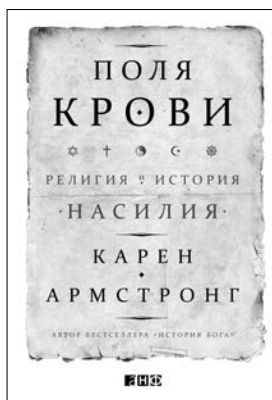
были и мирные занятия — ремесла, торговля, географические исследования. Так кем же они были на самом деле? И какую роль сыграли в жизни Европы? На эти вопросы дает ответы историческое исследование Джона Хейвуда. Из него вы узнаете, кем были предки викингов и кого они вытеснили, когда завоевали земли на севере Европы. Хейвуд рассказывает о культуре, письменности, прикладном искусстве и религии викингов, об одноглазом Одине, вооруженном гигантским молотом Торе и боге плодородия Фрейре. А также о том, как викингам удавалось строить драккары — «корабли-драконы» без единой металлической детали и какую роль эти удивительные корабли сыграли в мировой истории.

Почему книга достойна прочтения

- Книга посвящена эпохе викингов, продлившейся несколько веков и затронувшей почти всю Европу. Это рассказ об экспансии древних скандинавов на Британские острова, по всему Европейскому континенту и на Восток, о заселении Исландии и Гренландии, об открытии норманнами Америки и о той роли, которую они сыграли в становлении российской государственности.
- Джон Хейвуд провел подробное исследование эпохи викингов как явления европейской истории и культуры.
- Книга входит в топ-30 бестселлеров в разделе «История Скандинавии» на Amazon.com.

Кто автор

Джон Хейвуд — специалист по истории Европы «темных веков», автор ряда книг о цивилизации викингов.

Поля крови Религия и история насилия

Карен Армстронг, пер. с англ., 2016, 538 с.

О чем книга

Войны, терроризм, агрессивная нетерпимость, социальное насилие сопровождают человечество на протяжении всей истории. Винавата ли религия, которую все чаще в этом упрекают?

История от каменного века до наших дней раскрывает непростую картину. Встроенная в государственный аппарат религия уже в ранних земледельческих

обществах превращается в инструмент социального подавления. От имени религии совершается немало преступлений, ею оправдывали колонизацию и рабство, погромы и теракты. И вместе с тем из века в век вера смягчает нравы и учит видеть ближнего не только в единокровном. Религии человечество обязано тем, что стало человечеством, не застряв на уровне варварства, где каждое племя — в окружении враждебных племен. Это увлекательное исследование истории религиозных войн и роли религии во власти и политике, написанное всемирно известным религиоведом Карен Армстронг, — глубокое и непредвзятое изложение опыта разных религий: язычества, иудаизма, буддизма, христианства и ислама.

Почему книга достойна прочтения

Своевременная и страстно написанная книга... Без сомнения, вызовет горячие споры на фоне нынешних зверств ИГИЛ и многих других актов насилия, которые совершаются во имя религии.

Джон Корнуэлл, *Financial Times*

Кто автор

Карен Армстронг — один из самых авторитетных историков религии. После семи лет пребывания в католическом монастыре она отказывается от монашеского сана, получает диплом в Оксфорде и преподает в Лондонском университете. С 1982 г. переходит на положение независимого писателя и теле/радиожурналиста. Ее перу принадлежит более 20 книг. Издательством «Альпина нон-фикшн» выпущены: «История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе», «Будда», «Иерусалим: Один город, три религии» и «Битва за Бога: История фундаментализма».

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22